

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 19. — Севастополь : СевГУ, 2020. — 96 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Бойцова Е. Е.

Развитие исторических музеев Севастополя в последней трети XIX – начале XX веков 5

Вакулова Т. В., Белоусова А. И.

Причины и последствия участия болгар в русско-турецких войнах XIX века 10

Дмитриева В. В.

Характеристика обычаев послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья 18

Коваленко В. В.

После Ушакова: Севастополь в первое десятилетие XIX века. 23

Козлов М. Н., Шендрикова С. П.

Медведи бродят по улицам России. Эволюция мифологемы 31

Савчинский В. Э.

Временное правительство и Центральная Рада: кризис отношений в июне 1917 года 39

Ильичев А. В., Ситало М. С., Хапаев В. В.

История возникновения и развития шотландского национального костюма. 48

Шахин Ю. В.

Конфликты, вызванные отношением к Югославской армии в Словении (1944-1946 гг.) 57

Политические науки

Борозенец Д. И.

Контент-анализ политического текста как метод определения базовых концептов политической картины мира эксперта-политолога (на примере высказываний И. М. Апаршина) 62

Гарас Л. Н., Губанов А. И., Шавалюк Е. Р.

Особенности политического популизма в странах Европейского союза (на примере Венгрии) 68

Морозова Н. М., Яковлева Е. С.

Особенности современного баланса сил в Черноморском регионе: военно-политический и экономический потенциал 74

Скребец Е. В.

Трансформация роли правозащитных организаций в современной системе международных отношений) 79

Чемшит А. А.

«Бухгалтерское» сознание и государственные интересы) 84

Философские науки

Галяс И. А., Матвеева Я. В.

Универсум исторической русскости в культурном пространстве «узников» Бизерты. 87

CONTENTS

Historical Studies

Boytsova E. E. Development of Historical Museums in Sevastopol from the Last Third of the 19th to the Early 20th Centuries	5
Vakulova T. V., Belousova A. I. Causes and Consequences of the Participation of Bulgarians in the Russian-Turkish Wars of the 19th Century	10
Dmitrieva V. V. Characteristics of the Customs of the Postpartum Cycle of Maternity and Baptismal Rituals of the Crimean and Azov Region Greeks	18
Kovalenko V. V. After Ushakov: Sevastopol in the First Decade of the 19th Century	23
Kozlov M. N., Shendrikova S. P. Bears Roam the Streets of Russia. The Evolution of the Mythologeme	31
Savchitskiy V. E. The Provisional Government and the Central Rada: the Crisis of Relations in June 1917	39
Ilyichov A. V., Sitalo M. S., Khapaev V. V. The History of the Emergence and Development of the Scottish National Costume	48
Shakhin Y. V. Conflicts Caused by Attitude Towards Yugoslav Army in Slovenia (1944-1946)	57

Political Studies

Borozenets D. I. Content-Analysis of Political Texts as a Method for Finding Basic Concepts of Political Expert's Picture of the World (on Example of I. M. Aparshin)	62
Garas L. N., Gubanov A. I., Shavalyuk E. R. Features of Political Populism in the European Union (on the Example of Hungary)	68
Morozova N. M., Yakovleva E. S. Features of the Current Balance of Power in the Black Sea Region: Military-Political and Economic Potential	74
Skrebets E. V. Transformation of the Human Rights Organizations Role in Modern System of International Relations	79
Chemshit A. A. «Accounting» Consciousness and State Interests	84

Philosophical Studies

Galyas I. A., Matveeva Ya. V. The Universe of Historical Russianness in the Cultural Space of the Bizerte «Prisoners»	87
---	----

УДК 9:069(47)''1869/1914''

В статье рассматривается широкий круг вопросов, связанных с созданием и развитием исторических музеев Севастополя в последней трети XIX – начале XX веков. На основе разнообразных исторических источников проанализированы подходы к комплектованию севастопольских музейных собраний и их роли в формировании образа Севастополя в исторической памяти России.

Ключевые слова: историческая память, музеи, образ, Севастополь.

Е. Е. Бойцова, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail:elenaboicova@list.ru

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СЕВАСТОПОЛЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Во второй половине XIX столетия музей в России становится частью повседневной жизни, частью культуры страны. Большую роль в создании музеев играли Русское географическое общество, Императорское Русское Археологическое общество, Губернские статистические комитеты, Ученые архивные комиссии и другие научные общества. Появление профильных музеев способствовало формированию новых подходов к экспонированию музейных собраний. Получают популярность систематические экспозиции – материал выставлялся в соответствии с классификацией, принятой в профильной музее научной дисциплине. Начинается строительство специализированных музейных зданий. Нормой музейной деятельности становится экскурсионный показ и лекционная работа. В этот период публикуются первые каталоги и описания собраний музеев, методические рекомендации по комплектованию музейных собраний.

Исторический контекст формирования первых музеев Севастополя привлекает к ним пристальное внимание российского общества. Мужеством своих защитников в ходе героической обороны в годы Крымской войны, Севастополь «стяжал удивление всего мира» и стал местом паломничества, куда стекались «с благоговенным любопытством люди всех сословий, преклоняясь пред останками богатырей-воинов, сложивших свои головы за благо родины своей» [12, с. 3]. Оборона Севастополя составила легендарную линию моральных побед русского оружия, на примере которых потомкам демонстрировалось нечто высшее, чем храбрость.

Лучшим памятником защитникам Севастополя стал Музей севастопольской обороны, который был открыт спустя 13 лет после окончания войны. У истоков создания первого музея в Севастополе стоял Петр Владимирович Алабин, штабс-капитан, участник Инкерманского сражения и обороны Севастополя, в которой он пробыл 6 месяцев и 18 дней. Обо всем, что видел и в чем участвовал, писал в своих дневниках, которые после окончания Крымской войны легли в основу его знаменитых «Походных записок». Последние годы своей жизни П. В. Алабин провел в Самаре, был избран городским головой, оказывал материальную поддержку тридцати двум семьям севастопольцев, которые жили в Самарской губернии. В 1869 г. Петр Владимирович опубликовал статью под названием «Севастопольский музей», в которой подробно изложил цели, задачи, направления деятельности будущего музея, подчеркнув, что его основание - «это будет долг чести оставшихся в живых перед прахом наших друзей и братьев» [1, с.11-23]. 1 февраля 1869 г. на очередной встрече ветеранов Крымской войны, «севастопольском обеде», проходившем по традиции в Петербурге, состоялось обсуждение этой статьи, участники выразили полное единодушие — все были готовы принять посильное участие в создании севастопольского музея. 5 апреля 1869 г. по ходатайству севастопольцев и черноморцев, в Петербурге был создан комитет по организации в Севастополе военного музея «в воспоминание достопамятной обороны этого города» [3, л. 1]. Председателем местной севастопольской комиссии для этой цели стал комендант города Петр Иванович

Кислинский. Первые суммы на создание музея внесли участники обороны. Затем сбор пожертвований начался по всей стране. В 1869 г. бахчисарайский полицмейстер сообщил, что собрано от помещиков, купцов и торговцев 4 руб. 95 коп. (взносы достигали от 10 коп. до одного рубля) [3, л.11]. Значительные суммы жертвовали простые люди, например, крестьяне Мелитопольского уезда пожертвовали 30 руб., а Бердянского – 292. В течение трех месяцев в фонд музея поступило свыше 6 тыс. руб. [3, л.18, 22, 28, 30, 32].

Экспонатами стали не только личные вещи, фотографии и документы участников обороны, позже музей пополнился картинами художников И. К. Айвазовского, В. Е. Маковского, Ф. А. Рубо [5]. Библиотека музея насчитывала 60 томов, среди которых особое место занимали два дарственных издания, переданные Эдуардом Ивановичем Тотлебенем: «Описание обороны Севастополя» и «Очерки истории Крымской войны». Музейная экспозиция разместилась в пяти комнатах собственного дома Э. И. Тотлебена. С ремонтом помог городской голова П.А. Телятников. Открытие музея состоялось 14 сентября 1869 г., приглашенных было 70 человек, среди них участники обороны, нижние чины, проживавшие в Севастополе, иностранные гости. Торжественную речь при открытии музея произнес один из его инициаторов, Почетный гражданин Севастополя Э. И. Тотлебен. Настоятель Херсонесского монастыря архимандрит Евгений (Иван Экштейн) освятил музей со словами «как в этом хранилище хранятся ваши бранные доспехи, ваши воинские мечи, ваши щиты, облитые горячей вашей кровью, так сохраняются и будут сохраняться в умах и памяти родного вам народа все чудеса вашего мужества, героизма, все доблести вашего духа» [15, с. 93].

Открытие музея в Севастополе стало значительным событием в культурной жизни России. Впервые по инициативе общественности в провинциальном городе появился публичный музей. Содержался музей за счет доходов с участка земли, в Бердянском уезде, высочайше пожалованного в собственность музея 1 декабря 1869 г. В 1872 году Севастопольский музей принял участие в Политехнической выставке, которая была открыта в Москве к 200-летию со дня рождения Петра I. В программе указывалось, что Севастопольский отдел на Политехнической выставке, отвечая ее основной мысли – содействовать народо-образовательным целям в возможно широких размерах, должен был представить, по возможности, полную картину славной обороны Севастополя и тем самым распространить в народе верное понимание той памятной эпохи. После закрытия выставки часть экспонатов была возвращена в Севастополь, а другая – послужила основой фондов Императорского Российского Исторического музея [2, с. 176-177].

25 лет музей находился в доме Э. И. Тотлебена. Вопрос о строительстве нового здания для музея встал перед Особым комитетом и комиссией в 1884 г. после смерти Э. И. Тотлебена [17, с. 445-446]. В 1895 г. по проекту академика А. М. Кочетова для музея выстроили специальное здание в классическом стиле. Его фасады украшены отлитыми из бронзы декоративными знаменами, оружием, военно-морским атрибутами, выполненными скульптором Б. В. Эдуардсом. На фронтоне фасада, украшенного тонкой резьбой по инкерманскому камню, помещена цифра «349» – число дней героической обороны Севастополя в 1854-1855 гг. По обе стороны от главного входа были установлены пушки и мортиры, сохранившиеся со времен обороны. Путеводитель по Крыму Г. Москвича, 1913 года издания, отмечал, что в экспозиции музея представлены картины осады, в том числе И. К. Айвазовского, портреты, гравюры и бюсты деятелей обороны, полная коллекция оружия того времени, модели кораблей, защищавших Севастополь и затем затопленных для заграждения прохода в Севастопольскую бухту неприятельской эскадре, вещи выдающихся защитников города, в том числе пробитая пулей фуражка П. С. Нахимова и многое другое. В числе экспонатов были вещи императора Николая II, а в 1906 г. в музее появилось 29 манекенов офицеров и низших чинов в обмундировании времён войны 1854–1855 гг. При музее находились служители, которые могли дать разъяснения посетителям, продавались каталоги музея и сочинения о Крымской войне. Музей был открыт ежедневно, с апреля по октябрь с 10 до 5 часов дня, с 1 октября по 1 апреля с 10 до 4 часов дня. Вход стоил 20 копеек, детям – 10 копеек, для военнослужащих и ученических экскурсий – бесплатно. Автор путеводителя подчеркивал, что «путем надлежаще подобранного и сгруппированного текста, таблиц, планов, картин, моделей и каталога музей последовательно развивает перед посетителем весь ход 11-месячной обороны Севастополя» [14, с. 54-55].

В Севастополе очень бережно относились к увековечению памяти защитников города, в 1875 году Городская дума приняла решение никогда не застраивать место бывшей оборонительной линии. На средства общественности началось и устройство в Севастополе Исторического бульвара «по линии бывших бастионов». Подписка на сбор пожертвований была начата в феврале 1876 г. по

инициативе севастопольцев [4]. Однако, из-за недостатка средств благоустройство бульвара затянулось на долгие годы и было завершено уже к пятидесятилетию обороны.

Для подготовки к юбилейным торжествам в 1899 году был образован специальный Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны под председательством Великого Князя Александра Михайловича Романова. На заседании в марте 1901 года было принято решение о создании Панорамы, которая должна была отразить важнейшие события Севастопольской обороны. Писать полотно пригласили мюнхенского художника, профессора батального класса Императорской Академии художеств Франца Алексеевича Рубо (1856–1928). 15 октября 1901 года художник приехал в Севастополь, тщательно исследовал все места исторических сражений, углубленно изучал экспозицию Музея Севастопольской обороны, встречался с ветеранами – очевидцами событий, написал около 50 этюдов. В качестве сюжета был выбран один из ключевых эпизодов обороны Севастополя – отражение штурма Малахова кургана 6 июня 1855 года. В начале января 1902 г. эскиз будущего полотна был выставлен в Зимнем дворце и утвержден императором Николаем II. Основная работа над полотном Панорамы (14 м x 115 м, площадью 1610 м²) велась в Мюнхене, Ф. Рубо помогали его коллеги по академии Л. Шенхен, О. Мерте, К. Фрош и 20 студентов. 15 августа 1904 года Панорама была доставлена в Севастополь [8, с.106 -120]

27 октября 1902 года состоялась торжественная закладка здания Панорамы на Историческом бульваре по проекту инженера – подполковника Ф.-О. И. Энберга [8, с.124]. Строительство круглого в плане, куполообразного, украшенного классическим порталом здания Панорамы завершилось осенью 1904 года. События начавшейся в 1904 году Русско-японской войны «отвлекли внимание всей России от севастопольского юбилейного торжества. Самое торжество было отложено на неопределенное время» [11, с.2]. Но, несмотря на это, 13 мая 1905 года состоялось освящение Панорамы, а 14 мая – ее открытие для публики, приуроченное ко дню коронования их Императорских Величеств. Газета «Крымский вестник» от 13 мая 1905 года сообщала, что «хотя празднество было отложено по случаю войны, работы по восстановлению памятников обороны шли своим чередом. Равным образом продолжалось и приведено было к окончанию сооружение здания «Панорамы Севастополя» в районе 4 бастиона. Сегодня панорама будет освящена при торжественной обстановке, а завтра ее откроют для общественного пользования ... Перед нашими глазами будет только картина штурма 6 июня, но это ... – эссенция всей войны. И все, что характеризовало славную оборону города художник собрал и воплотил в образах на полотне. На картине выдержан колорит местности и ее топография, все точно и верно исторически... Мы будем находиться на Малаховом кургане во время боя и увидим всю обстановку его, все подробности ... Одним словом эпопея обороны воскресает перед нами во всем своем величии. И опять воскреснут чувства умиления и восторга перед доблестями славных защитников Севастополя» [11, с.2].

Административно Панорама относилась к Музею севастопольской обороны и управлялась комиссией музея. Следует отметить, что среди севастопольцев и гостей города Панорама пользовалась огромным успехом: только в период с 14 мая по 1 августа 1905 года в ней побывало 28 965 человек. В 1909 г. полотно панорамы было вывезено для показа в Петербург, а её место временно заняла другая работа Ф. А. Рубо «Взятие аула Ахульго». Панорама «Штурм 6 июня 1855 года англо-французскими войсками Малахова кургана в Севастополе» с большим успехом экспонировалась на Марсовом поле в Санкт-Петербурге до 1911 г. [6, с.142], подтверждая мнение о Севастополе как пантеоне доблести русского оружия, священном месте памяти.

Однако Севастополь в историческом сознании российского общества ассоциировался не только с героикой новейшей военной истории, но и с традицией восприятия православия в византийском Херсонесе – Херсоне – Корсуне.

Учитывая историческое значение Херсонеса как колыбели православия на Руси, открытая в 1852 году Херсонесская Владимирская киновия 18 марта 1861 г. была переведена в ранг первоклассного монастыря. Численность и состав проживающих в обители менялись, от 8 человек в 1877 г. до 30 – в 1894 г. После 1899 г., когда монастырь был объявлен общежительным, численность монашествующих увеличилась и составила в 1907 г. – 158 человек. На протяжении 1861-1876 гг. представители монастыря были активными участниками археологических раскопок в Херсонесе. Православным духовенством была осуществлена первая попытка организации сбора и хранения христианских древностей: при монастыре было основано древлехранилище. При этом артефакты, которые относились к «языческим», не демонстрировались посетителям [10, с. 67-68]. В 1876-1887 гг. археологические изыскания в Херсонесе проводились местным монастырем совместно с Одесским

обществом истории и древностей. Нередкими в это время были сообщения о расхищении и продаже археологических находок с городища. [18, с. 29-39].

Во второй половине XIX в. начался новый этап в археологическом изучении памятников Херсонеса. С целью организации систематических исследований в 1888 г. раскопки Херсонеса Таврического были переданы в ведение Императорской Археологической комиссии (ИАК), которая по рекомендации вице-президента Одесского общества В. Н. Юргевича, назначила руководителем раскопок Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича. [7, с. 23].

По инициативе и благодаря усилиям К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе был организован музей «Склад местных древностей», в котором стали оставаться материалы, обнаруженные при раскопках городища. Многочисленные находки складывались для хранения в небольшом сарае, который был снесен при перепланировке монастырской территории. В 1892 г. Карлу Казимировичу пришлось обустроить экспозицию в наскоро возведенном (в том числе из обнаруженных при раскопках обломков плит и колонн) строении на берегу Карантинной бухты. Данное помещение получило название «Склад местных древностей» и считается первым научным археологическим музеем в Херсонесе. Экспозиция в нем была разделена на две части: античную (классическую) и средневековую (византийскую) [10, с. 68].

Однако, современниками К. К. Косцюшко-Валюжинича высказывались претензии относительно организации хранения экспонатов в херсонесском музее, а большая часть столичных историков была убеждена, что все наиболее ценные находки должны храниться в Императорском Эрмитаже или Историческом музее, только менее ценные или массовые могли быть использованы для пополнения провинциальных музеев или остаться в Херсонесе, многие сомневались в необходимости строительства музея в Херсонесе, в частности К. Э. Гриневич приводит в своей работе выдержку из письма известного востоковеда, товарищи председателя ИАК В. Тизенгаузена, который обращаясь к Карлу Казимировичу подчеркивал, что «нынешняя коллекция в Вашем складе имеет значение лишь временное» [7, с. 30].

А. И. Романчук приводит точку зрения А. А. Бобринского, который даже после создания Склада древностей постоянно напоминал К. К. Косцюшке-Валюжиничу, что политика изъятия некоторых находок осталась неизменной: «О посылке в Исторический музей и Эрмитаж — то приготовьтесь со временем к такой разлуке с Вашими детищами! Есть предметы, коим место в центральных музеях. Не усматривайте в этом направлении Комиссии покушение на Вас» [16].

За 20 лет К. К. Косцюшко-Валюжиничем были проведены масштабные раскопки площади древнего городища. В результате оно превратилось в «Русские Помпеи», с его редкими по сохранности оборонительными сооружениями, стенами, городскими воротами, жилыми кварталами с домами и общественными зданиями (включая Монетный двор), лавками и мастерскими, базиликами, системой водоснабжения, некрополем (свыше 2400 могил, склепов, гробниц). Найдена знаменитая присяга граждан Херсонесской республики Огромное количество археологических находок направлялись в Императорский Эрмитаж «для Высочайшего обозрения», что привлекло к Херсонесу внимание царской семьи. И все же большая часть вещей оставалась на месте, в Херсонесе. В музее бывало много посетителей, особенно в летний период, имелась «Книга отзывов», Карл Казимирович или кто-то из его помощников проводили экскурсии. А. И. Романчук приводит сведения, что, посылая в ИАК выписку из книги посетителей, К.К. Косцюшко отметил: «В 1898 г. расписалось — 3182, в 1899 — 3434, 1900 — 5128, 1901 — 6507, 1902 — 8151 человек». Всего же за 1898—1902 гг. он насчитал 26 452 посетителя [16].

После смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1907 – 1914 гг. музей возглавлял Р. Х. Лепер. С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. в Севастополе было объявлено военное положение, музей был закрыт. Р. Х. Лепер проделал огромную работу: уложил в ящики все наиболее ценное из экспонатов, причем вещи отдельных годов были уложены отдельно, составлены списки вещей. Так же - в ящики – были упакованы архив, чертежи и негативы. Крупные вещи, стоявшие под навесами, были сложены в яму во дворе музея и засыпаны. Все было подготовлено к возможной эвакуации. По согласованию с ИАК эвакуировать вещи нужно было в Харьковский университет. Однако саму эвакуацию 14 ноября 1914 года осуществлял уже Л. А. Моисеев, который в сложных условиях военного времени был назначен сначала временным, а затем и постоянным заведующим «Складом местных древностей» в Херсонесе [7, с. 38-39]. При многочисленных сменах власти в период революций и Гражданской войны Л. А. Моисеев оставался на посту директора и стремился по возможности сохранить музейную коллекцию и археологические памятники.

Таким образом в последней трети XIX – начале XX веков в Севастополе были созданы и оказали значительное влияние на дальнейшее развитие отечественного музейного дела исторические музеи разного типа: военно-исторический, художественно-исторический и историко-археологический. Каждый из этих музеев стал известен далеко за пределами Севастополя и Крыма, нашел свой путь сохранения и дальнейшего формирования музейных коллекций.

Список литературы

1. Алабин, П. В. Севастопольский музей / П. В. Алабин // Морской сборник. – 1869. – № 2. – С. 11–23.
2. Гавришева, Е. Н. Увековечение памяти защитников Севастополя / Е. Н. Гавришева // Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война: первая героическая оборона Севастополя. – Севастополь–Симферополь: ИПЦ «Магистр», 2005. – 288 с.
3. ГАРК. – Ф.26. – Оп.1. – Д. 25128. – Л.1.
4. ГАРК. – Ф.26. – Оп.1. – Д. 26469. – Л. 2.
5. ГКУ АГС. – Ф.15. Обзор Севастопольского градоначальства за 1879 и 1884 гг. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 12; Д. 4. – Л. 11.
6. Голикова, Л. В. Севастопольская панорама в 1905 – 1942 гг. / Севастопольской панораме 100 лет. Ред.-сост. М. П. Апошанская. – Симферополь: ПолиПРЕСС, 2005. – С. 138 – 156.
7. Гриневич, К. Э. Сто лет Херсонесских раскопок. 1827 – 1927: Исторический очерк с экскурсионным планом // Государственный Херсонесский музей. – Севастополь, 1927. – 54 с.
8. Гюнерфаут, С. П. История создания Севастопольской панорамы / Севастопольской панораме 100 лет. Ред.-сост. М.П. Апошанская. – Симферополь: ПолиПРЕСС, 2005. – С. 104 – 138.
9. История города-героя Севастополя. – Киев, 1960. – 366 с.
10. Калиновский, В. В. Посещение императором Николаем II «Склада местных древностей» в Херсонесе в 1902 г. В контексте взаимоотношений археологов и православного духовенства / В. В. Калиновский // Вопросы музеологии. – 2017. – №2 (16). – С.67 – 77.
11. Крымский вестник. – 13 мая 1905. – №122. – С.2.
12. Ливанов, В. Ф. Севастополь до Крымской войны и после оной / В. Ф. Ливанов. – Историческое описание. – М.: Типогр. «Соврем. Известий», 1874. – С. 3.
13. Морской сборник. – 1897. – № 12. – С. 34-39.
14. Москвич, Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму / Г. Москвич. – СПб , 1913. – 302 с., XXIV.
15. Освящение Севастопольского музея // Таврические епархиальные ведомости. – 1 октября 1869 г. – №3.
16. Романчук, А. И. «Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы». – URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/issledovaniya-hersonesa-hersona-raskopki-gipotezi-problem.html> (дата обращения 22.09.2020)
17. Севастополь. Энциклопедический справочник. Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя. – Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД». 2008. – 1118 с.

Статья поступила в редакцию 1.10.2020

Boytsova, E. E. *Development of Historical Museums in Sevastopol from the Last Third of the 19th to the Early 20th Centuries.*

The article deals with a wide range of issues related to the creation and development of historical museums in Sevastopol from the last third of the 19th to the early 20th centuries. Based on various historical sources, the author analyzes approaches to the acquisition of Sevastopol museum collections and their role in image forming of Sevastopol in historical memory of Russia.

Keywords: historical memory, museums, image, Sevastopol.

УДК 94(47)''17/18''+94(497.2)''17/18''

Анализируются процессы и события, происходившие на балканском полуострове в периоды русско-турецких военных конфликтов на протяжении XIX столетия. Рассматриваются политические и национальные устремления болгар на обретение независимости, укрепление связей между Болгарией и Российской империей, взаимопомощь в ходе военных действий, а также политика России в вопросе поддержки болгар. События рассматриваются как пример взаимопомощи и обоюдного российско-болгарского взаимодействия на основе общих культурных и духовных связей, а также в чувстве славянской взаимности.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, Россия и Болгария, Балканский полуостров, национально-освободительное движение

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

А. И. Белоусова, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: alisha.bi@mail.ru

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ УЧАСТИЯ БОЛГАР В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ XIX ВЕКА

Болгарский народ с древнейших времен был известен на славянских землях. Болгарский и славянский народы тесно взаимодействовали между собой ещё в IX веке. Великие и знаменитые книжники, митрополиты Киприан и Григорий Цамблак будучи болгарскими по происхождению занимались просветительской деятельностью в русских землях в конце XIV-XV веках.

Однако, после того как Болгария потеряла свою независимость (1396г.), став провинцией Османской империи и почти на пятьсот лет перестав быть самостоятельным, суверенным субъектом политических отношений на Руси, болгар перестали воспринимать как отдельный народ. Олицетворяя его в течении нескольких веков с конца XIV в. до XVIII в., всего лишь в нескольких болгарских мучениках, претерпевших истязания от турок-мусульман за отказ принять ислам.

При этом явных возможностей к взаимодействию между Российской империей и угнетенным народам на тот момент не возникало, несмотря на то, что предпосылки к началу национально-освободительной борьбы в Болгарии зарождались уже в XVIII веке и ранее. Именно начиная с этого периода вполне допустимо говорить о свершении перелома в судьбе народов, тяготимых Портой, о появлении признаков их национального возрождения, вылившегося в подъем национально-освободительного движения. Эпоха, когда христианские народы чередой выступают в открытых вооруженных выступлениях против турок-осман. Одним из таких народов были болгары. И действия со стороны российского правительства сыграли в этом процессе не последнюю роль. Балканы занимали стратегически важное значение во внешнеполитических интересах Российской империи на протяжении всего XIX столетия. В это время одним из основных стремлений была необходимость защиты государства с юга, а также решение вопроса, касающегося черноморских проливов. Ввиду многолетнего противостояния с Османской империей и несмотря на то, что желание контролировать данный регион, усилить свое влияние как в политическом, так и в экономическом плане, было и у других держав, к примеру, у Англии. Только с Россией на тот момент существовало еще одно немаловажное связующее звено, состоящее в общих культурных и духовных связях, а также в чувстве славянской взаимности. Так национально-освободительное движение болгар каждый раз набирало все больший размах именно в период наступления очередной русско-турецкой войны, когда патриотизм и вера в способность Российской империи совершить миссию освобождения были способны сплотить народ, в то время как сами механизмы любой из таких войн расшатывали основы Османской империи. Начнем с того, что к началу XIX века Османское государство переживало время глубокого кризиса. Слабая центральная власть была как никогда уязвима. Военно-административная система пришла в упадок. Фактически, к началу XIX столетия султан мог полностью контролировать только столицу и местность, прилегающую к ней. Ярче всего разлад проявлялся на окраинах империи, где постепенно формируется несколько полунезависимых или вовсе независимых государств, среди которых можно выделить Египет, Сирию, Тунис, Ирак, признающих

только формальное главенство падишаха. «Анатолия, входившая в центральную часть государства, была раздроблена на несколько образований. В аналогичном положении прибывали и земли тогдашней Румелии (страны Балканского полуострова), где вплоть до рубежа конца XVIII-начала XIX веков не было четкой структуры властей» [20, с. 44]. В подобных условиях Болгарский народ прилагал все усилия для того, чтобы обрести свободу и независимость, ища поддержку у сильного союзника – Российской империи. Таким образом, именно рассмотрение некоторых процессов и событий в периоды русско-турецких военных конфликтов на протяжении всего XIX столетия дает возможность говорить об историческом примере взаимопомощи и обоюдного российско-болгарского содействия.

В 1804 году, в соседней Сербии вспыхивает восстание под всеобщим лозунгом: «Борьба креста с полумесяцем». Параллельно в это же время в Сербии начинают формироваться довольно крупные самостоятельные болгарские отряды. Наибольшую известность среди них имело формирование под командованием одного из предводителей тогдашнего восстания Велко Петровича (около 1780-1813 гг.). Несколько позднее его брат Милко станет во главе болгарского подразделения в составе русской армии во время русско-турецкой войны (1828-1829 гг.) [20, с. 134-135]. Следуя по пути сербов, болгары начинают проявлять инициативу в политической сфере. Известно, что в 1804 г. два представителя Болгарии посетили Санкт-Петербург. Основной целью посланцев- торговцев из Тетевена Атанаса Нековича и Ивана Замбина из Вранцы было обсуждение с российской стороной необходимости политической самостоятельности Болгарии. По причине отсутствия необходимых документов, послы не могли быть допущены к представителям власти. «И только лишь с истечением четырехлетнего срока, в феврале 1808 г., желанная встреча стала возможна» [13, с. 204]. После непосредственного содействия этому со стороны вращевского епископа Софрония, который и встретился в Валахии с генералом Михаилом Андреевичем Милорадовичем. Наверняка, одним из результатов этих переговоров можно считать тот факт, что в том же году на территории Валахии из переселившихся болгар был сформирован добровольческий отряд, вошедший в состав русской армии - так называемое «Земское болгарское войско» во главе с ротмистром Ватикиоти. Одним из самых известных участников этого войска является Георгий Мамарчев, возглавлявший данное формирование не только во время двух русско-турецких войн 186-1812 гг. и 1828-29 гг., но и в Отечественную войну 1812 г. В декабре 1806 года начинается очередная русско-турецкая война. Подстрекаемая Францией, переполненная реваншистскими настроениями за былые поражения, Османская империя стремилась восстановить свои позиции на Кавказе и в Северном Причерноморье. Рассчитывая при этом на то, что вовлеченная к тому моменту в войны с Персией (1804-1813 гг.) и Францией (1805-1807 гг.), Российская империя попросту не сумеет противостоять на еще одном фронте. Тем временем Россия всячески пытается воспрепятствовать усилению французского влияния на Балканском полуострове. В частности, стремясь не допустить захвата французами территорий Дунайских княжеств, которые высадились в Далмации. «В ответ на эти действия туда же в ноябре 1806 г. российское правительство вводит свои войска. Все это в конечном итоге приводит к тому, что Турция в свою очередь объявляет войну Российской империи 18 декабря того же года» [10, с. 201].

Примечательно, что за некоторое время до начала открытого вооруженного противостояния «русское командование приступило к образованию «арнаутских отрядов» в Дунайских княжествах» [10, с. 220]. Основной процент задействованных в данном формировании составляли балканские христиане. В основном это было коренное население княжества, но не редко встречались и перебежчики, в число которых входили и представители болгарского народа. Болгарские гайдуки также оказывали содействие русским войскам на правом берегу. Однако, наибольшие обороты содействия между русскими и болгарам приходится на второй период военной кампании. Весной 1809 г. русские форсируют Дунай. Достаточно быстро захватывают Измаил и Мачен. «В боях под Силистрой (Силистрией) особо проявило себя вышеупомянутое «болгарское земское войско». На тот момент состоящее, по различным оценкам, из 500-2000 человек» [21, с.72]. «В некоторых источниках упоминается, что численность добровольцев могла достигать предела даже 15000 человек» [21, с.74]. Данная военная единица, исполняющая вспомогательную роль разделялась на сотни, находящиеся в подчинении болгарских командиров. «Болгарское земское войско» приняло участие не только в осаде Силистры, но и в боях на западном и восточном направлениях. При отступлении русских войск войны – добровольцы также отступили за Дунай [13, с.247]. По итогам данной войны болгары не смогли достигнуть того, что было предоставлено, к примеру Сербии. Согласно статье 8 Бухарестского мирного договора, заключенного 16 мая 1812 г., «Сербия получила автономию и право самостоятельного сбора налогов в пользу Стамбула» [3, с. 603]. Болгария этого не достигла, но основы для дальнейших действий в подобном Сербии направлении, были заложены. В первую

очередь ярко проявляются политические и национальные стремления и надежды на обретение независимости. О чем свидетельствует укрепление связей между Болгарией и Российской империей, взаимопомощь в ходе военных действий, а также дальнейшая политика России в вопросе поддержки болгар, переселившихся в империю. Вкратце стоит обратить внимание на то, что российские власти поощряли приток христиан на юг страны с целью повышения процента обрабатываемой земли. Но далее следовало время наполеоновских войн. Период, когда вопросы Балкан отошли на второй план вплоть до 20-х гг., когда развитию нового витка в восточном кризисе способствовали, в первую очередь, не правительства государств, а сами народы Балкан. «Начало революции в Греции (1821-1829 гг.) вызвало новую волну подъема национально-освободительного движения в Сербии, права которой, закрепленные в статьях Бухарестского мирного договора (1812 г.)» [3, с.603-604], к тому моменту практически не соблюдались правительством султана. Непокойно было и в Дунайских княжествах, и в Болгарии. И вновь данному процессу поспособствовало начало очередной русско-турецкой войны (1828-1829 гг.). Поводом для которой послужило «нарушение султаном былых договоров с Российской империей: депортация российских подданных, находившихся в пределах Османской империи, а также запрет на судоходство русских судов в Босфоре» [10, с. 350]. «Поражающая своими масштабами данная кампания развернулась не только в Мизии и Добрудже, но и впервые на территории Фракии» [22, с. 216]. На сей раз болгары, проживающие на территории Дунайских княжеств, самостоятельно проявили инициативу, выступив с просьбой восстановить в рядах русской армии Болгарское земское войско. Произошло это еще зимой 1828 г., но российское правительство разрешило принимать в состав русской армии выходцев балканских народов только с весны. «При этом имелся ряд определенных ограничений. Среди них значились: запрет на создание отдельных самостоятельных формирований по национальному признаку, и обязательная отставка каждого после завершения военного конфликта» [10, с. 366]. Конечно, не последнюю роль в тех событиях сыграли и настроения населения Фракии. Русские офицеры оставили в своих записях немало упоминаний о благосклонном отношении местного населения к русским солдатам. В частности, главнокомандующий армии генерал-майор граф Иван Иванович Дибич, удостоенный в последствии титула «Забалканский», именно за участие в этой войне, писал так: «Местные христиане, не только не оставили свои дома, но и с радушием встречали наши войска. Предлагали свою помощь по мере возможности» [10, с. 375]. Помимо достаточно большого количества записей о радушии и взаимопомощи населения, также в записях русских военных можно встретить негативные впечатления от тех условий, в которых проживало тамошнее христианское население. Перед нами сведения армейского офицера П. В. Глебова: «Булгарские селения, попадавшиеся на большой дороге, были грязны и отвратительны: дома полуразрушены с голыми стенами и деревянными решетками вместо окон. Даже нет лавок. Вместо них лишь земляные возвышения, напоминающие собой диван» [14, с.111].

Однако, в конечном итоге, в подписанном 14 сентября 1829 г. Российской и Османской империей Адрианопольском мирном соглашении непосредственно болгар коснулось только одно положение. И касалась она меры в защиту местного населения. «Согласно тринадцатой статье данного мирного соглашения, болгары, непосредственно содействовавшие русской армии были амнистированы султаном и обязаны были эмигрировать в течение восемнадцати месяцев» [1, с. 610]. В последующие 24 года русско-турецкого «мира» (начало новых военных действий между империями придется на 1853 г.) в судьбе балканских народов в целом и болгар в частности произойдет несколько очень важных изменений, отразившихся в том числе и на истории развития российско-болгарских связей. В 1839 году султаном Абдул-Меджидом I (1839-1861 гг.) был «издан Гюльханейский хатт-и-шериф, ознаменовавший начало периода реформирования Империи (Танзимата – 1839-1870 гг.), а также уравнивший в правах мусульман и представителей других религий» [5, с.101]. На следующий год султан позволяет французскому католическому духовенству служить службы в Иерусалиме. Итогом чему стал стремительный рост числа католиков, в том числе и среди представителей народов, населявших Балканский полуостров. Многие болгары, сербы и македонцы жаловались на чрезмерную пропаганду и агитацию за переход из православия в католицизм. К примеру, летом 1850 года более тысячи болгарского населения из Фракии, Болгарии и Македонии с подобной жалобой обратились напрямую в Санкт-Петербург. Параллельно этим событиям религиозный вопрос в Османской империи накаляется, затрагивая теперь уже не только интересы населения территорий Порты, но и непосредственно обостряя международную обстановку. Спор между католиками (в основном Франция) и православными (в основном Российская империя) за право обладания ключами от Вифлеемского храма Рождества Христова (современная Палестина) заметно усугубил отношения между тремя империями. В конечном итоге заветные ключи турецкое

правительство вручает французской стороне в декабре 1852. К моменту, когда этот вопрос перерос в настоящий кризис во франко-русско-турецких отношениях в совокупности со стремлениями европейских держав разделить территории Османской империи, ослабить влияние России на Балканах и желанием самой Российской империи защитить интересы христиан, находящихся в подданстве османского султана.

В это время обострились вопросы Черного моря и проливов Босфор и Дарданеллы и ряда других противоречий. «Сложившаяся международная обстановка периода конца XVIII- нач. XX вв. получила в истории название Восточный вопрос» [17, с. 286]. Неудовлетворённый решением дела о святынях Николай I 3 июля 1853 года вводит войска, пересекающие реку Прут, перейдя тем самым границу Османской империи. В ответ султан Абдул-Меджид I (1839-1861 гг.) при участии посланников Франции и Англии потребовал вывода российских войск из Молдавии и Валахии. Однако, последующего ответа со стороны российского правительства так и не было получено. И Османская империя объявляет войну Российской империи 16 октября 1853 года. 30 ноября того же года вице-адмирал Павел Степанович Нахимов (1802-1855 гг.) разбил турок в Синопской бухте. А уже неделю спустя русским командованием было принято решение о формировании воинских образований из волонтеров, населявших дунайские княжества. Этим обстоятельством воспользовались и болгарские беженцы. Так болгарским врачом и общественным деятелем Иваном Селиминским (1799-1867 гг.) был составлен список из 400 добровольцев. На практике при его же содействии и помощи военного инструктора капитана А. Хаджи достаточно скоро было сформировано 4 роты, целиком скомплектованных из болгарских добровольцев. Таким «новобранцам» выдавались шинели и оружие. Самому юному из них было 18, а самому старшему – 46 лет.

Однако активность представителей болгарского народа в данной ситуации проявилась еще и на политическом поприще. Особую роль в этом сыграли организации торговой буржуазии из Одессы и Бухареста. Бухарестская группировка возникла вокруг местного болгарского церковного прихода в 1854 году, тогда же их признало и русское правительство. Именовалась она Болгарским центральным попечительством (Бухарестский комитет или Болгарский центральный комитет). Одной из основных задач комитета являлся сбор финансов в поддержку дунайских болгар, а также непосредственное участие в формировании волонтерских отрядов. С этой целью подразделения организации были созданы в разных местах Молдавии и Валахии. Руководство организации также предпринимало попытки выступить в качестве посредников между русским командованием армии на Дунае и «османскими болгарями». Но в этом вопросе главенствующая роль досталась иной подобной организации болгар в Одессе. Одесское болгарское настоятельство возникло в 1854 году из представителей местной общины. В отличие от бухарестских собратьев одесские болгары являлись подданными Российской империи и по этой причине пользовались большим доверием в глазах российских властей. Первые 7 тысяч рублей, пожертвованные на благо турецких собратьев, были собраны одесским обществом достаточно скоро. После этого руководство организации, получив дозволение властей, обратилось с подобными просьбами к болгарам Бессарабии и Южных земель империи. Во главе данной организации стояли видные представители купеческого сословия, среди которых были чиновник таможни (в последствии одесской цензуры) Н. Х. Палаузов (1819-1899 гг.), Н. М. Тошков, С. Д. Тошкович и другие.

На протяжении Крымской кампании Н. Х. Палаузов выступит основным связующим звеном между русскими властями и турецкими болгарями, выполняя обязанности главного эксперта по болгарской проблематике будучи при штабе дунайской армии. По приглашению командующего Михаила Дмитриевича Горчакова (1793-1861 гг.) Н. Х. Палаузов прибыл в Бухарест, где располагалась главная ставка Южной русской армии. В скором времени туда же прибыл и двоюродный брат Н. Х. Палаузова, чиновник при департаменте министерства народного просвещения, историк – Спиридон Николаевич Палаузов (1818-1862 гг.). Однако, на тот момент действия братьев в основном были направлены на распространение идей о необходимости так называемой внутренней «малой войны» – действий со стороны волонтеров, которые поднимут местное население к восстанию, которое должно было, по их мнению, приобрести массовый характер, перейдя в партизанскую войну внутри Османской империи. Вследствие чего государство будет ослаблено. Однако, ожидания по итогу не были оправданы. В данном случае подразумевать под этим следует не только данный эпизод, но и в целом сложившуюся по окончанию войны ситуацию. Ведь по отношению к болгарам, заключенный по результатам данной войны Парижский мирный договор 25 февраля 1856 г., никаких изменений не предполагал. К тому же положение самой Российской империи было крайне незавидным.

До наступления самой знаменитой, значимой и результативной в истории российско-болгарских взаимоотношений русско-турецкой войны пройдет 21 год. За этот относительно небольшой срок Российской империи предстоит выучиться на ошибках поражений, добиться пересмотра условий Парижского мира (1856 г.) [6] на конференции в Лондоне (1870 г.), пройти период кардинального реформирования всех сторон жизни, отменить крепостное право (1861 г.) и перевооружить армию в результате военной реформы 1874 года.

В тоже время, болгарским землям выпала эпоха «возрождения» – период небывалой активности населения в социальной, политической, духовной и культурной сфере, возрождения национальных интересов, укрепления самосознания и самоопределения. Всё это совпало с усугублением ситуации на Балканах. В обстановке очередного правительственного кризиса в Османской империи весной 1875 года вспыхивает восстание на территории Боснии и Герцеговины, которое уже на следующий год распространилось и на Болгарию. «Эти события антиосманского выступления в Болгарии, продолжавшегося в период с 18 апреля по 23 мая 1876 г., стали кульминацией в процессе болгарского национально-освободительного противостояния властям Порты, войдя в историю под общим наименованием – Апрельское восстание 1876 г.» [19, с. 30]. В попытках противодействовать восставшим, османское правительство использовало жестокие, кардинальные меры. И несмотря на то, что выступления были подавлены, различные сведения о жестокости осман по отношению к христианскому населению империи быстро распространились за пределы государства, взбудоражив мировую общественность. Видные политические и общественные деятели того времени в России и других странах Европы высказали свое возмущение. Среди них итальянский политический деятель и революционер Джузеппе Гарибальди (1807-1882 гг.), американский военный корреспондент Януарий Алоизий Мак-Гахан (1844-1878 гг.), получивший широкую известность именно благодаря статьям об османских зверствах в Болгарии, французский журналист Эмиль де Жирарден (1806-1884 гг.). Из отечественных деятелей можно назвать выдающегося химика Дмитрия Ивановича Менделеева (1834-1907 гг.)» [15, с. 129]; писателей: «Фёдора Михайловича Достоевского (1821-1881 гг.) [18], Льва Николаевича Толстого (1828-1910 гг.) [9]. Французский писатель Виктор Гюго (1802-1885 гг.) в августе 1876 года писал: «Необходимо привлечь внимание европейских правительств к одному факту, одному совершенно небольшому факту, который правительства даже не замечают... Подвергнут истреблению целый народ. Где? в Европе... Будет ли положен конец мучению этого маленького героического народа?» [12, с. 423].

Таким образом, события Апрельского восстания и его последствий приобретают такую широкую огласку вне Болгарских земель, что в конечном итоге преобразуются в одну из причин очередного мирового политического кризиса. Для разрешения которого была созвана Константинопольская конференция, прошедшая в период с 11 декабря 1876г. по 8 января 1877г. Тогда русским дипломатическим корпусом во главе с Николаем Павловичем Игнатьевым (1832-1908 гг.) было предложено два проекта, касающихся возможного будущего Болгарии. Согласно первому варианту, Болгария приобретала права автономии в составе Османской империи. Согласно второму – Болгария подлежала территориальному разделу на две автономные области. И именно этот вариант был согласован еще тогда. По совету Н. П. Игнатьева «болгарские представители предоставили участникам конференции свои соображения, изложив их в специальной бумаге, наполненной статистическими данными, и этническую карту расселения болгарского народа. Предполагалось, что именно исходя из этих данных будет решаться вопрос о границах будущего государства» [8, с. 658].

В конечном итоге принятые положения были вручены османам для исполнения. Порта ответила несогласием.

Следующая попытка снять напряжение произошла в Лондоне, где подписанный 31 марта протокол также был вручен представителям Османской империи. Предписание было таково, что в случае отказа и от данного документа, Российская империя брала на себя ответственность в немедленной мобилизации своих войск. Просчитавшееся правительство султана отвергает все документы (10 апреля 1877г), а Россия, получив таким образом формальный повод, незамедлительно объявляет Турции войну (12 апреля). Это первый и последний в истории русско-турецких войн случай, когда цель «вырвать из власти турок ту страну Болгарию, в которой они совершили столько злодейств» [4, с. 371-372] являлась официальной и открыто прописанной в документах генерального штаба. А в самом манифесте Александра II от 12 апреля 1877 года основным мотивом войны значилось освобождение всего христианского населения от угнетения».

Предполагаемый вариант действий в случае военного столкновения с Портой был разработан осенью 1876 г. Тогда же было принято решение о необходимости формирования ополчения на территории Болгарии, которое вплоть до мая 1877 г. существовало в условиях строжайшей

секретности. Первые три болгарских корпуса организовались в Кишиневе в составе 800 солдат. Через некоторое время к ним присоединились 137 одесских добровольцев и еще 200 болгар, эмигрировавших в южные земли Российской империи. В начале компании общая численность участников из числа болгар насчитывала более семи с половиной тысяч человек, объединенных в 6 батальонов. В то время, как к окончанию военных действий это количество возрастает в разы, составляя более 12 тысяч, объединенных соответственно в 12 батальонов. Данные формирования проявили себя при освобождении Тырнова, в сражении при Шейново. Известно, что принявшие участие в обороне Шипки болгары понесли огромные людские потери. В целом ранеными и убитыми насчитывалось более 500 человек. «За мужество и героизм, проявленный в бою при Ески-Загре (совр. Старая Загора, Болгария), происходившего 19 июля 1877 г., в каждой роте к награде креста св. Георгия были представлены по несколько человек» [11, с. 309].

Кроме рядов ополченцев, напрямую принимавших участие в боях, при штабах императорской армии находились специальные волонтерские партизанские образования из числа болгар – четы. В их задачи входило исполнение разведывательных функций, обеспечение командования информацией о расположении и состоянии армии противника. Больше всего подобных образований было создано в районе Балканского хребта. Наибольшую известность получили четники под командованием Филиппа Тотю (1830-1907 гг.), Д. Трифонова, Ил. Малкого, П. Хитого. Известно, что «по численности отряды всегда достигали большого количества. Уже после окончания военных действий, согласно проведенному в Кюстандиле сбору, ополченцев насчитывалось 700 человек пешими и 120 конными» [13, с. 270].

События, относящиеся еще к самым первым месяцам войны, иллюстрируют общее настроение населения уже к тому моменту. Когда в июне 1877 г. русская армия после успешной переправы через Дунай, заняла первый болгарский город на своем пути – Свиштов (Систов), то каждый житель был готов помочь своим освободителям – пригласить их в свой дом. Первым делом после освобождения определенных территорий вставал вопрос об организации власти. Четкого регламента данная процедура не имела, поэтому в разных случаях вопрос управления решался по-разному. Советы по управлению иногда организовывали старейшины, иногда данную миссию в назначении принимали на себя представители русского военного командования, а иногда встречались случаи установления властей, согласно выбору местного населения. На время сохранили систему османского сбора налогов, отменив только «налог на религию». По примеру русских губернских создавались казначейства. Для восстановления торговли были предприняты меры по созданию Болгарского народного банка. Для его работы был разработан основной документ. Возобновили свою работу и школы, оставшись на содержании населения. Однако, главной целью «временных правительств» было «поддержание и обеспечение порядка и спокойствия, предотвращение стычек между турками и болгарами. Для этого были сформированы вооруженный караул, полиция и стража» [16, с. 21-22].

Тем временем Османы терпят поражение за поражением. И 19 января 1878 г. в Адрианополе подписывают срочное перемирие на условиях, продиктованных русским правительством. Согласно документу, независимость наконец-то приобретали Сербия, Румыния и Черногория. Болгария, оставаясь целостной, становилась автономией. России отходила Южная Бессарабия, ранее ею потерянная в результате Крымской кампании (1853-1856 гг.) [6, с. 31]. Свершению данного перемирия воспрепятствовали иные «игроки» мировой политики. В особенности Австро-Венгрия и Англия, возмущенные перспективой создания независимых государств из кусочков Османской империи. На официальных переговорах в Сан-Стефано (13 километров от Стамбула), происходивших 3 марта 1878г. и согласно II статье заключенного тогда мирного договора, Черногория признавалась независимой. III статьей этого же договора закреплялась независимость Сербии, а V статья закрепляла независимость Румынии. Статьи VI-XI посвящены судьбе Болгарии. Ключевыми являются следующие положения:

1. «Болгария образует самоуправляющееся, платящее дань, Княжество, с христианским правительством и земским войском. Окончательные границы Болгарии будут установлены особой Русско-турецкой комиссией до очищения Румелии российской императорской армией. При изменениях на месте общего очертания границ, Комиссия, согласно основаниям мира, примет во внимание начала народности большинства пограничных жителей, а также топографические условия и практические нужды местного населения, касающиеся удобства сообщений» (ст. VI) [7, с. 164-168].

2. «Князь Болгарии будет свободно избираем населением и утверждаем Блистательной Портой с согласия держав. – Ни один из членов царствующих династий великих европейских держав не может быть избран князем Болгарии» (ст. VII) [7, с.164-168].

3. «Оттоманские войска не будут более находиться в Болгарии, и все прежние крепости будут скрыты на счет местного правительства» (ст. VIII) [7, с.164-168].

Однако закреплённая данной бумагой победа, по факту обернулась «проигранной войной». Ведь признания и поддержки договор не получил более не в одном государстве, кроме самой Российской империи и Болгарии.

В конечном итоге под давлением иных европейских империй –Великобритании и Австро-Венгрии, российское правительство даёт вынужденное согласие на пересмотр принятого ранее в Сан-Стефано мирного договора. 1 июля 1878 г. состоялся Берлинский конгресс, по результатам которого был подписан обновлённый мирный договор в основном рассматривающий дальнейшее положение Болгарии. Существенные изменения произошли по следующим пунктам:

1. Болгария была разделена на три равные части. Северная Болгария определялась в качестве Болгарского княжества, которое ограничивалось с юга Старой Плананой и Дунаем – с севера (ст. II). Пользуясь при этом всеми возможными правами автономии (самостоятельное формирование войска ведение дипломатических, экономистских и торговых отношений с иными странами, избрание правительства), но находясь в составе Османской империи.

2. Южная Болгария (территория между Фракией и Балканскими горами) была преобразована в автономную область под названием Восточная Румелия во главе с назначаемым Османами христианским губернатором сроком на 5 лет (ст. XIII).

3. Западная Болгария, не претерпевая изменений, возвращалась под прежнее владение Портой, то есть под полный контроль со стороны султанского правительства. Данное положение сулило лишь незначительные преобразования, прописанные в XXIII статье Берлинского трактата.

Помимо вышеперечисленного, Болгария таким образом «лишалась фактического выхода в Эгейское море, что не могло не отразиться пагубным образом и на без того низком экономическом состоянии теперь уже разрозненных земель» [2, с. 186-190].

Тогда именно так проявилась неудача триумфальной войны для балканских народов и самой России. Ликование сменилось разочарованием. И казалось Германия, Австро-Венгрия и Англия сделали все для этого возможное. Но, несмотря на это, Петербург пытается поддерживать свои пошатнувшиеся позиции теперь уже на территории Болгарского государства. Россия продолжает помогать оружием, обучает компетентных профессиональных специалистов в разных областях, а также предоставляет в распоряжение болгарского правительства Дунайскую флотилию. Несмотря на то, что при окончательном объединении Болгарии, которое произойдет несколько позже (1885-1886 гг.), роль России будет не такой значительной, необходимо обратить внимание на тот факт, что день освобождения от османского гнета и по сей день на всей территории Болгарии отмечается именно той датой, когда был подписан Сан-Стефанский мирный договор – 3 марта 1878 года.

Список литературы

1. Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией, заключенный 2 (14) сентября 1829 г. // Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. Книга 5. Россия. Часть 1. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. – С. 609 – 615.

2. Акт Берлинского конгресса от 13 июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1952. – С.181 - 205

3. Бухарестский мирный договор между Россией и Турцией от 16 (28 мая) 1812 г // Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. Книга 5. Россия. Часть 1. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. – С. 602 - 605.

4. Высочайший Манифест о вступлении Российского войска в пределы Турции от 12 апреля 1877 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 52. – СПб.: В Типографии II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1877. – С. 371-372.

5. Коряков, В. П., Старостина, С. А. История мусульманского государства и права / Гюльханейский хатт-и-шериф от 3 ноября 1839 года: учебное пособие / часть первая: Арабский халифат. Османская империя. – Калининград: КЮИ МВД России, 2002. – 188 с.

6. Парижский трактат от 18 (30) марта 1856 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С.23–33.

7. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор от 19 февраля (3 марта) 1878 г. //Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С.159-175.
8. Записка Николая Петровича Игнатьева о задачах Константинопольской конференции (ноябрь 1876 г.) / Сост. Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. Книга 5. Россия. Часть 1. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. – С.658
9. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Дневник 1878 / Л. Н. Толстой. – М.: Государственное издательство художественной литературы. - 1952. – 48 т. – 235 с.
10. Виноградов, В. Н. История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / В. Н. Виноградов. – М.: КРАС АНД, 2012. – 496 с.
11. Виноградов, В. Н. История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856-1878гг.) / В. Н. Виноградов. – М.: КРАС АНД, 2012. – 336с.
12. Гюго, В. Что я видел. Эссе и памфлеты / сост. Т. Соколова. – М.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2015. – 460с.
13. История Болгарии. В 2 т. Т.1 / П. Н. Третьяков, С. А. Никитин, Л.Б. Валиев. – М.: Издательство академии наук СССР, 1954. – 600 с.
14. Медведева, О. В. Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в. (По донесениям первого российского консула в Сливене Г. В. Ващенко) / О. В. Медведева // Вестник Приднепровского университета. – №1. – 2005. – С. 110-125.
15. Менделеев, Д. И. Познание России. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. – М.: Эксмо, 2008. – 235с.
16. Никифоров, К. В. История Балкан : На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 504 с.
17. Протопопов, А. С. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000) / А. С. Протопопов, В. М. Козьменко, Н. С. Елманова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 344 с.
18. Старынин, А. В. Ф. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / А. В. Старынин // Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993. – 336с.
19. Улуян, А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и России /А. А. Улуян. – М.: Наука, 1978. – 215с.
20. Улуян, А. А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII-XIXвв. / А. А.Улуян. – М.: Наука, 1996. –239 с.
21. Фролова, М. М. Болгарские отряды в русско-турецких войнах XIX в. / М. М Фролова // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – М., 2006. – С. 65 –79.
22. Фролова, М. М. Варна 1828–1829 гг. (по воспоминаниям русских офицеров) / М. М. Фролова // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. – С.214-243.

Статья поступила в редакцию 05.10.2020

Vakulova, T. V., Belousova, A. I. *Causes and Consequences of the Participation of Bulgarians in the Russian-Turkish Wars of the 19th Century*

The article analyzes the processes and events which took place on the Balkan Peninsula during the Russian-Turkish military conflicts throughout the 19th century. The article describes the Bulgarians' political and national aspirations to obtain independence, strengthening relations between Bulgaria and the Russian Empire, mutual assistance in the course of military operations, as well as Russia's policy for supporting the Bulgarians. The events are considered as an example of mutual assistance and reciprocal Russian-Bulgarian interaction, based on common cultural and spiritual relations, as well as a sense of Slavic mutuality.

Keywords: Russian-Turkish wars, Russia and Bulgaria, Balkan Peninsula, national liberation movement.

УДК 392.1(=411)(1-924.71)

Рассматриваются традиции и обряды послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья, при помощи которых происходили процессы социализации ребенка – принятие его в члены рода и сельской общины. Описываются аналогичные элементы родильно-крестильной обрядности болгар, албанцев, гагаузов, украинцев, крымских татар, турок, греков материковой Греции и др. Анализируются обычаи крымских и приазовских греков, связанные с подготовкой и проведением первой стрижки волос, крестин, проведением роженицы и новорожденного, наречением имени.

Ключевые слова: греки Крыма и Приазовья, родильно-крестильная обрядность, роженица, новорожденный, повитуха, крестные родители, кумовья.

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitrieva2010@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЫЧАЕВ ПОСЛЕРОДОВОГО ЦИКЛА РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГРЕКОВ КРЫМА И ПРИАЗОВЬЯ

Родильно-крестильная обрядность является составной частью семейной обрядности греков Крыма и Приазовья. Она включает в себя три цикла: 1) предродовой, 2) родильный, 3) послеродовой. В данной статье будет дана характеристика некоторых обрядов и обычаев послеродового цикла родильно-крестильной обрядности крымских и приазовских греков, которые способствуют социализации ребенка. Одним из них является обычай наречения именем. Как правило, у греков первого внука в семье называли именем бабушки (по линии отца) [17, л.7]. Эта традиция является свидетельством существования у греков Крыма и Приазовья и в наши дни культа предков. В этом обычае нашли свое отражение архаические народные представления о возрождении душ умерших предков в новорожденных детях. При этом считалось, что внук вместе с именем своего деда приобретает наилучшие качества, которые были присущи его предку во время жизни. Возможно, этот обычай берет свое начало еще во времена Древней Греции. Поскольку известно, что греки давали имя ребенку в честь знаменитых родственников, друзей, героев. Празднование в честь наречения имени осуществлялось на 7-й или 10-й день после рождения ребенка [4, с. 292].

На третий день после рождения ребенка, если это был не первый мальчик в семье, повитуха ходила ему за именем в церковь. Носила подарок священнику, а тот называл имя в соответствии с церковным календарем [17, л.12]. То, что, именно, повитуха ходила за именем ребенку в церковь, передавала священнику подарок, может указывать на связь этого обычая с древним ритуалом жертвоприношения богам от семьи новорожденного. Также необходимо отметить, что эта своеобразная форма «купли-продажи» имени ребенка отображала зависимость традиции от экономических условий развития наиболее передовых областей юга Российской империи [5, с.73].

Наши респонденты рассказывали, что в некоторых исключительных случаях имя ребенку давала сама повитуха [17, л. 28]. Вероятно, это происходило тогда, когда ребенок рождался болезненным, и родители боялись, что он умрет без имени. А у украинцев повитуха даже могла крестить новорожденного, если родные считали, что до прихода священника ребенок может не дожить [5, с.229]. Данные традиции могут быть свидетельством того, что у греков Приазовья ранее функции повитухи были шире.

В традиционной обрядности греков Приазовья большое внимание уделяется обычаям, связанным с такими событиями в жизни ребенка, как первое купание, первая стрижка волос и др. Например, важным социальным этапом в жизни новорожденного была первая стрижка волос. Этот ритуал проводили, когда ребенку исполнялся год. Он характеризуется торжественностью и присутствием большого количества родственников, друзей, соседей. Главными действующими лицами этого праздника были крестная мать и повитуха. Повитуха купала ребенка, потом крестная мать состригала с его головы волосы [17, л. 29], обрезаю по локону с четырех сторон – крестообразно. Эти волосы хранили, завернув в платок вместе с лекарственными травами [17, л. 13]. Подобные обряды существовали в родильно-крестильной обрядности украинцев, албанцев, народов Югославии, болгар, гагаузов.

В Албании еще в XIX в., считали, что мальчик, которому в первый раз состригали волосы, переходит из группы детей (к ним относились как к бесполом существам) в группу мужчин. После этой процедуры мальчика отводили в гостевую комнату дома, где собирались мужчины отметить это

событие за праздничным столом, и он праздновал вместе с взрослыми мужчинами. Если мальчик умирал уже после проведения этого ритуала, его хоронили, как и всякого мужчину в глубокой яме, в то время как ребенка закапывали в неглубокой ямке. В разных местностях описанная инициация проводилась над мальчиками разных возрастов – от 1 до 5 лет [10, с.158].

Известно, что в большей части югославских земель ребенка стригли, как и у греков Приазовья, когда ему исполнялся год. Иногда этот обряд совмещали с крещением, также были случаи, когда этот обряд проводили в любой день на протяжении первого года жизни. Состригали волосы крестом или с трех сторон, но в отличие от приазовских греков, стриг ребенка кум [3, с.199].

У болгар, когда ребенку исполнялся год, крестный отец стриг своему крестнику волосы и ногти [8, с.112].

Важным моментом празднования первого года жизни ребенка у гагаузов, также как и у греков Приазовья, была ритуальная стрижка волос ребенка. На это торжество приглашали самых близких родственников и крестных родителей [13, с.33].

На Юге Украины стрижка волос в честь того, что ребенку исполнился год в конце XIX – начале XX вв., превратилась из семейного в родовой и общественный праздник с участием, как и у греков Приазовья, крестных родителей и других приглашенных гостей [2, с.183].

Глубинное значение обычая первой стрижки волос чешский этнолог Л. Нидерле трактовал, как ритуальный переход ребенка из-под опеки матери под опеку отца. Российский этнограф Ю. В.Иванова интерпретировала этот обычай как одну из форм обряда инициации [10, с.158-159]. Украинский этнограф Н. Ф. Сумцов считал, что ритуальная стрижка волос в день, когда ребенку исполнился 1 год от рождения, является обрядом жертвоприношения богам, волосы – это замена людской жертвы [21, с. 68]. О дохристианском происхождении этого обычая свидетельствует тот факт, что детские волосы приносили в жертву разным богам и духам в Древнем Египте, Вавилоне, Греции [4, с.160].

У греков Приазовья, в отличие от албанцев, народов Югославии, болгар, гагаузов, украинцев, обряд первой стрижки проводился крестной матерью, а вторым действующим лицом была повитуха, которая осуществляла в этот день ритуальное омовение ребенка, т.е., главные роли принадлежали женщинам. В остальных аспектах греческий, украинский, болгарский, югославский, гагаузский варианты обычая совпадают.

Рождение ребенка было праздником не только для его матери и семьи, в которой он родился, а было радостью для жителей всего села. Узнав о благополучном окончании родов, соседки и знакомые спешили провести роженицу, поздравить ее. Обычай посещения роженицы и ребенка назывался у греков Приазовья украинским словом – «видвидыны» (проведывание), потому что греческое название этого праздника до наших дней не сохранилось.

Проведывать роженицу и новорожденного у греков Приазовья, как и украинцев, приходили только женщины, которые сами уже рожали. Присутствие мужчин на этом празднике, в отличие от крестин, не разрешалось [16, л. 11]. Среди гостей не должно было быть беременных и женщин с менструацией [16, л. 10].

О том, когда именно соседки и знакомые приходили провести роженицу существуют разные точки зрения. Одни информаторы рассказывали, что это происходило до 40 дней после родов, когда роженица еще считалась «нечистой» [17, л. 28], другие – после 40 дней, когда роженица уже приняла молитву в церкви [16, л. 68], а до этого к ней никого не пускали, потому что боялись сглаза.

Необходимо отметить, что послеродовой период в традиционной культуре практически у всех народов мира был наполнен многими магическими обрядами, при помощи которых роженицу и новорожденного старались уберечь от сглаза и негативного воздействия «нечистой силы». Поэтому у крымских и приазовских греков в первые дни после родов, не только роженицу, но и новорожденного никому не показывали, его могли видеть только самые близкие родственники [17, л. 17]. Этот обычай имеет в своей основе и рациональное зерно, поскольку рослее родов, женщине и новорожденному были нужны покой, а роженице еще и время, чтобы восстановить силы после родов.

Когда соседки и знакомые приходили провести роженицу, они приносили с собой ритуальный подарок: блюда из муки, сладости [16, л. 79], а новорожденному ткань на пеленки – «ангуни» (рум.), «эсти» (урум.), монеты [17, л. 28].

Как и во время проведения ритуального праздника «Стола Божьей Матери», который проводился в день благополучного окончания родов, все съедобные подарки, которые приносили гости, выставляли на праздничный стол для общего угощения. Кроме этого, подавали специально приготовленное ритуальное блюдо – «футишэ» (рум.) – сладкие сухарики [18, л. 28].

Подношение подарков для роженицы и новорожденного может трактоваться как материальная помощь семье ребенка со стороны сельской общины, поскольку семья несла значительные

финансовые затраты для того, чтобы достойно провести крестины, первую стрижку волос ребенка, «Стол Божьей Матери», отблагодарить за принятие родов повитуху и т.д.

Каждый, кто приходил проводить роженицу и ребенка клал на голову новорожденного серебряную монету – «капика» (рум.) и посыпал лоб мукой, делая при этом крестообразное движение. При этом урумы говорили: «Панаям имиджэ итэ» («Дарю серебро и желаю всякое добро»). Мать ребенка хранила эти монеты, ими обсыпали жениха и невесту во время свадьбы, что символизировало пожелания богатства и благополучия новой семье [17, л. 49].

Использование монет встречается часто в родильно-крестильной обрядности греков Приазовья (дарение дедушкой и бабушкой по отцовской линии новорожденному золотой монеты, передача отцом ребенка подарков и монет повитухе и др.).

У крымских татар, также как у крымских и приазовских греков, было принято, чтобы родственники, которые пришли проводить новорожденного оставляли возле его колыбели монеты [6, с.24]. Чаше всего у татар проводить роженицу и ребенка приходили после того, как женщина очищалась от родильного «греха», при этом с собой приносили блюда национальной кухни.

У турок, соседки на протяжении трех недель после родов приходили проводить роженицу и клали в тарелку, которая стояла возле колыбели ребенка деньги, их потом в качестве оплаты своего труда забирала повитуха. При этом женщины желали новорожденному долгих лет жизни, произнося фразу: «Пусть жизнь твоя будет долгой!» [7, с. 128].

У восточнославянских, также как и у крымских и приазовских греков, существовал обычай посещения роженицы. Молодые женщины – соседки и знакомые, узнав о благополучном окончании родов, приходили в дом роженицы с поздравлениями и приносили с собой ритуальные блюда. А в воду для первого купания новорожденного бросали монету. Приходили не просто все женщины, а только те, кто уже рожал; в их группу переходила молодая мать. Это проводывание у русских называлось «отведки», у украинцев – «видвидыны», у белорусов – «проведки» [1, с. 96].

У гагаузов также существовал обычай проводить роженицу – «пунуду», при этом женщины, приходя в дом роженицы, приносили с собой, как и у греков, мучные блюда: хлеб – «плачинта», ритуальное блюдо – «акытма» (ее готовили из пшеничной муки, замешанной на яйцах и поджаренной на масле) [15, с. 21].

Посещение роженицы и новорожденного дальними родственниками и соседями символизировало принятие ребенка в сельский – территориальный коллектив. Этот обычай можно считать общераспространенным, так как он существовал у разных по происхождению и культурным особенностям народов (греки Приазовья, крымские татары, турки, русские, украинцы, белорусы, гагаузы). Хотя его отдельные элементы – время проведения, состав участников – не были одинаковыми и отличались у разных народов.

У многих народов, приходя проводить роженицу, приносили ей не только мучные блюда, но и разные сладости. При этом, как и у греков Приазовья, у этих народов считалось, что если женщина будет есть сладкие блюда, сможет быстрее восстановить свои жизненные силы после родов [15, с. 17].

Например, у турок, также как и у приазовских греков, роженице давали сладости, а именно щербет, конфеты. Ими также угощали женщин, которые приходили проводить роженицу [19, с. 61].

У армян также существовал традиция, проводывая роженицу, ей приносили сладости – специальное ритуальное блюдо – яичницу с медом [12, с. 531].

У азербайджанцев сразу после родов женщину кормили, как и у приазовских греков сладостями. Сразу ей давали стакан щербета, а чуть позже готовили ритуальное блюдо из муки с добавлением меда или сахара [9, с. 139].

Возможно, обычай приносить роженице в подарок сладости и ими кормить после родов, сложился у греков под влиянием турецких традиций.

Состав участников обряда «проводывания», ритуальный характер угощения позволяют сделать вывод, что после родов роженицу принимали в коллектив взрослых женщин, у которых были дети. Также, через некоторое время после рождения первого ребенка, невестка становилась полноправным членом семьи своего мужа. Взаимное посещение женщин после родов друг друга является одной из характерных черт ритуальной сферы жизни женской половины сельской общины. В греческих селах этот институт объединял всех женщин.

У крымских и приазовских греков было принято, чтобы в доме роженицы собирались гости в день, когда ребенка крестили в церкви. Этот обряд наши информаторы называли «крестинами», его греческое название до наших дней не сохранилось. В этом празднике принимали участие не только представители семьи новорожденного и его рода, но и большое количество односельчан, что может символизировать принятие ребенка в сельскую общину, членом которой он с этого момента становился. Роль родителей ребенка, во время проведения крестин была минимальна. Основные

обрядовые функции выполняли крестные родители новорожденного. Можно сказать, что они на этом празднике выступали в качестве посредников между родом ребенка, т.е., его кровными родственниками и сельской общиной, в представители которой его принимали.

В селе Малая Янисоль нам рассказывали о существовании очень интересной традиции. Соседки и родственницы роженицы после крещения ребенка приходили на праздник крестин. На улице начинались гуляния, женщины пробегали определенную дистанцию. Победительница получала в качестве приза большой платок – «бохчу», сладости [17, л. 70]. Некоторые респонденты отмечали, что такой праздник устраивали после того, как роженица приходила из церкви, после принятия «очищающей» молитвы [17, л. 67].

На крестины у греков Приазовья, как и у украинцев, готовили почти те же блюда, что и на другие семейные праздники. Количество блюд отображала социальную дифференциацию крестьян. Богатые для этого праздника резали телянку или овцу, в бедных семьях курицу или обходились без мяса [5, с. 82].

С. И. Марков писал, что у греков в XIX в. во время празднования крестин гостей угощали необычайно толстой яичницей с сахаром. Это блюдо готовила повитуха и получала за него деньги [14, с. 415]. К сожалению, во время проведения приазовских экспедиций воспоминания об этом обычае мы ни в одном из греческих сел не зафиксировали.

Гости, которые приходили на крестины приносили с собой в подарок – блюда из муки, яйца и другие продукты. Блюда из муки приносили с собой на крестины и украинцы. А на территории Киевского и Житомирского Полесья повитуха, как и у греков, готовила яичницу, но называли ее «кашей», это название ритуального блюда украинцев, которое готовили, как правило, на крестины [22, с. 77]. По мнению Н. К. Гаврилюк дарение роженице и приготовление для нее блюд из яиц и муки было связано с народным представлением о взаимосвязи между человеческим деторождением и плодородием земли, домашних животных и птиц. Это отображает взаимосвязь и взаимопроникновение элементов брачной и аграрной магии [5, с. 144].

Видимо, не случайно, что среди ритуальных угощений, которые подавали на стол у греков Приазовья во время крестин, было блюдо из яиц. Известно, что уже в древнегреческой культуре предков яйцо занимало важное место. В античных некрополях археологи находят остатки яиц или их искусственные подобию из глины и других материалов [4, с. 70-71; 11, с. 39]. Яйцо на протяжении столетий было символом плодородия, в основе этого представления вера в его животворящую силу. Вероятно, поэтому у многих народов, в частности у приазовских греков, армян, во время крестин подавали на стол блюда из яиц, тем самым, выражали пожелание ребенку быть плодотворным.

Именно на крестинах, по данным наших респондентов, повитухе дарили подарок и благодарили за помощь. Этот подарок состоял из нескольких элементов, они варьировались в разных греческих селах. Но главной частью подарка было мыло и полотенце. У греков говорили: «Это для того, чтобы повитуха могла помыть руки после работы», также считали, что «если не подарить повитухе мыло и полотенце, то она на том свете будет преследовать роженицу» [16, л. 31]. Как дополнение к подарку в разных греческих селах выступали разные предметы: отрез материала, передник [17, л. 72], платок и домашняя птица [16, л. 42], деньги [16, л. 11], мешок зерна [17, л. 40].

У болгар повитуха получала подарок от роженицы. Это был горшок зерна, в который была вставлена свеча, и лежал сверху кусок хлеба, а также новое полотенце (как и у греков) и деньги [8, с. 107].

У гагаузов обряд празднования крещения назывался «куметрия». На него приглашали кумовьев, родных, знакомых. Все гости бросали в тарелку монеты, более крупные по номиналу для роженицы, мелкие – для повитухи. В этот день, кроме денег повитуха получала от родителей новорожденного подарок за свою работу – миску муки, кусок мыла (также как и у греков) и платок [15, с.24].

У грузин, как и у приазовских греков, повитухе дарили кусок мыла, деньги, пшеницу. Мыло было обязательным элементом ритуального подарка, в народе говорили: «чтобы повитуха могла очиститься» [20, с. 31], т.е. главной частью подарка для повитухи у греков и других перечисленных народов было мыло и полотенце, которые символизировали собой предметы для ритуального очищения после принятия родов.

Подводя итоги, подчеркнем, что обряды и обычаи послеродового цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья содержат ряд языческих элементов, связанных главным образом с продуцирующей и охранительной магией. В организации и проведении ряда праздников послеродового цикла принимают участие не только ближайшие родственники, но и соседи, односельчане. Также необходимо отметить, что и в наши дни кумовство, как своеобразная форма духовного родства не теряет своего значения, как и традиция называть старшего сына именем дедушки по отцовской линии, что может быть расценено как показатель стойкости этнических традиций крымских и приазовских греков.

Список литературы

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 223 с.
2. Борисенко, В. К. Традиції і життєдіяльність етносу : на матеріалах святково-обрядової культури українців / В. К. Борисенко. – К. : УНИСЕРВ, 2000. – 191 с.
3. Бромлей, Ю. В. Брак и семья у народов Югославии / Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба. – М. : Наука, 1982. – 238 с.
4. Велишский, Ф. Ф. Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский. – Прага, 1878. – 670 с.
5. Гаврилюк, Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев) / Н. К. Гаврилюк. – Киев : Наукова думка, 1981. – 224 с.
6. Гаспаралы, Ш. Обычаи рождения детей в Крыму / Ш. Гаспаралы // Эмел. – 1995. – № 208. – С. 23 – 25.
7. Гордлевский, В. А. Рождение ребенка и его воспитание (Материалы по османской этнографии) / В. А. Гордлевский // Избранные сочинения. – М. : Наука, 1968. – Т. 4. – С. 128 – 130.
8. Державин, Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии) / Н. С. Державин. – София, 1914. – 259 с.
9. Джафарадзе, И. М. Родильные обряды азербайджанцев / И. М. Джафарадзе, Р. И. Бабаева, М. И. Атакишиева // Народы Кавказа. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 139-140.
10. Иванова, Ю. В. Албанцы / Ю. В. Иванова // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. – М. : Наука, 1999. – С. 141 – 161.
11. Кагаров, Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции / Е. Г. Кагаров. – СПб., 1913. – 326 с.
12. Карапетян, Э. Т. Родильно-крестильные обряды армян / Э. Т. Карапетян, С. Д. Лисициан // Народы Кавказа. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 2. – С. 531 – 532.
13. Курогло, С. С. Семейная обрядность гагаузов / С. С. Курогло. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 138 с.
14. Марков, С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя / С. И. Марков // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С.406 – 438.
15. Мошков, В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) / В. А. Мошков // Этнографическое обозрение. – 1900. – № 1. – С.17 – 70.
16. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 7/1, 1993. – Л. 2 – 80. (личный архив автора).
17. ПМСОГП : полевая тетрадь № 1/1, 1994. – Л. 7 – 77. (лич. арх. авт.).
18. ПМСОГП : полевая тетрадь № 1, 1995. – Л. 3 – 30. (лич. арх. авт.).
19. Серебрякова, М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне / М. Н. Серебрякова. – М. : Наука, 1979. – 166 с.
20. Соловьева, Л. Т. Материалы по обрядности детского цикла у грузин Аджарии / Л. Т. Соловьева // Полевые исследования института этнографии за 1983 г. – М. : Наука, 1987. – С. 29 – 37.
21. Сумцов, Н. Ф. О славянских воззрениях на новорожденного ребенка / Н. Ф. Сумцов // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1880. – Ч.СХХII. – С. 68 - 89.
22. Ящуржинский, Х. Поверья и обряды родин и крестин / Х. Ящуржинский // Киевская старина. – 1893. – № 7 – 9. – С. 74 – 83.

Статья поступила в редакцию 03.10.2020

Dmitrieva, V. V. *Characteristics of the Customs of the Postpartum Cycle of Maternity and Baptismal Rituals of the Crimean and Azov Region Greeks*

The article examines the traditions of the postpartum cycle of the baptismal rituals of the Crimean and Azov Region Greeks, with the help of which the child's socialization processes took place – his/her acceptance as members of the clan and rural community. Similar elements of the baptismal rituals of the Bulgarians, Albanians, Gagauz, Ukrainians, Crimean Tatars, Turks, Greeks of mainland Greece, etc. are described. The author analyzes customs of the Crimean and Azov Region Greeks associated with the first haircut, christening, visiting a woman and a newborn, naming a baby.

Keywords: Crimean and Azov Region Greeks, maternity and baptismal rites, woman in labor, newborn, midwife, godparents, godfathers..

УДК [355.353+929.73-057.36](47)

В статье рассматриваются основные направления развития Севастополя после назначения города главным военным портом на Черном море. Показана деятельность адмирала де Траверсе в качестве первого военного губернатора Севастополя. Среди задач, которые ему пришлось решать, было обеспечение защиты города от нападения с моря и суши, организация судостроения в местном адмиралтействе, упорядочение землепользования, обеспечения продовольствием и товарами первой необходимости населения в условиях закрытия порта для торговых судов. Масштабные планы адмирала, оставшиеся во многом нереализованными из-за постоянного участия флота в военных действиях в Средиземном и Черном морях, а также недостаточного финансирования со стороны государства, были впоследствии учтены в более благоприятных условиях для развития Севастополя.

Ключевые слова: Жан-Батист (Иван Иванович) де Траверсе, Павел Васильевич Чичагов, Дмитрий Николаевич Сенявин, Семен Афанасьевич Пустошкин, Иван Осипович Салтанов, Петр Корнилович фон Сухтелен, Иван Маркович Гартинг, Черноморский флот, Севастополь, Корфу.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlalcnko.vitalij@yandex.ru

ПОСЛЕ УШАКОВА: СЕВАСТОПОЛЬ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XIX ВЕКА

21 мая 1802 года император Александр I назначил Главным командиром черноморских флотов и портов Черного моря 48-летнего адмирала Жана-Батиста (Ивана Ивановича) де Траверсе. Уроженец острова Мартиника, сын французского морского офицера, он избрал отцовскую стезю, поступив в 12 лет в гардемариинскую школу. В октябре 1773 года 19-ти летнему де Траверсе было присвоено первое офицерское звание мичмана. Он отличился в войне 1778-1783 годов с Англией, став одним из самых молодых кавалеров королевского ордена Святого Людовика [29, с. 106]. В 1791 году, во время революции во Франции, капитан 1 ранга де Траверсе эмигрировал в Россию, где принят был на военную службу капитаном генерал-майорского ранга. Переименованный вскоре в контр-адмиралы, командовал гребной эскадрой на Балтийском море. В 1796 году де Траверсе был назначен командиром Роченсальмского порта, через год произведен Павлом I в вице-адмиралы, а в марте 1801 года Александром I в адмиралы [14, с. 215].

5 июня 1802 года де Траверсе прибыл в Николаев, где с 1796 года располагалась контора Главного командира Черноморского флота. Деятельность его на новом поприще, продолжавшаяся семь лет, оценивается в отечественной литературе в целом как «неудачное управление» [3, с. 443]. Известный исследователь военно-морской истории, участник Крымской войны Степан Фёдорович Огородников писал о де Траверсе, что «время его управления Черноморским флотом и портами ничем не ознаменовалось, в смысле их улучшения» [15, с. 54]. Объективности ради следует отметить, что де Траверсе приходилось действовать в рамках государственной политики, в которой флоту отводилась второстепенная роль.

Идеологом её был действительный тайный советник, сенатор граф Александр Романович Воронцов. В ноябре 1801 года он направил Александру I записку о положении дел в России, в которой, наряду с прочим, жестко высказался о «худом состоянии флота и кораблей и дурном их снабжении», предложив «лучше соразмерное число иметь, но чтоб они всем нужным снабжены были» [2, с. 467]. Воронцов предложил ограничить роль флота оборонительными действиями, отказавшись от дальних экспедиций: «По многим причинам, физическим и локальным, России быть нельзя в числе первенствующих морских держав; да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках... Довольно, если морские силы наши устроены будут на двух только предметах: обережении берегов и гаваней наших на Чёрном море, имея там силы соразмерные турецким, и достаточный флот на Балтийском море, чтоб на оном господствовать. Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие дальние экспедиции стоила государству много, делала несколько блеску и пользы никакой» [2, с. 467].

Для осуществления реформы флота Воронцов предложил «учредить комиссию, которая бы рассмотрела настоящее состояние флота, штатное его положение и суммы, на содержание оного назначенные» [2, с. 466]. Такая комиссия, получившая название «Комитет для образования флота»,

была создана в 1802 году. Председателем её стал А.Р. Воронцов, чьи предложения пришлись по душе Александру I. В письме к графу от 24 августа 1802 император выразил пожелание «поставить морские силы наши и все сопряженные с ними части на основаниях, наиболее сходственных с нынешним состоянием первенствующих в Европе флотов, сообразив величину и силу нашего с доходами... дабы оный, хотя важную часть защиты государства составляющий, не был бы однако же для него содержанием своим отяготителен» [1, с. 384].

Министр военных морских сил адмирал Н. С. Мордвинов, не согласный с идеями графа А. Р. Воронцова, ушёл в отставку, пробыв в должности всего три месяца. Новым руководителем ведомства стал вице-адмирал Павел Васильевич Чичагов. Человек одарённый, смелый и решительный, он был убеждённым сторонником английских порядков и «обратил на себя внимание императора не заслугами на морском поприще, а многосторонним образованием и твёрдостью характера» [3, с. 460]. Чичагов был твердо убеждён, что иностранцы, которых нанимали в русский флот при Екатерине II, приносят державе только вред [8, с. 50].

Между новым Главным командиром Черноморского флота и руководителем Морского министерства сложились непростые отношения. Убеждённый монархист, служивший не столько России, сколько лично императору, «по своему уживчивому характеру и по всем служебным действиям, маркиз де-Траверсе был совершенною противоположностью Чичагову; не разделяя многих проектов последнего, он даже оказывал, по мере возможности, полное им противодействие, что, конечно, не могло не отразиться на успех морского управления во многих отношениях» [15, с. 54].

При оценке итогов деятельности де Траверсе, несомненно, следует учитывать и плачевное положение доставшихся ему от предшественников черноморских флотов – галерного и корабельного. Первый из них, приписанный к Николаеву, находился в «очень дурном состоянии» [29, с. 179]. Второй, стоявший в Севастополе, насчитывал годных к плаванию кораблей всего десять, фрегатов четыре, да плюс несколько транспортных судов [5, с. 217]. Износившиеся до крайней степени во время Средиземноморской экспедиции 1798-1800 годов, они несколько лет в основном находились в ремонте. Выделение средств на строительство новых кораблей для флота на Чёрном море к концу правления Павла I было фактически прекращено.

Адмирал де Траверсе приступил к командованию Черноморским флотом во время радикальной реформы административного управления на местах, сопровождавшейся определённой неразберихой. 8 октября 1802 года указом Александра I Новороссийская губерния была разделена на три – Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую [18]. Город Николаев стал местом пребывания сразу трех высоких должностных лиц с нечетко разделёнными властными функциями: Главного командира Черноморского флота, военного и гражданского губернаторов. Это создавало серьёзные проблемы в управлении, для устранения которых был предпринят ряд мер, в том числе и по инициативе де Траверсе.

15 мая 1803 года вышел указ «О переводе губернского управления в Херсон и переименовании Николаевской губернии Херсонской» [17]. Это решение позволило уменьшить концентрацию начальников и чиновников разного ранга в столице Черноморского флота. 24 октября 1803 года общеимперским указом морские начальники в некоторых портах наделялись правами военных губернаторов с присвоением этого именованья. Указывалось, что в таком случае, «соединяя в себе все части как воинского, так и гражданского устройства, будут они управлять всеми предметами, к порту и городу принадлежащими, без всякого изъятия. В сем порядке вещей все чиновники разных частей должны быть им подчинены и от них получать непосредственно указания» [20, с. 953].

Ещё до этого указа, 2-го апреля 1803 года де Траверсе подал на Высочайшее рассмотрение проект развития Севастополя, отнесённого при разделении Новороссийской губернии к числу городов, «уездов не имеющих» [18, с. 290]. В документе предлагалось отделить в Севастополе казённые здания от остальных. Для помещения адмиралтейства, всех морских команд и офицеров, следовало возвести строения на восточной стороне Южной бухты. Назвать эту часть города адмирал предложил «Новым Ахтиаром». Около Корабельной бухты де Траверсе предполагал расположить адмиралтейство, в глубине её построить эллинги и сухие доки для капитальных исправлений в подводной части военных судов. Проект предусматривал строительство мокрого дока в углублении Южной бухты, по берегам которой следовало расположить судовые магазины. Проект не был принят по причине большой стоимости предполагаемых построек, а П. В. Чичагов собственноручно сделал на нём пометку - «хранить до востребования» [5, с. 217].

В 1803–1805 годах последовало несколько указов, определявших статус Севастополя и порядок управления им. 14 ноября 1803 Александр I утвердил представленный ему доклад Комитета об образовании флота, в котором рассматривались вопросы строительства и содержания флота в портах. На Чёрном море предлагалось «главному в том крае порту и адмиралтейству состоять в Севастополе, который по положению своему несравненно выгоднее всех тамошних мест. Если оставить его одним военным портом, то прекратились бы пути к разглашениям о состоянии флота нашего и следственно сведения о разных предприемлемых мерах; находящиеся в оном военные люди, при малом с купечеством сообщении, не были бы никакими другими, к поползновениям влекущими, предметами развлекаемы, и занимались бы одними воинскими упражнениями, столь существенно полезными для поддержания духа ревности в службе». Краткая резолюция императора на этом документе гласит: «Быть по сему» [16, с. 1018-1019].

23 февраля 1804 Высочайшим указом «О бытии в Севастополе главному военному порту, и о снятии находящейся там портовой таможни», повелевалось прекратить действие находящейся в городе портовой таможни в течении шести месяцев, считая от дня указа. По прошествии этого срока, вход купеческим кораблям не дозволялся, «разве когда от шторма или ради других внезапных случаев такой корабль зайдёт в порт для починки, или для спасения, а не для торга: и коль скоро минет опасность или починка, оный не должен оставаться» [13]. 10 декабря 1804 года в Высочайше утверждённом расписании городов, «где состоят крепости и порты, в отношении к полицейскому их управлению», Севастополь (в документе назван Ахтиаром) был отнесён к таким, где все части управления, в том числе полиция и гражданские её чиновники, подчиняются морскому начальству [4, с. 743]. 20 марта 1805 года обязанности Главного командира Черноморского флота и портов Чёрного моря были соединены с должностью Николаевского и Севастопольского военного губернатора [21].

Закрытие севастопольского порта для торговых судов привело, как и следовало ожидать, к проблемам в снабжении города продуктами, росту цен на них, ухудшению в целом экономической ситуации. Уже 5 июня 1805 года первый военный губернатор Севастополя де Траверсе подал министру внутренних дел представление о приведении города, «не имеющего свободных сообщений и коммерции с соседними жителями и страдающего чрез то возвышением цен на все жизненные продукты, в лучшее состояние предоставлением ему льгот от платежа податей, обращением в пользу города винного откупа и отмежеванием ему выгона; для развития же в нём торговых сношений с окрестностями представлял устроить на северной стороне города торговое предместье, населив его преимущественно семейными отставными флотскими чинами» [6, с. 756-757]. На это представление, доложенное императору, 24 июня 1805 года последовала Высочайшая резолюция: «так как Севастополь есть портовый военный город, то и не усматривается нужды распространять на оный те выгоды, какие другим купеческим городам предоставлены, понеже нет намерения у Его Величества, чтоб Севастополь процветал в других отношениях, кроме морских заведений» [6, с. 757].

Серьёзной проблемой, осложнявшей экономическую ситуацию в Севастополе, была полная неопределённость с собственностью на земли в его окрестностях, которые с основания города считались казёнными. Г. А. Потёмкин, представлявший в Новороссии высшую государственную власть, либо распоряжался угодьями лично, либо делегировал это право другим официальным лицам. Отвлекаемые служебными вопросами флотские начальники не позаботились об узаконивании землевладения. В итоге сложилась ситуация, при которой земли в окрестностях города «разными чиновниками неправильно были присвоены и находятся во владении их без всяких законных оснований» [12, с. 1320].

Летом 1804 года магистрат и городской голова обратились к де Траверсе с просьбой о выделении городу земли. Мотивом для ходатайства служило то, что город Севастополь насчитывал у себя «лишь 183 души граждан, т.е. купцов и мещан, из коих только 151 состоит на окладе», а остальные находятся «в неизвестной отлучке». Вместе с тем, город был крайне был обременён содержанием «градской полиции, её чиновников и магистратских служащих со сторожами и десятниками, тоже и пожарных инструментов», при этом «не имеет и по ныне принадлежащей земли, не пользуется и никогда не пользовался оной, а через то с неё и доходов никаких не получал и не получает» [11, с. 33-34].

Де Траверсе поддержал обращения магистрата и городского головы. В представлении министру внутренних дел от 5 июня 1805 года, развивая тему обустройства предместья, заселяемого выходящими в отставку нижними чинами флота, прежде всего семейными, адмирал внёс конкретное предложение: «Но как земли на Северной стороне Севастополя и во всей окружности оного

находятся во владении разных чиновников, то не благоугодно ли будет приказать рассмотреть право их на оные и от владеющих неправильно отобрать. По устройению предместия на Северной стороне, должно ожидать, что и провоз жизненных припасов установится и цены на оные уменьшатся» [11, с. 34].

25 июня 1805 года Александр I утвердил прошение де Траверсе о рассмотрении прав частных лиц на владение окружающими Севастополь землями, с целью учреждения на северной стороне города предместья, для водворения там отставных чинов морского ведомства [6, с. 764]. Разобраться в запутанном вопросе землепользования в городе император повелел специальной комиссии. В ходе её работы были проверены права на землю в окрестностях Севастополя у более чем 30 частных собственников.

Согласно плану, составленному в мае-июне 1806 года землемером титулярным советником Ф. И. Никифоровым, наибольший участок принадлежал Марии Константиновне Алексиано, вдове контр-адмирала Патагиоти Алексиано – 3070 десятин 1857 кв. саженей. Её земли находились на хуторе Новая земля (на месте современного села Николаевка), а также в районе деревни Бельбек (ныне село Фруктовое). Несколько меньше – 2463 десятины 605 кв. саженей было у адмирала Ф. Ф. Ушакова. Другие частные владельцы обладали сравнительно небольшими участками. Так, например, площадь хутора капитан-командора Евстафия Павловича Сарандинаки составляла 402 десятины, кригс-комиссара Филиппа Михайловича Хомутова – 313 десятин, вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сеньявина всего 35 десятин [28, с. 31].

В результате работы комиссии собственностью частных лиц были признаны 3466 десятин, 876 кв. саженей [11, с. 60], остальное подлежало отчуждению. Владельцы земли повели себя по-разному. Адмирал Ушаков в декабре 1806 года безвозмездно передал казне участок в 209 десятин своего учкуйского имения, в связи необходимостью обнесения Севастополя с суши оборонительными укреплениями [22, с. 76]. Окончательно Фёдор Фёдорович расстался с крымской собственностью летом 1811 года, в последний раз посетив Севастополь, в котором прошли два десятилетия его служения Отечеству. Было продано имение в Дуванкое, затем в Учкую вместе с постоянным двором, трактиром и пятью крестьянскими семьями за 15 тысяч рублей.

Продал Ушаков также дом в Севастополе, оставив в подарок новому владельцу свою реликвию – столик красного дерева, за которым в 1787 году играли в ломбер Екатерина II и Иосиф II. Впоследствии здание откупило морское ведомство, и еще долгие годы оно было известно, как «дом Ушакова». В здании никто не жил, полностью меблированное, оно содержалось казной на случай приезда именитых гостей. Часть вырученной от его продажи суммы Ушаков пожертвовал на расширение соборной церкви св. Николая, основанной в 1783 году [22, с. 76].

Многие землевладельцы стали отстаивать свои права на участки. Аргументом в свою пользу они полагали манифест Екатерины II «О разных дарованных народу милостях» от 2 сентября 1793 года. Пункт 10 его предписывал земли в области Таврической «утвердить за теми, кому они розданы и в чьем бесспорном владении находятся» [19, с. 459]. Однако после долгих тяжб и разбирательств, либо безвозмездно, либо с компенсацией, были отчуждены практически все земли, окружающие Севастопольские рейды. Единственным незначительным исключением стал принадлежавший графу М. И. Войновичу участок на Северной стороне, выходивший к бухте возле Инкермана [11, с. 62]. Его теще, адмиральше М. К. Алексиано, предоставили право на получение 2533 десятин, 1099 кв. саженей пустопорожних земель Таврической губернии вместо отчуждённых [11, с. 49]. За различные строения, сады и виноградники ей была уплачена денежная компенсация и выделено ещё около 110 десятин земли в Крыму [14, с. 50].

После двух лет работы, комиссия своим определением от 17 мая 1807 года включила 14220 десятин земли «в черту, назначенную городу Севастополю» [11, с. 58]. Однако, это не означало предоставление угодий в собственность или пользование местной общины. Она получила в ведение своё всего 2644 десятины, 241 сажень земли «к пастьбе скота способной» [11, с. 74]. Почти вся отведенная городу территория, 10753 десятин, 1524 кв. сажени, отходила Морскому ведомству. Высочайшим указом от 5 ноября 1807 года «Об отмежевании городу Севастополю потребного количества земли для выгона», данным Херсонскому военному губернатору генерал-лейтенанту де Де-Ришелье, было повелено:

1. Земле, назначенной в черту города, кроме участков, предоставленных, по определению Комиссии, частным лицам, состоять в ведомстве адмиралтейского начальства.

2. На северной стороне бухты учредить предместье для водворения в нём преимущественно выпускаемых в отставку нижних чинов морского ведомства, в особенности семейных.

3. Возвышения от Инкермана к Георгиевскому монастырю, содержащие источники пресной воды, предоставить адмиралтейскому ведомству разработать и провести в город воду посредством труб.

4. Пространство по берегу моря, от Георгиевского монастыря к Севастополю, отдать в ведомство адмиралтейского начальства.

5. К хуторам, кои по определению Комиссии оставляются за помещиками, утвердить землю, которою они действительно владеют, т. е. огороженные дворы, сады, пашни и сенокосы. Что же касается до степи, пастбищем служащей, оную оставить в общем пользовании всех городских обывателей.

6. Как большая часть из оставляемых в черте города за владельцами земель находится при источниках вод, для города необходимо нужных, то, утверждая земли сии за ними, постановить правилом, чтоб они не препятствовали начальству в разработке нужных источников и в проводе воды к городу, посредством соединения в бассейны, и чтобы таковые общественные устройства никакими частными распоряжениями со стороны владельцев не были подрываемы [12].

Севастопольские обыватели остались недовольны результатом размежевания. Начались ходатайства с жалобами и требованиями наделения города землёй. Избранный в 1809 году городским головой отставной майор Петр Яковлевич Новиков писал И. И. де Траверсе, что адмиралтейское начальство отвело городу каменистые земли. На них нет места, «где бы можно было сделать огород бедному мещанину для пропитания своего семейства, укосить сена для скота своего или вырубить воз дров для отопления своей хижины, не говоря уже о статьях, могущих принести доход обществу, ибо сенокосы, леса и огороды, единственные выгоды сего края земли, остаются во владении Порты» [11, с. 69-70]. Земельные тяжбы продолжали тянуться десятилетиями, вовлекая в разбирательство и де Траверсе, и всех его преемников.

Главному командиру Черноморского флота приходилось заниматься административно-хозяйственными проблемами на фоне сложной международной обстановки, в которой важная роль отводилась Черноморскому флоту. Россия, вопреки начальному стремлению Александра I сосредоточиться на внутренних проблемах государства, втягивалась в европейские конфликты на стороне противников Наполеона. В высшем руководстве государства вспомнили об Ионических островах, отвоеванных Ф. Ф. Ушаковым. После ухода его эскадры из Средиземного моря они остались беззащитными перед неизбежной аннексией со стороны Франции. Овладев островами, Наполеон мог усилить давление на Османскую империю с целью разрушения русско-турецкого союза. Для достижения этой цели французская дипломатия уже использовала активно тактику «кнута и пряника» – с одной стороны обещания помочь Турции вновь завладеть Крымом, с другой – угрозу нападения на неё [25, с. 255].

Александр I принял решение о возобновлении военного присутствия на Ионических островах. В августе 1803 года в Корфу прибыл отряд судов капитан-командора Александра Сорокина, доставивший из Неаполя два батальона русских гренадёров, выделенных ранее Павлом I в состав гвардии неаполитанского короля. В конце 1803 года, когда намерения Бонапарта относительно Ионических островов стали очевидными, Александр I распорядился начать переброску в регион дополнительных войск судами Черноморского корабельного флота, часть из которых осталась в распоряжении капитан-командора Сорокина. Осенью 1804 года под его командованием была целая эскадра, включавшая два корабля, четыре фрегата, поляку и шхуну, а также двенадцать канонерских лодок. На руководство Черноморского флота была возложена задача обеспечения сухопутных и морских сил в Средиземном море всем необходимым – деньгами, продовольствием, порохом и прочим.

Тем временем Османская империя, подталкиваемая французской дипломатией, занимала все более враждебную позицию по отношению к России. В случае начала очередной русско-турецкой войны становилась реальной опасность нападения на Севастополь как с моря, так и с суши. Де Траверсе, внимательно обследовавший местные укрепления пришёл к выводу, что к отражению противника готовы из них только три из них – Александровское, Константиновское и Николаевское. В 1805 году он направил в Петербург предложения о реконструкции существующих батарей и строительстве новых. Министр военных сухопутных сил генерал от инфантерии Сергей Кузьмич Вязмитинов одобрил действия командующего Черноморским флотом и дал указания инспектору

Инженерного департамента генерал-инженеру Петру Корниловичу фон Сухтелену разработать проект приморской и сухопутной обороны Севастополя.

Не дожидаясь ответа из столицы, де Траверсе по собственной инициативе приказал приступить строительству батарей в Казачьей, Камышовой и Стрелецкой бухтах [27, с. 343-344]. В 1806 году он направил в Санкт-Петербург очередное предложение – возвести дополнительно к существующим и строящимся еще 17 приморских батарей. Кроме этого, для защиты Севастополя с суши предлагалось построить два больших укрепления и четыре редута, при них казармы для войск, пороховые погреба и цейхгаузы для припасов, необходимых на случай осады неприятелем. Согласно приложенной смете на выполнения всех работ требовалось 929 283 рубля.

На предложения главного командира Черноморского флота фон Сухтелен представил своё заключение. Он полагал, что для обеспечения приморской обороны Севастополя достаточно Александровской, Константиновской, Николаевской батарей, ещё трёх на его южной и трёх на северной стороне. Таким образом, для защиты крепости следовало иметь не 25, а всего 9 укреплений. Для завершения их строительства вместе с казармами и прочими строениями требовалось отпустить из казны 389 045 рублей в течение двух лет [24, с. 49].

Батареи в Казачьей, Камышовой и Стрелецкой бухтах были построены и вооружены уже в 1807 году. Через год завершилась реконструкция существующих укреплений, а через два – строительство новых, предусмотренных проектом фон Сухтелена. Фортификационными работами в Севастополе руководил генерал-майор Иван Маркович (Иохан Фестус) Гартинг, в распоряжении которого находились все крепости южного края [26, с. 47]. На местах строительства батарей при входе в Артиллерийскую бухту и позади входа в Карантинную бухту, а также между указанными бухтами «были весьма заметны следы древней крепости», идентифицированной как укрепление, построенное в конце I века до н.э. Диофантом, полководцем понтийского царя Митридата [27, с. 424].

В декабре 1806 года началась ожидаемая русско-турецкая война. В высшем руководстве России возникла идея взятия Константинополя одновременным ударом со стороны Средиземного и Чёрного морей. Однако осуществить её не удалось из-за недостатка сил и средств. К концу 1806 года в распоряжении Главного командира Черноморского флота адмирала оставалось всего шесть боеспособных кораблей, из них только три новой постройки, а также пять крупных фрегатов, в том числе два новопостроенных [7, с. 18]. Остро ощущалась нехватка лёгких боевых и вспомогательных судов.

Адмирал де Траверсе получил из Министерства морских сил предписание «о принятии мер к построению вновь сколько большего числа судов». Постройку мелких ему было предложено организовать в Ялте с использованием крымского леса. Однако Главный командир Черноморского флота справедливо решил, что «несравненно выгоднее и удобнее производить строение при самом порте Севастопольском». Наряду с вспомогательными судами, здесь решено было попробовать «для опыту» построить 12-пушечный корвет [10, с. 304-305]. Для начала судостроения необходимо было оборудовать построечный эллинг, собрать и обучить кадры, добыть и подвезти материалы, в первую очередь пригодной древесины из крымских лесов.

Решение этих непростых задач было возложено на старшего морского начальника в Севастополе вице-адмирала Николая Львовича Языкова и капитана над портом генерал-майора Ивана Григорьевича Бардаки. Подготовительные работы заняли около двух лет. В ноябре 1808 года в эллинге был заложен 18-пушечный корвет, которому Министерство морских сил присвоило название «Крым». Работы по строительству выполнялись в основном в летнее время, когда значительно уменьшался объём судоремонта. 13 января 1810 года корвет «Крым», постройкой которого руководил командированный из Петербурга корабельный мастер Алексей Иванович Мелихов, был спущен на воду [9, с. 137 - 138].

К этому времени адмирал Иван Иванович де Траверсе убыл в столицу. По распоряжению Александра I в сентябре 1809 года он занял пост управляющего Морским министерством, а 28 ноября 1811 года, получив алмазные знаки ордена Александра Невского, стал Морским министром, находясь в должности до 1828 года. При оценке его деятельности на этом посту, воздадим должное за то, что, несмотря на скудность финансирования, при нём совершались многочисленные кругосветные плавания, которые были отличной школой, способствовавшей подготовке кадров опытных моряков.

Наиболее известное из них было совершено под руководством капитана 2 ранга Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена. Шлюпы «Восток», под флагом руководителя экспедиции, и «Мирный», которым командовал капитан-лейтенант Михаил Петрович отправилась с 1819 по 1821 год четыре

раза пересекали Южный полярный круг. 16 января 1820 года суда вплотную приблизились к Антарктиде в районе шельфового ледника, носящего сейчас имя Беллинсгаузена. В ходе кругосветного плавания были открыты 29 островов. Три из них составляли архипелаг, названный в честь адмирала де Траверсе [23, с. 125], скончавшегося 19 мая 1831 года [19, с. 216].

Вице-адмирал Николай Львович Языков в июле 1809 г. был назначен исполняющим обязанности Главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Николаева и Севастополя [14, с. 414]. Флотским начальником в Севастополе стал вице-адмирал Антон Павлович Алексанов, скончавшийся в мае месяце 1810 г. На его место из Петербурга прибыл контр-адмирал Алексей Андреевич Сарычев, занимавший перед этим должность капитана над Кронштадтским портом [14, с. 30]. В следующем году его сменил вице-адмирал Роберт (Роман Романович) Галл, поступивший из английского флота на русскую службу в конце 1774 г. В бытность его старшим морским начальником в Севастополе город пребывал в полном забвении со стороны высшего руководства России, занятого войной с наполеоновской Францией.

Список литературы

1. Архив князя Воронцова. Книга двадцать восьмая. – М. : В Университетской типографии, 1883. – 616 с.
2. Архив Князя Воронцова. Книга двадцать девятая. – М. : В Университетской типографии, 1883. – 512 с.
3. Веселаго, Ф. Ф. Краткая история Русского флота / Ф. Ф. Веселаго. – М. : Вече, 2009. – 451 с.
4. Высочайше утверждённое расписание городов, где состоят крепости и порты, в отношении к полицейскому их управлению // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. – Т. XXVIII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1837. – № 21.551. – С. 742 – 743.
5. Головачов, В. Ф. История Севастополя как русского порта / В. Ф. Головачов. – СПб.: Типография департамента уделов, 1972. – 268 с.
6. Городские поселения в Российской империи. – Том IV. СПб. : В тип. Д. Вульфа, 1864. – 824 с.
7. Гребенщикова, Г. А. «Черноморской эскадре выступить для поиска и поражения турецкого флота» : взаимодействие сухопутных сил и Черноморского флота в Русско-турецкой войне 1806-1812 гг. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 7. – С. 18-22.
8. Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра. Гл. VIII. Сообщ. Л. М. Чичагова // Русская старина. – 1887. – Т. 55. Июль. – С. 35 – 54.
9. Зубов, Б. Н. Развитие кораблестроения на юге России / Б. Н. Зубов. – Калининград : Кн. изд-во, 1990. – 382 с.
10. История отечественного судостроения: В 5 т. – Т. 1 : Парусное деревянное судостроение / Под ред. В. Д. Доценко. – СПб. : Судостроение, 1994. – 470, [1] с.
11. Каллистов, Д. И. О праве Морского ведомства на землю в городе Севастополе и в его окрестностях / Д. И. Каллистов. – Севастополь: тип. Н.А. Ковалева, 1908. – 4, VIII, 137 с.
12. Об отмежевании городу Севастополю потребного количества земли для выгона / Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXIX. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 22.6761. – С. 1320.
13. О бытии в Севастополе главному военному порту, и о снятии находящейся там портовой таможни // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVIII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 20.760. – С. 148.
14. Общий Морской список : Ч. V : Царствование Екатерины II. С-Ф. – СПб.: Типография В. Демакова, 1890. – 484 с.
15. Огородников, С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802-1902 гг.) / Сост. С. Ф. Огородниковым. – СПб. : Типография Морского Министерства, 1902. – IX, [3], 263 с.
16. О доставлении флоту всех выгод, как в строении, так и в содержании в портах // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 20.760. – С. 1015 – 1019.
17. О переводе губернского управления в Херсон и переименовании Николаевской губернии Херсонской // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 20.760. – С. 603.

18. О разделении Новороссийской Губернии на три Губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там Судебных мест // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 20.449. – С. 288-291.
19. О разных дарованных народу милостях // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXIII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 17.149. – С. 456 – 459.
20. О средствах к исправлению полиции в городах // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVII. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – № 21.007. – С. 947-954.
21. РГАВМФ. Ф. 315. Д. 353 «О присвоении прав военного губернатора Николаева и Севастополя Главному командиру Черноморского флота и портов». Л. 6. Микрофильм из фондов Архива города Севастополя.
22. Сацкий, А. Г. Федор Федорович Ушаков / А. Г. Сацкий // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 51–78.
23. Сирый, С. П. Третий Морской министр Императорского флота России Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе / С. П. Сирый // Морской вестник. – 2008. – № 2. – С. 123 – 126.
24. Скориков, Ю. А. Севастопольская крепость / Ю. А. Скориков. – СПб. : Стройиздат, 1997. – 319,[1] с.
25. Станиславская, А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807) / А. М. Станиславская. – М. : Издательство Академии наук, 1962. – 504 с.
26. Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. VII. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Ч. 1. Очерк первый. – СПб : Тип. Акционерного общества «Слово», 1902. – 675 с.
27. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное инженерное управление. Исторический очерк. – Ч. 1. Очерк второй. – СПб : Тип. Акционерного общества «Слово», 1902. – 788 с.
28. Терещук, Н. М. Севастопольское городское управление. Конец XVIII - первая половина XIX в. Часть I / Н. М. Терещук. – Севастополь : Телескоп, 2019. – 188 с.
29. Шатне, Мадлен дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского / Мадлен дю Шатне. – М.: Наука, 2003. – 412 с.

Статья поступила в редакцию 06.09.2020

Kovalenko, V. V. *After Ushakov: Sevastopol in the First Decade of the 19th Century.*

The article considers the main directions for the development of Sevastopol after the city designation as the main military port. The activity of Admiral marquis de Traversay as the first military governor of Sevastopol is shown. Among the tasks that he had to solve were ensuring the protection of the city from attack from the sea and land, organizing shipbuilding in the local admiralty, streamlining land use, providing food and basic necessities to the population in conditions of the port closure for merchant ships. The large-scale plans of the admiral which remained in many respects unrealized because of continuous participation of fleet in military operations in the Mediterranean and Black seas, and also insufficient financing from the state, were subsequently considered in more favorable conditions for the development of Sevastopol.

Keywords: Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay, Pavel Vasilyevich Chichagov, Dmitry Nikolaevich Senyavin, Semyon Afanasyevich Pustoshkin, Ivan Osipovich Saltanov, Pyotr Kornilovich von Suchtelen, Ivan Markovich Garting, Black Sea fleet, Sevastopol, Corfu...

УДК 930.85+[327.8:82-343]

Предметом исторического анализа в данном исследовании стала предыстория возникновения идеологической мифологемы о свирепых медведях бродячих по улицам русских городов. Авторы статьи констатируют, что восточнославянский миф о сверхъестественном предке-медведе породил обычай водить дрессированных медведей по улицам древнерусских городов для их очищения от нечистой силы. Собственно политическая мифологема о медведях, бродячих по улицам древнерусских городов, зародилась в период в сер. XVI в. в среде европейских коммерсантов и путешественников под влиянием представлений скomoroxов-медведчиков с дрессированными питомцами. На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII вв. под влиянием многочисленных описаний «медвежьих казней», сложился окончательный вариант политической мифологемы о медведях, свободно бродячих по улицам русских городов, в котором косолапые звери превратились в кровожадных демонов.

Ключевые слова: миф, обычай, политическая мифологема, идеологическая байка, культ медведя, скomoroxи-медведчики.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

С. П. Шендрикова, профессор, д-р ист. наук

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского»

E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

МЕДВЕДИ БРОДЯТ ПО УЛИЦАМ РОССИИ. ЭВОЛЮЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ

В настоящее время Россия вынуждена вести информационную войну со странами Запада. Особое место в ней занимают идеологические символы и мифологемы, корни которых уходят далеко вглубь веков. Одной из таких мифологем стала идеологическая байка о том, что по улицам российских городов до сих пор свободно бродят свирепые медведи. Эта легенда призвана подчеркнуть дикость России, ее отсталость от других ведущих мировых государств.

Для того чтобы эффективно противостоять унижающей достоинство России идеологической байке необходимо изучить предысторию возникновения политической мифологемы легенды о России как «стране медведей».

Легенда о свирепых медведях, бродячих по улицам русских поселений представляет собой классическую политическую мифологему. Под данным термином автор понимает одну из форм политического сознания, которая характеризуется замещением осознаваемых фактов политики вымыслами, легендами, образами и новой символикой [40, с.177].

В качестве синонима понятия «политическая мифологема» в исследовании используются также словосочетания «идеологическая легенда» и «идеологическая байка».

Истоком любой мифологемы являются первоначальные мифы, то есть самые ранние формы общественного сознания, находящие свое воплощение в верованиях, культах и мировоззренческих представлениях [41, с.5].

Не была в этом отношении исключением и идеологическая легенда о свирепых медведях, бродячих по улицам русских городов. Ее первоосновой стали языческие представления и верования наших предков, связанные с самыми опасными хищниками русских лесов – медведями.

Различные аспекты тотемистического медвежьего культа у восточнославянских народов не раз становились предметом исследования многих современных отечественных ученых. Так, в статье О. В. Голубковой «Почитание медведя в связи с культами женских божеств у восточных славян (к вопросу о сравнительной идентификации православия и язычества)» автор на основе анализа этнографического и фольклорного материала показала связь между представлениями наших предков о прародителе-медведе и культом древнерусской богини Макош [8, с.49-52].

Культурологическому анализу образа медведя в представлениях и традициях народов России была посвящена кандидатская диссертация Ю. А. Кошкаровой [17].

В статье Е. Л. Тяниной «Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии» на основе анализа древнерусских письменных источников и материалов археологических исследований была проведена историческая реконструкция верований древних новгородцев домонгольской эпохи, связанных с тотемистическим культом медведя [37, с. 304-311].

Предметом отдельных исторических исследований неоднократно становились также скоморохи и поводыри медведей, исторически связанные с идеологической легендой о медведях, свободно бродячих по улицам русских городов [4], [1, с.234-237], [15, с.32-43].

Вместе с тем, генетическая связь между древнерусским тотемистическим культом предка-медведя и политической мифологемой о России как стране, где свободно бродят по улицам свирепые медведи, в научных исследованиях практически не затрагивалась. Показать предысторию возникновения идеологической легенды об «отсталой» медвежьей стране, где косолапые свирепые звери свободно бродят по улицам вместе с людьми – основная цель данной статьи.

Как свидетельствуют дошедшие до нашего времени письменные источники и данные археологии, для традиционного восточнославянского язычества культ медведя характерен не был. Так, согласно языческим традициям, тотемный зверь считался сакральным предком и сородичем почитавших его людей. Его убийство приравнивалось к убийству своего сородича, а употребление в пищу мяса тотема приравнивалось к каннибализму. Стремясь обеспечить поддержку своего зооморфного предка в загробном мире, почитавшие его люди клали в захоронения фигурки тотемных зверей, их лапы, клыки, когти и т.п. [42, с.128].

Анализ остеологического материала из мусорных ям поселений праславянских Зарубинецкой, Черняховской и Пшеворской археологических культур свидетельствует о том, наши предки активно охотились на медведей и поедали их мясо. Кроме того, при раскопках местных могильников исследователи не зафиксировали статуэтки медведей, их клыки или муляжи медвежьих лап [32, с.30, 32, 60-65, 137, 144]. Нет никаких данных о почитании медведей в южных и западных районах Руси дохристианской эпохи вплоть до начала XI в.

Очевидно, не считался медведь тотемным зверем и у западных славян. Так, поклонение медведям не упоминается не в одной польской или чешской хронике. Отсутствует информация о почитании косолапых зверей и в донесениях германских миссионеров, насаждавших христианство среди полабских славян.

Впервые на восточнославянских землях тотемистический культ медведя зародился в середине X в. в тех регионах Северо-Восточной Руси, в которых наши предки оказались в тесных и прямых контактах с различными неславянскими этническими группами (в первую очередь с финно-уграми и балтами). От своих новых соседей они, скорее всего, и переняли культ медведя – владыки загробного мира и проводника в царство мертвых.

Так, в мифологии многих балтийских народов, медведь считался прародителем человека и одним из образов бога Велса – проводника в царство мертвых и повелителя душ умерших [28, с.48], [5, с.22].

Схожие представления о медведе-прародителе людей и защитнике человеческого рода от нечистой силы имели и многие финно-угорские народы, проживавшие в Северо-Восточной Руси [23, с.51-58], [20, с.97-101].

Возможно, что при колонизации восточными славянами Северо-Восточной Руси произошло слияние культа восточнославянского Велеса с культом литовско-латышского Велса и целого ряда финно-угорских богов, связанных с тотемным культом медведя. Не случайно, согласно «Житию Авраамия Ростовского», уже во второй половине XI в. «Чудский угол» тогдашнего Ростова поклонялся русскому Велесу [12, с.224].

В сознании балтийских народов языческой эпохи для того, чтобы попасть в царство мертвых, необходимо было перелезть через стеклянную гору. Карабкаться по ней можно было лишь с помощью медвежьих когтей [33, с.26]. В связи с этим, в могилы предков современных литовцев и латышей в языческую эпоху клали медвежьи когти, отрубленные лапы медведей или их глиняные муляжи.

Представления о медведе-проводнике в царство мертвых и повелителе загробного мира первым перенял у литовских и латышских племен восточнославянский племенной союз кривичей (представляющий собой полиэтническую конфедерацию, состоящую из восточнославянских и балтоязычных племен). Медвежьи лапы и их глиняные муляжи появляются в длинных курганах кривичей уже в середине X в. В конце X – начале XI вв. подобные артефакты появляются во всех крупных могильниках Северо-Восточной Руси [11, с. 26]. В Ярославских и Владимирских курганах XI в. археологами фиксируются не только медвежьи лапы, но и металлические кольца. По мнению И. В. Дубова они представляли собой плату за покровительство бога смерти – медведя на пути в иной мир [11, с. 27].

Особый интерес вызывает одно из восточнославянских погребений Тимиревского могильника, в котором археологи обнаружили богатое захоронение девочки 11-13 лет. Помимо большого количества дорогих украшений и различных бытовых предметов в могиле была найдена отрубленная медвежья лапа с надетым на нее дорогим перстнем. По мнению современных исследователей при захоронении девочки произвели обряд обручения ее с медведем – владыкой загробного мира [11, с. 74-75].

Недалеко от Брянска в Вжище существовало вплоть до начала XII в. восточнославянское Благовещенское святилище. В нем почитали божества, связанные с медвежьим культом. При раскопках святилища были найдены медвежьи клыки, а также горло необычного сосуда, украшенное стилизованным образом медведя [29, с.110].

В новгородских сопках медвежьи когти, зубы и кости появляются также в первой половине XI в. [36, с. 127]. Характерно, что из 56 амулетов, сделанных из клыков медведей, найденных в самом древнем Новгороде, лишь два относятся к началу XI вв., остальные – ко второй половине XI – XIV вв. [37, с.306].

В начале XI в. медвежьи клыки-обереги появляются в Южной Руси. Так, подобные амулеты фиксируются исследователями во многих срубных гробницах киевских дружинников XI-XII вв. [3, с. 97].

Почитание языческих божеств, генетически связанных с культом медведя продолжалось в землях летописных тиверцев в Поднестровье вплоть до середины XII ст. Так, при раскопках Екимавского городища исследователи обнаружили руины языческого святилища, разрушенного вместе с поселением в середине XII в. Внутри святилища исследователи обнаружили осколок глиняного сосуда с изображением медведя и просверленные медвежьи клыки [38, с. 143].

Интересная информация, проливающая свет на почитании медведя в Ярославском Поволжье в XI в. содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским [18, с.7-8]. По мнению И. О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени [35, с.35-40].

Согласно «Сказанию» жители поселка Медвежий угол, расположенного недалеко от нынешнего Ярославля, долгое время отказывались принимать христианство и поклонялись языческому богу Велесу. К ним пришел «с увещанием» ростовский князь Ярослав Владимирович. Местные жители спустили на него медведя, когда тот подошел к языческому капищу [18, с. 7-8].

Возможно, что зверя держали в специальной клетке при святилище. Германские и датские хронисты сообщают о содержании при языческих святилищах полабских славян сакральных животных (лошадей). На них нельзя было садиться под страхом смертной казни [16, с.358], [30, с.215].

Подобные священные лошади, по-видимому, содержались и при древнерусских храмах. Так, в городище-святилище Звенигород в наземном сооружении №13, находящемся в сакральной части святилища были найдены предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила, остатки узды, скребница) [34, с.90].

Вполне возможно, что для жителей Медвежьего угла таким тотемным зверем и символом бога Велеса был медведь. Не случайно его спустили на князя Ярослава Владимировича именно тогда, когда он стал призывать местных жителей отказаться от язычества и разрушить святилище. Легенда об убийстве Ярославом Мудрым сакрального зверя из святилища Велеса обрела исключительную популярность в русских землях и дошла практически в неизменном виде вплоть до XVIII в. в виде народного предания. Медведь - тотем стал символом города Ярославля, построенного недалеко от

Медвежьего угла, а само название поселка стало символизировать дикую окраину русского государства.

Видимо, во второй половине XI в. медведь уже стал считаться тотемистическим предком всех восточных славян. Его мясо стало запретным для употребления в пищу, а из шкуры нельзя было шить одежду. С этими запретами считались даже христианские священники.

Так, согласно «Уставу князя Ярослава о церковных судах» употребление в пищу «медвежины» считалось преступлением против морали и должно было рассматриваться особым епископским судом [10, с.89]. В «Послании Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» источнике второй половины XI в. автор с большим негодованием обвиняет латинян в том, что они едят «удавленину, мертвечину и медвежину» [24, с. 337].

И лишь в XII в. новгородский епископ Нифонт особым пунктом разрешил носить одежду, сшитую из медвежьей шкуры: «А пѣръть делячи, въ чомъ хотяше ходити. Нетуть греха, хоч и в медведице» [19, с. 387].

В народе запрет есть медвежатину сохранился вплоть до начала XX в. Медведь у восточных славян считался животным чистым, ведущим свое происхождение «от самого Бога». Его образ, якобы, не может принимать нечистая сила. Украинская легенда рассказывает о божественном происхождении медведя: «Сначала какой-то старый дед сделал человека богом, а потом медведем. Так медведи от людей и пошли плодиться от того человека, что был богом. Таким образом, первый медведь был богом» [13, с. 132].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в X-XI вв. в древнерусских землях зародился и развивался миф о сверхъестественном предке медведе – защитнике людей и проводнике в царство мертвых.

Миф воплощается в ритуале, который по своей сути есть реализация связи сущего с сакральным истоком его сути, то есть ритуал есть повторяющееся таинство, которое высвечивает сущему знаки его истока. Ритуалы, существующие на протяжении долгого времени и передающиеся из поколения в поколение, в определенной социальной группе превращаются в обычай [27, с.104].

Как свидетельствуют многочисленные древнерусские письменные источники, миф о предке-медведе, защищавшем своих человеческих потомков от нечистой силы, также, в свою очередь, породил новый уникальный обычай: на всей территории Древней Руси появились особые люди-медведчики, путешествующие со своими дрессированными питомцами по городам и небольшим поселениям. Скорее всего, уже в начале XI в. медведчики присоединились к бродячим скоморохам. Игра скоморохов – поводырей медведей была не только ярким представлением, но и имела и символическое значение. Считалось, что медведь, появившийся в каком-либо городе или крестьянском селении пугал и прогонял нечистую силу. Наши предки, видимо, по этой причине часто приглашали за определенную плату поводырей медведей с их питомцами в свои дома и хозяйственные постройки.

Первые упоминания поводырей медведей относят еще к началу XI в. Так, в уставе князя Владимира Святославича категорически запрещается «владети медвѣди на поругание и в дом свой призывати» [14, с.381-382].

Поводыри медведей оказались настолько востребованными, что, несмотря на запреты православной церкви, оставались обычным явлением и спустя несколько веков. Так, «водить медведей для забавы» категорически запрещено в «Поучения Митрополита Даниила» - источнике начала XVI в. [25, с. 320]. Схожий текст находим и в царской Окружной грамоте царя Алексея Михайловича 1649 года [31, с. 389].

В 1636 году, по указу патриарха Иосифа, дано было указание поповскому старосте и тиуну наблюдать, чтобы на христианские праздники не было в Москве бесчинств; ибо вместо «духовного торжества и веселия восприимше игры и кощуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинские игры творити и в бубны бити, и в сурны ревети и руками плескати, и плясати и иная неподобная деяти» [2, с. 343].

Видимо, скоморохи – поводыри медведей не только устраивали представления со своими питомцами и прогоняли нечистую силу, но и организовывали гадания по медвежьему реву. Так, в одном из сборников XVI в. находим следующие строки: «и чреватые женки ведмедеви хлеб даютъ из руки, если рыкнет – девица будет, а молчит – отрок будет» [2, с. 338, 339].

Таким образом, скоморохи с дрессированными медведями на улицах древнерусских поселений в XI-XVII вв. были обыденным явлением. Видимо одно из таких «медвежьих» представлений настолько вдохновило австрийского дипломата XVI в. Сигизмунда Герберштейна, что он написал в одном из своих трудов о том, что медведи выходят из лесов и бродят по улицам русских городов. В своем сочинении «Записки о московитских делах» он в частности, написал следующее: «Да и сами медведи, подстрекаемые голодом, оставив леса, рыскали по соседним деревням и врываются в дома; когда испуганные люди убегали от них, то погибали от стужи» [7, с.225-226]. О том, что фантазии австрийского путешественника были навеяны впечатлениями от представлений скоморохов-медведчиков свидетельствует тот факт, что о таинственных медведях, самостоятельно путешествующих по русским городам, он сообщает сразу после упоминания «о бродягах, обыкновенно передвигающихся со своими медведями».

Данную легенду охотно поддержали другие европейские авторы XVI в. Так, итальянский путешественник Рафаэль Барбарини, видимо ознакомившись с «Записками» Сигизмунда Герберштейна, отметил в своем труде «Путешествие в Московию»: «При этой обители находятся обширные леса и пропасть зверей; между прочим, в особенности множество огромнейших медведей, которые так бывают смелы, что свободно ходят по улицам» [26, с.7].

Позднее фразу Герберштейна о медведях, бродящих по улицам русских поселений, практически дословно повторил другой известный итальянский автор XVI в. Александр Гвагини [6, с.17].

Легенда о медведях, мирно путешествующих по улицам древнерусских городов, запечатленная в трудах европейских авторов первой половины – середины XVI в.: Сигизмунда Герберштейна, Рафаэля Барбарини и Александра Гвагини, получила дальнейшее развитие в произведениях европейских путешественников второй половины XVI – XVII вв. В этих трудах медведи из мирных зверей превратились в кровожадных монстров, пожирающих людей.

Причиной такой метаморфозы стали, скорее всего, увиденные европейскими путешественниками свирепые расправы русских царей над неугодными им подданными, при осуществлении которых иногда использовали голодных медведей. Так, Джильс Флетчер – английский купец, неоднократно приезжавший в Россию в XVI ст., пишет в своем труде следующее: «Большая потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят с помощью ям и капканов и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеной, ставят человека, который должен сражаться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с раскрытой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности, потому что дикий медведь весьма свиреп, и это свойство дает преимущество ему над охотником. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и раскрытой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (он, конечно, успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его в направлении к рылу медведя, то конечно с одного раза убивает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части» [39, с. 143].

Другой английский путешественник Джером Горсей стал свидетелем страшной казни нескольких монахов, оказавшихся в немилости у Ивана Грозного: «В день святого Исайи царь приказал вывести из темных клеток огромных медведей. Потом привезли в специальное огражденное место около семи человек, рослых и тучных монахов, каждый из которых держал крест и четки в одной руке и пику в 5 футов длины в другой. Вслед за тем был спущен дикий медведь, который рыча бросался с остервенением на стены. Медведь учуял монаха и с яростью накинулся на него, поймал и раздробил ему голову, разорвал тело. Так зверь сожрал первого монаха, после чего стрельцы застрелили его. За тем другой монах и другой медведь были стравлены, и подобным образом, все семеро, как и первый были растерзаны» [9, с.66-67].

Любопытные данные о медведях сообщил германский дворянин Альберт Шлихтинг, случайно попавший в Москву во второй половине XVI в. Так, в своем сочинении «Новости из Московии, сообщённые дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана» он вслед за Джеромом Горсеем и Джильсом Флетчером сообщил об использовании медведей Иваном Грозным для расправы над своими подданными, попавшими в немилость, но при этом добавил от себя фантастические подробности, ставящие под вопрос объективность своей информации. Так, согласно

сообщениям данного автора, любимой забавой Ивана Грозного было выпустить голодных медведей в центре рыночной площади. Медведи, якобы бегали по рынкам и убивали людей: «В зимнее время, как только какая-нибудь кучка людей соберется по обычаю на площадь для покупки необходимых предметов, тиран тотчас велит тайком выпустить в середину толпы диких медведей. Люди, при виде медведей, от неожиданности и не подозревая ничего подобного, разбегаются, а медведи преследуют бегущих и, поймав людей, валят их и, растерзав, забивают на смерть» [21, с.127-128].

Красочный рассказ Шлихтинга о страшных медведях, бесконтрольно носящихся по зимнему рынку и убивающих людей без разбора, скорее всего, не имеет отношения к действительности и был выдуман самим автором. Так, германский автор говорит об этом как о частом обыденном явлении. Между тем не в одном отечественном или зарубежном источнике о подобных случаях не сообщается. Английские коммерсанты, германские путешественники и польские хронисты, с упоением описывавшие расправы Ивана Грозного над своими подданными, нигде не пишут о свирепых медведях, выпускаемых из клеток в центре рыночных площадей. Ничего подобного не находим и в поздних русских летописях. Напротив, из описаний расправ Ивана Грозного над неугодными ему подданными мы узнаем о том, что собственно казни подвергались конкретные люди, приговоренные к смерти. Убийство несчастного человека происходило в замкнутом пространстве (клетке или закрытой комнате) и после гибели жертвы медведя-убийцу тот час же убивали. Во всех случаях соблюдалась техника безопасности, позволяющая избежать случайных жертв.

Под влиянием многочисленных описаний «звериных казней» сложился окончательный вариант политической мифологемы о медведях, свободно бродячих по улицам русских городов. Он был представлен в труде немецкого путешественника XVII в. Адама Олеария. Из мирных путешественников по улицам русских городов медведи в труде Олеария превратились в кровожадных демонов. Так, согласно данному рассказу медведи, подобно русским мужикам пьют водку (иногда даже вместе с людьми), похищают для сожительства женщин и т.п. Для того чтобы усилить впечатление от своих рассказов он даже изобразил на одной из картинок своей книги косолапых зверей, гоняющихся за людьми на площади одного из русских городов и пожирающих их [22, с.22-23].

Рассказы европейских коммерсантов и путешественников, случайно оказавшихся в России в XVI – XVII вв., о свирепых медведях, терзающих несчастных жителей Московской державы произвели большое впечатление на жителей Европы. В сознании жителей Европы сама Россия стала восприниматься в образе огромного страшного медведя, несущего угрозу соседям. Не случайно на гербе, основанной британцами Московской торговой компании, ведущей торговые дела с Россией изображены два огромных медведя, держащих щиты с гербом Британской империи.

Позднее образ России в виде медведя распространился по всей территории Европы и нашел свое отражение в многочисленных карикатурах XVII-XIX вв., в которых Россия изображена в виде медведя (от добродушного медвежонка до зубастого хищника).

Таким образом, можно прийти к выводу, что первоосновой политической мифологемы о свирепых медведях, бродячих по улицам России стал тотемистический культ медведя, повсеместное становление которого на восточнославянских землях произошло в середине X – нач. XI вв.

Как следствие становления медвежьего культа уже в начале XI в. на древнерусских землях возник обычай вождения ручных медведей по улицам древнерусских поселений бродячими актерами – скоморохами-медведчиками.

Собственно рождение и становление идеологической байки о свирепых косолапых зверях, свободно передвигающихся по улицам российских городов, произошло в период с сер. XVI по сер. XVII вв. в среде европейских коммерсантов и путешественников. Политическая мифологема возникла в их сознании под влиянием представлений скоморохов-медведчиков с дрессированными питомцами и изуверских расправ русских царей над своими оппонентами с помощью свирепых косолапых хищников.

Список литературы

1. Аргов, А. В. Русское скоморошество и современная культура / А. В. Ардов // Казанская наука. – 2013. – №3. – С.234-237
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: Типография А. Грачева, 1865. – Т. 1. – 800 с.

3. Боровский, Я. Е. Мифологический мир древних киевлян / Я. Е. Боровский. – Киев: Наукова думка, 1982. – 103 с.
4. Власова, З. И. Скоморохи и фольклор / З. И. Власова. – СПб.: Алетейя, 2001. – 524 с.
5. Готлиб, Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / Г. Готлиб. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Глазунова, 1799. – Ч.1. – 250 с.
6. Гваньини, А. Описание Московии / А. Гвагнини // Перевод с латинского, вводная статья и комментарий Г. Г. Козловой. – М.: Изд-во Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 176 с.
7. Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московитских делах / Сигизмунд Герберштейн // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русич. – 2003. – С.152-301
8. Голубкова, О. В. Почитание медведя в связи с культами женских божеств у восточных славян (к вопросу о сравнительной идентификации православия и язычества) / О. В. Голубкова // Проблемы межкультурного взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во Издательство Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2002. – С.49-52.
9. Горсей, Д. Путешествие сэра Джерома Горсея / Д. Горсей // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русич. – 2003. – С.302-379
10. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Под ред. Я. Н. Щапова. – М.: Наука, 1976. – 241 с.
11. Дубов, И. В. Новые источники по истории Древней Руси / И. В. Дубов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 176 с.
12. Житие преподобного отца нашего Авраамия архимандрита Ростовского // Жития святых в XII книгах. – Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Кн.2. – С. 224–227.
13. Иванов, П. Из области малорусских народных легенд. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской губернии / П. Иванов // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 2. – С. 127-153.
14. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков / под ред. А. Буслаева. – М.: Типография Строева, 1861. – 1124 с.
15. Козлов, М. Н. Служители языческого культа в религиозной и политической жизни восточных славян (IX–XI вв.) / М. Н. Козлов. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 173 с.
16. Котляревский, А. А. Собрание сочинений в 3-х т.: Т.3.: Погребальные обычаи древних славян / А. А. Котляревский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 493 с.
17. Кошкарлова, Ю. А. Архетипический образ медведя в духовной культуре народов России: диссертация на соискание степени кандидата культурологии / Ю. А. Кошкарлова. – Краснодар: [Б. и.], 2011. – 123 с.
18. Лебедев, А. Н. Храмы Власьевского прихода в Ярославле / А. Н. Лебедев. – Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1877. – С. 7-8
19. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Императорском Московском университете. – 1912. – Т.3. – С. 1-27.
20. Мокшина, Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) / Е. Н. Мокшина // Финно-угорский мир. – 2012. – № 3/4. – С.97-101.
21. Новое известие о времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Перевод, редакция и примечания А. И. Малеина. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934. – 234 с.
22. Олеарий, А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий. – Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.
23. Петрухин, В. Мифы финно-угров / В. Петрухин. – М.: Транзиткнига, 2003. – 563 с.
24. Послание преподобного Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской // Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. – СПб.: Тип. Ю.А. Бокрама, 1868. – Т. 2. – С. 337–342.
25. Поучение митрополита Даниила // Памятники литературы древней Руси: конец XV – пер. пол. XVI вв. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 520-534.
26. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. – 1842. – №6. – Отд. 1. – С. 3-16.
27. Ревяков, И. С. Миф как основание традиции / И. С. Ревяков // Современная молодежь: духовность, мораль, гражданственность. – Севастополь: Твердыня, 2016. – С.103-106.

28. Роткирх, Т. Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Т. Роткирх. – Вильна: Типография О. Завдозного, 1890. – 231 с.
29. Рыбаков, Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж / Б. А. Рыбаков // По следам древних культур. Древняя Русь. – М.: Наука, 1953. – С. 76-120.
30. Саксон Грамматик. – Деяния даннов. – Т.2. / Перевод с латинского языка и комментарии А.С. Досаева. – М.: Русская Панорама, 2017. – 616 с
31. Сахаров, И. П. Сказания русского народа. – М.: Художественная литература, 1989. – 397 с.
32. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // под ред. Б. А. Рыбакова. – М.: Наука, 1993. – 335 с.
33. Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софонович. – Київ: Наукова думка, 1992. – 334 с.
34. Тимошук, Б. А. Языческие святилища древних славян / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова. – М.: Ладога, 2007. – 303 с.
35. Тихомиров, И. А. О некоторых ярославских гербах / И. А. Тихомиров // Труды третьего областного историко-археологического съезда во Владимире. – Владимир: Типография Губернского Правления, 1909. – С. 35-40.
36. Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – М.: Наука, 1948. – 250 с.
37. Тянина, Е. Л. Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии / Е. Л. Тянина // Археология севера России: Югра - волость Новгорода Великого в XI-XV вв. Свод источников и исследований. – Сургут: АНО Институт археологии Севера, 2018. – С. 304-311
38. Федоров, Г. Б. Славяне Поднестровья / Г. Б. Федоров // По следам древних культур. Древняя Русь. – М.: Наука, 1953. – С. 121-154.
39. Флетчер, Джильс. О государстве Русском / Джильс Флетчер // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русич. – С. 14–152.
40. Эскузьян, Д. К. Миф власти в системе влияния на политическое сознание / Д. К. Эскузьян // Гуманитарий юга России. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С.175-180.
41. Юнг, К. Г. Введение в сущность мифологии / К. Г. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. – Минск: Харвест, 2004. – 398 с.
42. Durkheim, E. Les formes elementaires de la vie religieuse / E. Durkheim. – Paris: Les Presses universitaires de France, 1912. – 143 s.

Статья поступила в редакцию 23.09.2020

Kozlov M.N., Shendrikova S.P. Bears Roam the Streets of Russia. The Evolution of the Mythologeme.

The subject of historical analysis in this study is the prehistory of the emergence of an ideological mythologeme about ferocious bears wandering the streets of Russian cities. The authors of the article state that the East Slavic myth about the supernatural ancestor-bear gave rise to the custom of leading trained bears through the streets of ancient Russian cities to cleanse them from evil spirits. The actual political mythologeme about bears wandering the streets of ancient Russian cities originated in the mid-16th century among European merchants and travelers under the influence of the performances of buffoons with trained bears. During the second half of the 16th - first half of the 17th centuries the final version of the political mythologeme about bears roaming the streets of Russian cities, in which bears turned into bloodthirsty demons, was formed under the influence of numerous descriptions of "bear executions".

Keywords: myth, custom, political mythologeme, ideological tale, bear cult, buffoons with trained bears

УДК 94(470:477)«1917»:329.7

В статье предложен анализ ситуации, сложившейся на Украине после Февральской революции 1917 г. в части устремлений определенной части украинского общества к самоопределению в рамках новой России. Кризис в отношениях Временного правительства и Центральной Рады анализируется в ситуации, возникшей после выхода I Универсала Центральной Рады и создания Генерального Секретариата Украины в июне 1917 г. Проанализированы различные подходы политических сил в разрешении кризиса. Освещаются политические оценки ситуации и попытки нахождения компромисса в вопросе об автономии Украины.

Ключевые слова: Временное правительство, Украинская Центральная Рада, Генеральный Секретариат, национально-государственное устройство, автономия, революция, Универсал.

В. Э. Савчинский, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: savchinskiy61@mail.ru

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА: КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ В ИЮНЕ 1917 ГОДА

Выход 10 июня 1917 г. I Универсала Центральной рады в Киеве вызвал нервную, в чем-то растерянную реакцию в Петрограде. Первые публикации с оценками события, происшедшего на Украине появились в центральных газетах через несколько дней. С крайне резкой критикой выступил центральный орган кадетской партии газета «Речь». На первой полосе номера за 14 июня размещена публикация, содержание которой само по себе может стать предметом исследования [14]. По тексту понятно, что автор статьи обладает информацией о конфликтной ситуации, которая сложилась между Центральной радой и Временным правительством. В частности, с документом, адресованном Временному Правительству и Петроградскому совету, в котором делегация Центральной рады изложила свои требования и предложения [22, с. 93-98,]. Восприятие автором содержания I Универсала как отделение Украины от России является органичным продолжением идеи о необходимости сохранения единого российского государства. Некой интригой является иллюстрация причин, которые привели к появлению этого документа. Автор уверен, что события на Украине это реализация германского плана по расчленению России. А проводником этого плана является большевистская партия. Сложно сказать, чем вызвана такая интерпретация событий на Украине, незнанием ситуации или намеренным продвижением идеи «о германском финансировании большевистской партии». В публикации упоминается «Союз освобождения Украины», действующий в Австрии и Германии. Лидер кадетской партии П. Милюков и ранее объективно оценивал деятельность этой организации как прямого союзника Центральных держав в деле развала единой России [10, с. 123]. Данный факт сотрудничества не оспаривали даже украинские эмигрантские организации [8, с. 36]. Можно с большой долей вероятности предположить, что в Петрограде не имели представления, что основу Центральной рады составили представители левых украинских партий, достаточно лояльно настроенных по отношению к России. При этом никто не отрицает наличие в Центральной раде представителей радикальных сил, в том числе «самостийников». Более того, в начальный период своей деятельности Центральная рада мягко отсекала от участия в своей деятельности представителей Галичины [22, с. 40, 44].

«Германский след» в действиях Центральной Рады отметил в своей статье в газете Единство» патриарх российской социал-демократии Г. Плеханов [4]. Речь не идет о сознательных действиях в пользу Германии, Плеханов анализирует геополитические последствия отрыва Украины от России. Плеханов формулирует, пожалуй, коренной вопрос, приведший к радикальным шагам со стороны Центральной Рады: почему Временное Правительство отказалось официально заявить о своей поддержке права украинского народа на автономию. Речь шла об официальной декларации такого права, тем более, что ни в правительстве, ни в Петроградском Совете, данное право серьезно не оспаривалось ни с политической, ни с юридической стороны. Плеханов тонко подмечает, что за признанием автономии Украины могут последовать практические шаги со стороны Центральной Рады, которые могут создать «неудобства» для русского государства [4].

Действительно, в I Универсале содержится не только критика, и в определенной степени обида в отношении действий Временного Правительства. В документе провозглашено право украинского народа избрать Всенародное Украинское собрание (Сейм), который должен обладать исключительным правом издавать законы, действующие на Украине [22, с. 101]. При этом не отрицаются юридические прерогативы Всероссийского Учредительного Собрания, но в части «обязанности» Учредительного Собрания утвердить автономию Украины в статусе, разработанном и принятом на Украине [22, с.105]. Возможно, такой «императивный мандат», предоставляемый Универсалом Всенародному Украинскому собранию и вызывал тревогу и опасения со стороны тех сил, которые, как и Плеханов, видели потенциальную угрозу единству России.

Другие центральные издания также негативно оценили действия Центральной Рады. В № 81 «Вестника Временного правительства» от 16 июня, на второй странице было опубликовано короткое сообщение о том, что 15 июня Временное правительство постановило «обратиться к братскому украинскому народу с воззванием, в котором будет выяснена вся серьезность положения и опасность решений, принятых киевской радой, а также будет изложена точка зрения Временного Правительства на поднятые универсалом рады вопросы» [1].

Газета «Утро России» в номере за 15 июня 1917 г. опубликовала мнение видных политических деятелей, а также информацию о решении Юридического совещания Временного правительства по данному вопросу. Так, П. Милюков заявил, что действия Центральной рады являются преступлением, и направлены на развал единой России. Он также призвал правительство применить репрессии в отношении Украины. Видный меньшевик Ф. Дан, в привычной для социал-демократов манере, поддержал идею украинской автономии в составе единой России, оговорив, что вопросы национально-государственного устройства не стоят на первом плане в текущей ситуации, и точно являются прерогативой Учредительного Собрания. Один из лидеров партии эсеров А. Гоц охарактеризовал решение Центральной рады как «большую политическую ошибку», как действия «преждевременные и недопустимые». Решения всех вопросов, поставленных украинской делегацией на заседании Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Гоц, ссылаясь на невозможность для Временного Правительства удовлетворить требования украинской делегации, так же отнес к решениям будущего Учредительного Собрания [1].

В том же номере газеты публикуется информация о ситуации, которая складывается на I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов. Член исполкома Петроградского совета М. Либер поддержал требование предоставления Украине политической автономии. Фракция националистов [*Так в тексте, надо полагать, имеется ввиду секция по национальному вопросу, либо украинская фракция на съезде –Авт.*] выступила за полную автономию Украины [1]. Хотя в последнем случае не совсем понятно, о чем идет речь, так как такой постановки вопроса на съезде не звучало. Наиболее полно и обстоятельно вопрос об автономии Украины рассматривался на заседаниях I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов 20-22 июня 1917 г. Это прямое следствие выхода I Универсала Центральной Рады. На съезде проблема о национально-государственных отношениях рассматривалась в комплексе предложений по решению национального вопроса, в частности в Финляндии и Польше. Но в отношении указанных территорий, входящих в состав России, позиция депутатов была в целом понятна. Она сводилась к необходимости признания не только права финского и польского народов на самоопределение, но фактически констатировала и право на выход из состава России и создание собственных государств. Иначе обстояло дело при обсуждении украинского вопроса.

Резолюция, предложенная от имени национальной секции и озвученная М. Либером содержала «полную поддержку в деле осуществления демократической автономии Украины, с обеспечением прав национальных меньшинств» [12, с. 236]. Далее следует уже чеканное утверждение о том, что окончательное установление автономии Украины в компетенции Всероссийского Учредительного собрания. Но в качестве «переходных мероприятий» делегатам съезда предлагается утвердить «немедленное создание временного органа, представляющего демократию всех наций, населяющих Украину, для разработки начал автономного устройства края и для руководства всей подготовительной работой, в частности по созыву съезда из представителей всего населения Украины» [12, с. 236].

Собственно говоря, в этом решении содержалось согласие с положением I Универсала Центральной Рады о созыве Всеукраинского сейма. Предложенная резолюция определенным образом предвосхищала создание Генерального секретариата Центральной Рады, о формировании которого в Киеве было объявлено только 28 июня. Но, возможно, в Петрограде уже знали о подготовке создания

такого органа исполнительной власти в Киеве, и, по словам П. Милюкова, даже персональный состав Генерального секретариата в Киеве был определен уже в день выхода I Универсала 10 июня [10, с. 134]. Резолюция съезда предлагает Временному правительству «войти в соглашение с органами украинской революционной демократии для организации указанного временного краевого органа» [12, с. 236]. Явным диссонансом прозвучало мнение украинской фракции. Ее представитель Зиновьев заявил, что реализация принципа национального самоопределения возможна и до решения Учредительного Собрания, явочным порядком, революционным путем [12, с. 237]. При этом, единственным препятствием для реализации этого принципа является опасность раскола единых революционных сил [12, с. 238].

В этом отношении, показательным для дальнейшего развития ситуации, на мой взгляд, является частое использование эвфемизма «органы революционной демократии». И хотя название Украинская Центральная Рада упоминается и до, и после съезда советов, становится понятным, что центры власти в Петрограде, в лице и Временного правительства, и Петроградского Совета, и Съезда Советов, и основных политических партий, включая их лидеров, не воспринимали Центральную Раду представительным органом украинского народа, ни в политическом, ни в юридическом смыслах. Заметно, что общим местом для делегатов съезда стала критика политики Временного правительства по национальному вопросу. Казус данной критики состоит в том, что правительству вменяют в вину отсутствие движения в части установления нового государственного устройства, одновременно отстаивая всеобщую, позицию об исключительном праве Учредительного Собрания решать данные вопросы.

Из выступления Зиновьева прямо следует противопоставление украинской революционной демократии и украинской буржуазной демократии. При этом, последняя, получает дополнительную характеристику как шовинистическая и национально-буржуазная [12, с. 238]. Общий анализ оценки различными политическими силами России ситуации на Украине показывает, что именно Украинская Центральная Рада и воспринималась как орган буржуазной демократии. Эта оценка в разной степени относится ко всем общероссийским социалистическим партиям в течение 1917 г. Таким образом, в позиции большинства делегатов съезда явно проявилась тенденция, которая доминировала и в последующий период развития революции. А именно: предпочтение в решении социальных и политических задач перед национальными. Еще более рельефно такая позиция прозвучала в словах депутата большевика Зиновьева. Озвучена она была следующим образом: «...в данном случае российская революционная демократия должна понять *временно* [Курс.- Авт] те стремления, которые имеет украинская демократия, что если она в данном случае и решилась на какие-либо шаги, то именно из-за того, чтобы на Украине не восторжествовала анархия, не восторжествовали националистические поползновения буржуазных слоев» [12, с. 238].

Трудно поверить, что это была проговорка, можно считать, что данная установка являлась квинтэссенцией общего видения развития ситуации на Украине. Важно было удержать общероссийские социалистические силы от «раскола» по национальному признаку. И следует признать, что на данном этапе революции удавалось, в целом, сдерживать «национальный запал» региональных левых движений под лозунгом «единства революционных сил». Предложенная большевиками резолюция не получила поддержки, хотя с большой долей вероятности, можно предположить, что и сама большевистская резолюция преследовала тактические цели, а именно использовать национальный фактор для внесения раскола в ряды социал-демократии и привлечения сторонников даже в рамках такого непрогнозируемого фактора революции, каковым являются национальные отношения. Свои предложения выдвигали и представители отдельных групп населения. Так, 17 июня Всероссийский съезд казачьих войск принял резолюцию, в которой будущее национально-государственное устройство России представлялось как неделимая демократическая республика с широким местным самоуправлением [15].

19 июня на заключительном заседании всероссийского учредительного казачьего съезда была оглашена резолюция, в которой отделение Украины рассматривается как нарушение «целости государства» выражается поддержка Временному правительству в действиях, касающихся «универсала украинской рады» [16]. В этом же номере газеты помещена информация о решении Исполнительного Комитета Совета крестьянских депутатов, принятого по предложению украинской секции Совета, которое указывает на то, что «украинская рада присвоила себе права Учредительного Собрания» [16]. Вместе с тем, в резолюции выражена готовность вместе с украинской радой добиваться *полной* [курс-Авт.] автономии Украины и некоторых других областей и национальностей России.

Резолюция перемежает в себе признание правомочности требований I Универсала с невозможностью их выполнения в настоящий момент. В резолюции открыто подчеркивается та опасность, которая может последовать вслед за официальным признанием автономии Украины: «немедленного осуществления положений универсала...дает повод для подобных же требований другим народностям и в итоге всего этого распыляет и ослабляет революцию [16]. В качестве «компенсации» для решения «украинского вопроса» предлагается «введение в Украине культурной автономии в самых широких пределах», а Временному Правительству «пойти навстречу желаниям Украины, осуществление которых *не грозит обострением национальной вражды* [курс. - Авт], не нарушает мощи и организованности революции и не ослабляет боевой способности армии [16]. На мой взгляд, резолюция Исполнительного Комитета Совета крестьянских депутатов, наиболее полно и открыто отражает общественное мнение основных общероссийских политических сил и власти, включает всю палитру интерпретаций возможного развития событий в связи с провозглашением автономии Украины.

Фактом непризнания Центральной Рады представительным органом власти со стороны Временного Правительства может служить и отказ правительства финансировать деятельность Центральной Рады даже как органа местного самоуправления. Проблема финансирования деятельности Центральной Рады возникла с первых дней ее существования. Сложности с финансированием деятельности украинских национальных сил вполне реалистично оценивались руководством Центральной Радой с первых дней ее основания. Так, уже в первом своем воззвании к украинскому народу содержался призыв к перечислению средств в Украинский национальный фонд [22, с. 38]. На заседании Центральной Рады 10 марта 1917 г. Казначей Рады поручили разработать некую финансовую программу [22, с. 41]. Вопрос о финансировании своей деятельности регулярно поднимался на заседаниях, что позволяет утверждать, что в этой части Центральная Рада испытывала постоянные затруднения. Генеральный писарь (государственный секретарь) Генерального секретариата Украины в 1917 г. П. Христюк в своих воспоминаниях отмечает особенную роль земских организаций на Украине в финансировании Центральной Рады в начальный период ее деятельности, когда потребность в финансовой помощи была особенно острой [24, с. 20]. 30 мая 1917 г. в «Докладной записке делегации Украинской Центральной Рады Временному Правительству и Исполнительному Комитету Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по вопросам автономии Украины» в числе требований присутствует и требование выделить из Государственного казначейства в распоряжение Центральной рады средства для *удовлетворения национально-культурных потребностей* [Курс. - Авт.] [22, с. 98]. В числе положений I Универсала Центральной Рады, изданного 10 июня содержалось предписание населению выплачивать «особый налог на родное дело» [22, с. 105]. Размер данного налога стал известен и в центре. Так: делегаты II украинского войскового съезда разъехались по деревням с задачей разъяснить положение дел, прочесть универсал и провести обложение на национальные нужды из расчета 10 коп. с десятины за полгода и отправить деньги в Центральную Раду [23]. Всеукраинский крестьянский съезд принял решение о введении налога в размере 10 коп. с десятины земли, крестьяне, не имеющие земельного надела обязаны перечислить однодневный заработок в казну Центральной Рады [22, с. 128].

Дальнейшая переписка между Киевом и Петроградом, в очередной раз показывает юридические коллизии, возникающие между Центральной Радой и Временным правительством. По поручению правительства Юридическое совещание составило ответ на «Докладную записку». По вопросу финансирования совещание признало, что средства на национально-культурные потребности должны отпускаться органами местного самоуправления, а не государством [13, с. 61]. Из чего следует, что Центральной Раде правительство не придавало никакого статуса. В решениях I Всероссийского съезда Советов финансирование любых органов самоуправления за счет государства допускалось только в случае их признания таковыми со стороны Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов [12, с. 267]. Юридическая коллизия состояла и в том, что Всеукраинские съезды, представляющие интересы рабочих, солдатских и крестьянских масс не только признали Центральную Раду всеукраинским представительным органом, но во многом инициировали многие политические процессы на Украине, которые создавали «конфликтные зоны» между Временным правительством и Центральной Радой.

24 июня на заседании Временного Правительства обсуждался вопрос о направлении в Киев «особой комиссии для выяснения требований центральной рады на месте» [5]. Предложенный состав комиссии позволяет предположить, что в правительстве не ожидали дальнейших радикальных шагов со стороны Центральной Рады. Так, комиссию должен был возглавить товарищ министра внутренних

дел князь С. Урусов. В состав комиссии предполагалось включить П. Кропоткина, академиков В. Вернадского, С. Ольденбурга, писателя В. Короленко, председателя Крестьянского съезда Н. Авксентьева [5]. Столь представительный состав делегации, в которую намеревались включить не столько представителей власти, а безусловных властителей дум, людей с безупречной репутацией, никак не связанных с реальной политикой, позволяет утверждать, что предполагаемая комиссия имела задачу именно «выяснения» реального положения дел на Украине в связи с выходом I Универсала. При этом, некие затруднения возникли в связи с тем, что кадетская партия отказалась от участия в этой комиссии [20].

В связи с будущими переговорами с Центральной Радой возникает вопрос о том, насколько точно представляли в Петрограде политическую ситуацию, сложившуюся в Киеве. С одной стороны, информация о текущих событиях на Украине оперативно отражалась в периодических изданиях, отражающих политические позиции основных политических сил в Петрограде, официальных изданиях Временного Правительства. Так, газета кадетской партии «Речь» 22 июня поместила информацию о решениях украинского национального съезда, которые, в частности, определяли, что распоряжения Временного российского Правительства перед проведением их в жизнь на Украине должны быть раньше обсуждены и приняты украинской центральной радой. Все учреждения, как государственные, так и общественные, украинцев должны сносятся с Временным российским Правительством только через центральную раду. И далее: «...Съезд просит центральную раду пересмотреть все постановления, изданные Временным российским Правительством по земельному, продовольственному и другим вопросам, а также относительно хлебной монополии, принять на себя руководство по проведению их в жизнь на Украине и издать приказ по всем государственным, общественным, функционирующим на Украине учреждениям, как почта и телеграф, украинизироваться» [17]. И в том же номере со ссылкой на газету «Киевлянин» помещена краткая информация о митинге в Луцке, где воины-украинцы протестуют против того, что центральная рада позволяет себе говорить и действовать от имени целой Украины. Резолюция этого митинга была крайне радикальной: «Мы настаиваем на отдании приказа, исходящего от военного министра, о немедленной высылке на фронт украинских и неукраинских свободных войск» [17]. Автор также сетует на расширение сферы употребления украинского языка, что собственно не противоречит решениям самого Временного Правительства [18].

Одновременно, в том же номере помещена информация с описанием ситуации развития украинизации армии на примере следования через Харьков двух воинских эшелонов, направляющихся, по инициативе солдат в распоряжение Центральной Рады [18]. В Киеве Совет рабочих депутатов, Совет депутатов войск Киевского военного округа и совет коалиционного студенчества приняли постановление: «Стоя совершенно на почве устройства России на принципах децентрализации и широкой автономии, мы готовы всей силой своего авторитета поддержать точку зрения Правительства, что вопрос этот в смысле общих начал автономии, ее объема и фактического содержания может быть решен только в Учредительном Собрании» [18]. Газета «Речь» в номере за 23 июня опубликовала перепечатку статьи из газеты «Киевская мысль» под названием «Узурпаторы власти». Название статьи кратко передает ее содержание. Тон статьи крайне резкий. Генеральный секретариат, по мнению комментатора публикации в киевской газете был образован тайно неизвестными лицами центральной рады [18]. Данный комментарий можно отнести на счет абсолютного незнания ситуации в Киеве. Трудно поверить, что главный печатный орган кадетской партии не отслеживал развитие ситуации на Украине. Тем более, такой осведомленный в «украинском вопросе» человек, как Павел Милоков, позже, в эмиграции писал: «Я, - говорил он на одном из совещаний бывших членов кадетского ЦК, - уже давно стою за федерацию, ибо «единая и неделимая Россия» - лозунг, нас погубивший» [9, с. 227].

Приведенная постфактум оценка Милокова никак не коррелируется с позицией кадетской партии в 1917 году. Далее в заметке упоминается о высказывании В. Винниченко, который дал понять, что среди украинцев есть некое течение, которое считает возможным открыть фронт немцам и немецкую оккупацию Украины [18]. Данная информация явно коррелируется с заметкой, опубликованной в газете «Речь» от 14 июня 1917 г. Винниченко говорит о наличии германофильских настроений в украинском обществе. Изучение существования таковых требует отдельного исследования, по крайней мере, как гипотеза. В заключительной части заметки приводится пример, который, пожалуй, является квинтэссенцией всех опасений Временного Правительства и общероссийских политических сил. А именно: в Симферополе 2000 солдат-татар, ссылаясь на выступление украинцев, потребовали выделения их в особую часть [18].

Продолжение «германской темы» в украинских делах последовало в очередном номере газеты «Речь» от 24 июня 1917 г. Прелюдией к обсуждению украинской ситуации являлось обсуждение и осуждение «неблагодарной» политики Финляндии в отношении России. В газете помещена статья, анализирующая ситуацию, сложившуюся на Украине после создания Генерального Секретариата, который позиционировал себя как фактическое правительство автономной Украины с вполне конкретными полномочиями. Данные полномочия, как и вытекающий из них юридический и политический статус Секретариата, охватывают не только местные дела, что было бы естественно в рамках объявленной автономии, но затрагивает и общегосударственные вопросы, которые в правовом измерении относятся к прерогативам Временного Правительства и Всероссийского Учредительного Собрания. В качестве предполагаемого развития ситуации на Украине, приводится снова пример Финляндии, которая отказала в предоставлении России займа, «не заметив», что решением Всероссийского Съезда Советов «финляндцам предоставлено право добиваться полного самоопределения вплоть до государственной независимости» [19]. Но и в этом случае предложенная формула обретения Финляндией независимости могла быть реализована только с разрешения Учредительного Собрания. С учетом фактического полностью автономного статуса Финляндии, позиция российской социал-демократии представляется, как минимум, недалёковидной. На примере «неудавшегося в Финляндии средства» автор статьи переходит к рассмотрению украинской ситуации. Для поездки в Киев формируется комиссия, «то ли с увещательной, то ли информационной целью» [19]. Как было отмечено выше, персонально подобранный состав комиссии подтверждает предположения автора статьи. Примечательно, что выпуск данного номера газеты «Речь» вышел в тот же день, когда состоялось совещание правительства по данному вопросу. Автор статьи с большой степенью вероятности выражает общую позицию не только газеты, но и в целом кадетской партии. И это мнение в отношении перспектив остановить «сепаратистские стремления» на Украины выражено достаточно пессимистично. В качестве аргумента приводится вполне реалистический сценарий «расстановки сил и позиций», зависящий от того «насколько у объектов убеждений [*Центральная Рада – прим. Авт.*] имеется чувство собственной слабости» [19].

Надежда на благоприятный исход переговоров строится, по мнению автора статьи на том, что «украинское движение все же не вышло за пределы чисто-литературной пропаганды» [19]. Приведенная оценка размаха и направленности автономистского украинского движения, скорее говорит все же об ограниченности информации и понимания процессов, происходящих в Киеве. Анализ мотивов, принятого Центральной Радой решения, более похож на стремление выдать желаемое за действительное. Выход I Универсала и создание Генерального секретариата рассматриваются как «предварительное осторожное зондирование почвы» [19]. В качестве аргумента предлагается цитирование слов В. Винниченко о том, что Генеральный секретариат сам не вполне уверен в собственном существовании, и в действительности является «практическим органом разрешения местных интересов» [19]. Газета «Речь» с завидным постоянством продолжает «раскрывать злонамеренные планы» Центральной Рады о возможности открытия германского фронта на Украине, не забывая оговориться, что это в действительности один из рычагов давления на Временное Правительство.

В статье фиксируется стремление Центральной Рады стать «посредником в отношениях с центральным правительством» [19]. Если предположить, что все могло ограничиться «посреднической деятельностью», то такой вариант мог быть приемлем для Временного Правительства. Собственно, этот вариант взаимоотношений между Временным Правительством и Генеральным секретариатом Украины был реализован по результатам переговоров в Киеве в конце июня и зафиксирован во II Универсале Центральной Рады от 3 июля и Временной инструкцией Генеральному секретариату Временного правительства на Украине от 4 августа 1917 г. Саму возможность соглашения с Центральной Радой автор статьи считает невозможной, а собственно переговоры как укрепление позиции Центральной Рады [19].

25 июня в Петрограде состоялась массовая украинская манифестация, в которой приняли участие представители петроградской украинской колонии, офицеры, солдаты, военные оркестры. Она прошла под лозунгами «Пусть живет свободная Украина», «Слава центральной украинской раде». На митинге, на украинском языке прозвучали слова поддержки начинаниям центральной рады [21]. Количество участников манифестации осталось неизвестным, но с большой долей вероятности, можно утверждать, что организаторы манифестации рассчитывали объявить свою позицию в условиях назревавшего конфликта между Петроградом и Киевом и с учетом подготовки к переговорам в Киеве между формирующейся делегацией Временного Правительства и Центральной

Радой. Так же сообщается о выезде делегации Временного Правительства в составе М. Терещенко, Н. Некрасова и Н. Церетели в ставку, после чего Терещенко и Церетели проследуют в Киев «для всестороннего выяснения на месте украинского вопроса» [21]. Вопрос об использовании национальных языков рассматривался и в рамках профсоюзов. Всероссийская конференция профсоюзов приняла решение о том, что «для ведения культурно-просветительной работы среди рабочих разных национальностей допустимо образование внутри союза национальных культурно-просветительных комиссий. На общих собраниях рабочие имеют право голоса на своем языке. По требованию присутствующих на собрании рабочих, содержание произнесенной речи передается на понятном им языке» [7].

В Киеве также готовились к предстоящим переговорам. В прессе приводится фрагмент выступления В. Винниченко. Он в очередной раз обозначил ситуацию, которая может возникнуть в случае оставления солдатами-украинцами [несколько миллионов по утверждению В. Винниченко] своих позиций на фронте. Выше уже отмечалось, что тиражирование подобной информации требует пристального исследования на предмет реальности таких действий. Но в рамки возникшего противостояния с Временным Правительством, вполне укладывается предположение об использовании «мнимой угрозы» как элемент давления на Временное Правительство, к тому же в условиях наступления на фронте, с успешным завершением которого, многие политические силы связывали свои надежды на улучшение ситуации в стране. В этом случае, политическая игра на «возможной угрозе поражения на фронте», вполне укладывается в следующее заявление В. Винниченко: «Мы добиваемся не власти, а организации народных масс» [6, с. 21].

При этом Винниченко допускает возможность издания декрета, в котором населению Украины будет указано, «что всякое постановление центрального правительства, прежде, чем оно будет осуществлено, должно быть рассмотрено центральной радой» [21]. И эти заявления прозвучали, когда переговоры с делегацией Временного Правительства в Киеве, стали официально объявленным фактом. Крайне важным для оценки дальнейших событий, связанных с украинским кризисом, могли бы стать документы, содержащие предварительные переговорные позиции делегаций и Центральной Рады, и Временного Правительства. Но таких источников, скорее всего не существует, или они недоступны для исследований. Известно, что Центральная Рада формирует комиссию для разработки положений об автономии Украины [21]. Отмечается, что из 100 членов комиссии 29 будут представлять национальные меньшинства, проживающие на Украине (великороссы, поляки, евреи и др.). Между тем, решением Центральной Рады от 23 июня закреплена норма представительства в Комиссии: 1 представитель от 1% населения определенной нации [22, с.120]. Примечательно то, что при расхождении в нормах представительства в источниках, остается неясным на основании каких подсчетов, вводилась та или другая норма. Перепись населения 1897 г. исключала вопрос о национальности, но содержала графу о родном языке. Результаты переписи по украинским губерниям дают следующие соотношения между носителями русского, украинского (в переписных листах – малорусского), еврейского, польского (в тыс. населения):

Губерния	Русский	Украинский	Еврейский	Польский
Волынская	2.204	2.095	394	184
Екатеринославская	1.835	1.450	99	
Киевская	3.034	2.819	430	68
Подольская	2.542	2.442	369	10
Полтавская	2.657	2.583	110	
Таврическая	1.025	611	34	
Харьковская	2.460	2.009		
Херсонская	2.060	1.462	332	
Черниговская	2.173	1.526	113	

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897 – 1905. Вып. 7 : Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – 1905. – 38 с. [11].

Главным постулатом I Универсала, является на первый взгляд «проходная мысль»: «И теперь, народ украинский, нас принудили к тому, чтобы мы сами творили свою судьбу» [Курс. -Авт] [22, с.

104]. М. Грушевский и В. Винниченко достаточно подробно аргументировали принятое решение тем, что «что те или иные шаги Рада принимала под влиянием объективных условий жизни, которые быстро в панораме событий сменялись. Универсала мы не предвидели, но под давлением реальных условий жизни мы его издали» [13, с. 127]. Разработка и принятие I Универсала проходила в условиях противостояния различных политических сил и в Киеве. В докладной записке делегации Центральной Рады Временному Правительству по вопросам автономии Украины обозначены силы, которые препятствуют движению Украины к обретению автономного статуса. Главным препятствием названы классовые интересы буржуазии, представленные русскими, поляками, евреями, французами, а также украинцами, «которые давно называют себя «русскими» [22, с. 94]. Примерами политического противостояния называют угрозу со стороны председателя Киевского совета рабочих и солдатских депутатов «разогнать штыками Украинский конгресс [22, с. 95], постановление Киевского совета об обязательности разрешение на проведение в Киеве съездов со стороны Киевского совета рабочих и солдатских депутатов [22, с. 96], стремление Киевского исполнительного совета общественных организаций выделить Киев в отдельную административную единицу, независимую от всего края [22, с. 96].

Таким образом, представляется, что основной линией конфликта между Центральной Радой и Временным Правительством являлась проблема легитимации Центральной Рады, в том числе в самой Украине. События, происходившие до принятия Центральной Радой при поддержке и давлении со стороны II Всеукраинского войскового съезда I Универсала, иллюстрируют инертность и слабое понимание членами Временного Правительства того взрывоопасного потенциала, который представляет собой национальное движение, подпитываемое правильно подаваемой информацией о своем историческом прошлом. Неслучайно, первые публикации лидера Украины М. Грушевского, изданные в марте-апреле 1917 г. в популярной форме доводили до масс населения идеи Грушевского, ранее облеченные в академические формы [2]. История, как правило, показывает, что при наличии альтернативы в рамках дихотомии: право наций на самоопределение – сохранение целостности государства, результат зависит от политической целесообразности, конкретной расстановки сил, наличия воли, ресурсов и механизмов для реализации той или иной альтернативы. Правовые и философские инструменты играют, как правило, вспомогательную роль. 26 июня 1917 г. на заседании Центральной Рады представитель от Екатеринославщины Тушкан заявил, что «в основе успеха украинской идеи лежит не текущая работа, а *исторические и этнографические традиции*» [22, с. 129].

Следует отметить, что Центральная Рада в своих политических требованиях предпочитала не опираться на исторические параллели, ссылаясь на опыт строительства государственности Украины в период национально-освободительной войны украинского народа 1654-1667 гг., и автономный статус Гетманщины в составе Российского государства до 1781 г. В этом смысле работы М. Грушевского, посвященные анализу положения и статуса Украины, как прошлых лет, так и публикации 1917 г. «оставались за скобками» реальной политики Центральной Рады [3]. Апелляция к историческому прошлому и использования опыта других народов и государств могут стать важным мобилизационным ресурсом в том случае, когда «линия напряжения» достигает такого уровня накала, когда компромисс рассматривается как признание собственного поражения. В этой связи, возможность решения вопроса о национально-государственной автономии Украины после Февральской революции 1917 г. представляется мало реализуемой.

Список литературы

1. Вестник Временного правительства. – 1917. – 16 июня.
2. Грушевский, М. Вольная Украина. Статьи последних дней. (Март-апрель 1917) / М. Грушевский. – Киев: Тип. Тов-ва «П. Барский, 1917. – 45 с. (на укр. яз.)
3. Грушевский, М. Освобождение России и украинский вопрос : Ст. и заметки / Проф. Мих. Грушевский. – Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1907. – 291 с.
4. Единство. – 1917. – 16 июня.
5. Единство. – 1917. – 25 июня.
6. Единство. – 1917. – 28 июня.
7. Единство. – 1917. – 1 июля.

8. Записка об украинском движении за 1914-1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. – Б. м., [1916]. – 75 с.
9. Кувшинов, В. А. Неопубликованный конспект лекции П. Н. Милюкова «Национальность и интернационализм», прочитанной в 1925 г. в Париже / В. А. Кувшинов // КЛИО. Журнал для ученых. – 1998. – №2(5). – С. 227-229.
10. Милюков, П. История второй русской революции / П. Милюков. – М. : РОССПЭН, 2001. – 764 с.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; Под ред. Н. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897 – 1905. Вып. 7 : Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – 1905. – 38 с.
12. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: В 2-х т. Т.2: [Заседания 12-24 июня 1917 г.: (стенографический отчет)] / Подгот. к печати В. Н. Рахметов и Н. И. Мямлин. – 1931. – 489 с.
13. Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3: 1917. Февраль-октябрь / сост. И. Левин и Е. Драбкина. – Москва: Изд-во Коммунистической акад., 1930. – 467 с.
14. Речь. – 1917. – 14 июня.
15. Речь. – 1917. – 18 июня.
16. Речь. – 1917. – 21 июня.
17. Речь. – 1917. – 22 июня.
18. Речь. – 1917. – 23 июня.
19. Речь. – 1917. – 24 июня.
20. Речь. – 1917. – 25 июня.
21. Речь. – 1917. – 27 июня.
22. Українська Центральна Рада : документи і матеріали: У 2 т. Т. 1 : 4 березня- 9 грудня 1917 р. / упоряд. В. Ф. Верстюк [та ін.] ; відп. ред. В. А. Смолій / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. – К. : Наук. думка, 1996 . – 589 с.
23. Утро России. – 1917. – 15 июня.
24. Христюк, П. О. Записки і матеріали до історії української революції : 1917–1920 рр. : [у 4 т.]. Т. 1 / П. Христюк ; Укр. соціол. ін-т. – Wien : [б. в., 1921]. – 151 с.

Статья поступила в редакцию 24.10.2020

Savchiskiy, V. E. *The Provisional Government and the Central Rada: the Crisis of Relations in June 1917*

The article offers an analysis of the situation in Ukraine after the February revolution of 1917 in terms of the aspirations of a certain part of Ukrainian society for self-determination within the new Russia. The crisis in relations between the Provisional Government and the Central Rada is analyzed in the situation that arose after the release of the first Universal of the Central Rada and the creation of the General Secretariat of Ukraine in June 1917. Various approaches of political forces in resolving the crisis are analyzed. Political assessments of the situation and attempts to find a compromise on the issue of Ukraine's autonomy are highlighted.

Keywords: Provisional Government, Ukrainian Central Rada, General Secretariat, national-state structure, autonomy, revolution, Universal.

УДК 391(411)(091)

Статья посвящена истории возникновения и развития шотландского национального костюма. В работе рассмотрена эволюция костюма от раннего Средневековья до конца XIX века, представлены свидетельства авторов-очевидцев. Объектом исследования является шотландский национальный костюм. Предмет исследования – процесс его становления и видоизменения на территории Шотландии. Целью авторов является выявление основных особенностей и тенденций в развитии шотландского национального костюма. В основу работы были положены принципы историзма и объективности исторического исследования. В исследовании применялись как общенаучные, так и специальные исследовательские методы. Новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии была исследована история возникновения и развития шотландского национального костюма. Авторы приходят к выводу о том, что вплоть до XVII века одежда шотландцев копировала ирландскую, что было обусловлено особенностями культурно-этнической истории региона. Прекращение поставок красителей и сырья с территории Ирландии привело к появления новых самобытных явлений в развитии национального костюма. Именно с XVII-XVIII века в Шотландии создаются широко известные большинству предметы гардероба – килт, спорран, тэм, меховой бонет, тартан.

Ключевые слова: Шотландия, костюм, Хайленд, горцы, одежда, история повседневности, скотты, пикты, Дал Риада, гэлы.

А. В. Ильичев, магистрант

Севастопольский государственный университет

Email: ilichev-toni@mail.ru

М. С. Ситало, магистрант

Севастопольский государственный университет

Email: mashunya.sitalo@mail.ru

В. В. Хапаев, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

Email: vvhapaev@sevsu.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ШОТЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА

Соединенное Королевство состоит из четырех основных административно-политических единиц: Англия, Уэльс, Северная Ирландия и Шотландия. Каждый из этих регионов обладает по истине уникальной и самобытной культурой и историей. Но Шотландия, в отличие от других вышеуказанных областей, не была полностью интегрирована в Английское пространство. Во многом это обусловлено характером исторических взаимоотношений между англичанами (англосаксами) и скоттами, а также национально-культурными особенностями. Как верно отметил писатель и историк МакЛарен: «первое, что нужно знать о шотландцах это то, что они не англичане» [7, с. 7].

Источниковая база исследования представлена мемуарами и трудами английских и шотландских историков рассматриваемого периода, которые лично посещали этот регион. Отдельно стоит выделить труды, написанные французами – «История войны в Шотландии» Жана де Боуге, французского солдата, участника кампании 1548-1549 года в Шотландии и описание путешествия Якова V за авторством Николя д'Арфиля. Выбор источников продиктован их информативностью и содержательностью, а также наличием перевода на английский язык. Источниковая база исследования полностью соответствует цели исследования, указанной в аннотации.

К сожалению, литература посвященная истории хайлендерского костюма не столь обширна и многочисленна, в отличие от политической или экономической истории Шотландии. На сегодняшний день существуют три основных фундаментальных произведения, посвященных данной проблематике: «Old Irish and Highland Dress» Генри МакКлинтока, «History of Highland Dress» Джона Данбара и «Scottish National Dress and Tartan» Стюарта Рида. Работа Генри МакКлинтока содержит сведения и изображения об истории ирландского и шотландского костюмов вплоть до XVII и XVIII

века соответственно. Ценность этой работы заключается в наличии отрывков из источников, посвященных данной теме с последующим их переводом и комментариями от автора. Многие источники обозреваемой эпохи были написаны на латыни или на французском языке. Труд Джона Данбара также, как и работа МакКлинтока, имеет вставки текста источников с последующим их переводом и комментарием. Однако в «History of Highland Dress» автор расширяет временной период до XIX века, а также уделяет подробное внимание такому элементу костюма как тартан. Работа Стюарта Рида отличается большим количеством иллюстративного материала, который позволяет наиболее полно представить описываемые элементы одежды, а также детальным обзором истории килта и тартана.

Письменная история Шотландии берет свое начало с римского периода. В I веке нашей эры легионы под командованием императора Клавдия высадились на территории Британии. К концу 70-х годов под властью римлян оказалась вся Англия и Уэльс. Однако северная часть острова оставалась вне контроля римских императоров. Это было связано с незаинтересованностью Рима в дальнейшем продвижении на север. Каледония (как раньше называлась эта территория) была заселена пиктами – грозным и воинствующим народом. В 77 году Гней Юлий Агрикола предпринял успешный поход на юг Шотландии, который завершился разгромом пиктов у Грауспийских гор. В итоге территория римского влияния расширилась вплоть до Каледонского плоскогорья. Но продолжить военную кампанию против пиктов римские императоры так и не решились в силу неблагоприятной для ведения боя местности. Для защиты территории от пиктов римляне выстроили мощную линию обороны – валы Адриана и Антонина.

О дальнейшей истории пиктов известно немного. В основном до нас дошли лишь прекрасные образцы искусства этого народа. Сама Шотландия в этот период была разделена между 4-мя народами: пикты (Каледония), ирландцы (Дал Риада) [5, с. 60], саксы (Каледонское плоскогорье), бритты. К VIII веку практически все племена и народы, проживавшие в Шотландии, приняли христианство. В 843 году произошло значимое для истории региона событие. Король Дал Риада Кеннет Мак Альпин подчинил себе Каледонию, положив начало государству Альба [4, с. 52]. Ирландцы (скотты) начали селиться на территории Шотландии еще во времена римского присутствия в IV веке. Традиционным считается взгляд, согласно которому скотты, инициировав кампанию против Каледонии, полностью истребили пиктов. Однако современные авторы выдвигают более вероятную и правдоподобную версию о смешении скоттов и пиктов, в силу их культурной и общественно-политической близости [1, с. 37]. Кеннету Мак Альпину не удалось полностью объединить Шотландию. Территории у Морей-Ферта, западные острова продолжали сохранять свою самостоятельность, в то время как на юге Страклайд и Лотиан входили в состав Нортумбрии. Подчинить себе южную землю удалось лишь при наследниках Кеннета Мак Альпина.

В конце VIII века Шотландия одной из первых подверглась нашествию скандинавов. Эти нападения продолжались вплоть до второй половины XIII века. Если в Англии основным противником были датчане, то Шотландия столкнулась с норвежской угрозой. Следует отметить, что викинги занимались не только разорением, но и вполне мирной колонизацией. В IX-X веках норвежцы начали активно селиться на территории Шотландских островов. Наиболее привлекательными для них были северные, в силу более благоприятного климата. Норвежская колонизация привела к тому, что большинство топонимов Шотландских островов имеют скандинавские корни. Помимо островов, норвежцы основали ряд поселений на прибрежной полосе. Противодействие со стороны местных жителей привело к отказу от любых попыток в дальнейшем продвижения вглубь страны.

Несмотря на скандинавскую проблему, с IX по XI век в Шотландии шел активный процесс укрепления государства и его дальнейшего расширения [4, с. 78]. В годы правления Малколма II граница с Нортумбрией переместилась до залива Солуэй и устья Туида. Этот рубеж, разделявший Англию и Шотландию, невзирая на временные успехи обеих держав в ходе многочисленных войн, сохранился и сегодня. Однако успехи в войне с Нортумбрией граничили вместе со значительным увеличением сепаратизма кланов и наместников областей (мормеров) на местах.

В начале XII века королевство Scotia (латинский вариант гаэльского наименования государства Alba) выросло почти до своих окончательных границ. Разнообразие природных условий и культурных обычаев привели к неравномерному развитию отдельных частей Шотландии. Общепринятое деление страны на «горную» (Highlands) и «равнинную» (Lowlands), со скотоводческим гаэльским и земледельческим англо-шотландским населением соответственно, во многом утрито. Правильней будет определить эти области как гаэльский запад и англо-

шотландский восток [2, с. 29]. Важно упомянуть, что именно в горной части Шотландии сформировалась одна из отличительных черт региона – шотландская клановая система.

В XII-XIII вв., как, впрочем, и в дальнейшем, Шотландия оставалась кельтской страной, где для большинства населения родным языком был гаэльский. Переход к феодальному обществу сопровождался ростом населения, внутренней колонизацией, основанием новых поселений, вырубкой лесов и освоением целинных земель. Феодальный землевладельческий класс сложился из нескольких источников: родовой кельтской знати, англо-нормандских и северофранцузских рыцарей-переселенцев. Стоит отметить тот факт, что, в отличие от нормандской Англии, в Шотландии не происходило замещения местной аристократии пришлой элитой. В этот период Шотландия представляла собой единое феодальное государство с достаточно сильной центральной властью, хотя северо-западные гаэльские области сохраняли некоторую обособленность.

С конца XIII века между Англией и Шотландией начинаются постоянные столкновения. Два самых значимых военных конфликта этого периода связаны с отсутствием прямого наследника у последнего шотландского короля Александра III, так как его внучка Маргарита умерла в детском возрасте. Первая война (1296-1328 гг.) началась с английского вторжения в Шотландию в 1296 году и закончилась подписанием Нортгемптонского договора в 1328 году. Вторая война (1332-1357 гг.) – с поддержанного англичанами вторжения в страну претендента на шотландский престол Эдуарда Баллиоля и его партии «лишенных наследства» в 1332 году и закончилась в 1357 году подписанием Бервикского мирного договора. По итогам обеих войн Шотландия сохранила свой статус независимого государства.

Говоря об истории Шотландии, нельзя обойти стороной старинный род Стюартов, представители которого не раз занимали королевский трон. Первым монархом из этой династии был Роберт II Стюарт, коронованный в 1371 г. Впоследствии, в XVI веке, его потомки получили права на английский престол: шотландская королева Мария Стюарт соперничала с Елизаветой I, дочерью от второго брака английского короля Генриха VIII, за корону Англии. Противостояние закончилось казнью Марии, но ее сын Яков I (для Шотландии – Яков VI) впервые объединил две суверенных территории под своим управлением в 1603 г. Важно понимать, что это событие не сделало Англию и Шотландию одним государством. Ситуация поменялась на время диктатуры Оливера Кромвеля (1653-1660 гг.), который провел административную реформу и разделил государство на двенадцать военных губернаторств. Независимость Шотландия обрела снова в 1660 году благодаря королю Карлу II, из рода Стюартов.

После Славной революции 1688 г. и свержения Якова II Стюарта (для Шотландии – Якова VII) Вильгельмом III Оранским и Марией II Стюарт, Шотландия в течение короткого времени угрожала избрать собственного монарха-протестанта, но, под угрозой разрыва Англией торговых и транспортных связей, шотландский парламент совместно с английским подписал Договор об Унии в 1706 г. В результате политического объединения было образовано королевство Великобритания.

Однако на этом трения не закончились. В течение всего XVIII века шотландские якобиты – приверженцы изгнанного короля Якова II, – были участниками восстаний и попыток смены правительства. Самым ярким среди череды мятежей стало восстание 1745 года под предводительством Чарльза Эдуарда Стюарта. Он высадился в Шотландии с небольшой армией, рассчитывая на поддержку якобитов. Но основную помощь ему оказали только представители горных кланов. Восставшие захватили Эдинбург, практически всю Шотландию и продвигались вглубь Англии.

Решающее сражение с правительственными войсками состоялось в 1746 г. при Каллодене, в северной Шотландии. Открытая местность дала преимущество английской артиллерии. Якобитам пришлось отступить, а сам Претендент покинул армию. Одним из факторов поражения восставших стали незначительная поддержка от английских якобитов и отсутствие обещанного французского контингента.

Наиболее ранним письменным источником по истории хайлендерского костюма является сага о норвежском конунге Магнусе Голоном. В ней содержится следующий отрывок: *«люди говорят, что, когда Магнус конунг вернулся из похода на запад, он одевался, как было принято в Западных Странах, и также одевались многие из его людей. Они ходили с голыми ногами по улице и в коротких туниках и верхней одежде»* [6]. Многие авторы неверно трактовали короткую тунику, упоминаемую в саге как килт, однако он был изобретен гораздо позднее. Более вероятным является ее сходство с ирландской *leine*.

Следующим по хронологии памятником является путеводитель паломника по Компостеле, датированный XII веком. В его тексте имеется краткое упоминание хайлендерского костюма в контексте описания испанцев: *«Жители Наварры носят короткую одежду темных цветов, доходящую как и у шотландцев до колен, а также лабаркассы – обувь, сделанную из необработанной кожи, которая закреплялась ремешками на ноге, оставляя верхнюю часть ступни открытой и закрывая лишь подошву»* [10, с. 23].

Первое подробное описание хайлендерского костюма было представлено в работе шотландского историка и философа Джона Мейджора «Великая Британия», опубликованной в 1521 году [14]. Автор писал о том, что шотландцы носят рубашки шафранового цвета, а также мантии вместо верхней одежды. Ноги у них от середины бедра и до ступни оставались открытыми. В бою шотландцы поверх рубашки надевали кольчугу либо многослойное льняное одеяние, окрашенное или обмазанное смолой и обитое кожей [15, с. 110].

Тартан как характерный предмет хайлендерского костюма впервые упоминается в документах королевской сокровищницы короля Джеймса V, датированных 1538 годом. В них перечислены материалы, которые были потрачены на соответствующие элементы костюма. Дошедшая до нас информация позволяет сделать предположение о том, что костюм состоял из короткого жакета из разноцветного бархата (возможно это был тартан) с зеленой подкладкой, клетчатых штанов (trews), а также длинной рубашки из шелка с украшением в виде лент в районе талии [15, с. 111-112].

О костюме хайлендеров писал также и французский автор Жан де Боуге в своем труде *L'Histoire de la Guerre d'Ecosse* (История войны в Шотландии) [12]. Он был одним из бойцов французских войск, которые прибыли на помощь Марии Стюарт в 1548 году. Сведения о хайлендерском костюме в источнике довольно скупы. Жан де Боуге пишет о том, что шотландцы практически не носят одежды, за исключением рубашек шафранового цвета, а также легких и разноцветных шерстяных покрывал (накидок) [10, с. 27]. В противовес этой информации можно привести Хронику Шотландии Линдси из Пискота [13], который в 1573 году писал, что хайлендерский костюм состоит из мантии, рубашки, выкрашенной на ирландский манер в шафрановый цвет, с открытыми ниже колена ногами [15, с. 113].

Однако, из всей плеяды письменных источников XVI века по хайлендерскому костюму наибольшую ценность представляет собой *«De origine, moribus, ac rebus gestis Scotiae libri decem»* за авторством епископа Джона Лесли. Он писал: *«Их одеяния (шотландцев) были сделаны для работы (в том числе и для войны), а не для красоты. Как знать, так и рядовые жители носят мантии одного вида. Дворянские имеют более разнообразную окраску. Мантии были длинными и свободными, но их можно было без затруднения складывать в более удобную для ношения форму. Я склонен верить в то, что они идентичны с тем, что старцы называли Brachae. Завернувшись в мантию можно было спокойно спать. Также у них были пушистые ковры, наподобие тех, что сейчас используют в Ирландии (1578). Некоторые предназначены для путешествий, а другие для того, чтобы постелить на кровати. Оставшаяся часть костюма состояла из короткого шерстяного жакета, рукава у которого имели снизу разрез (для удобства метания дротиков), а также набедренная повязка, сделанная больше для приличия, чем для красоты или защиты от холода. Также они изготавливают длинные льняные рубашки с многочисленными складками и широкими рукавами, свободно ниспадающими до колена. Богатые окрашивали их в шафрановый цвет. Народ победнее обмазывал жиром для того, чтобы как можно дольше сохранить их чистыми»* [10, с. 28].

Приведенный выше отрывок нуждается в нескольких пояснениях. Конструктивная особенность рукавов у жакета предназначалась вовсе не для метания дротиков. Нижний разрез рукавов был необходим для того, чтобы длинные рукава рубашки могли спокойно свисать.

Жир, который по мнению Джона Лесли применялся для того, чтобы сохранить одежду чистой, скорее всего предназначался для другого. А именно для того, чтобы сохранить одежду сухой или при подготовке одежды к сражению.

О любимых цветах хайлендеров мы можем узнать из работы *«Rerum Scoticarum Historia»* Джорджа Бьюкенена [9]. Автор пишет о том, что шотландцы обожают пеструю одежду, особенно полосатую, фиолетового или синего цвета. Еще один цвет, который выделил Джордж Бьюкенен – темно-коричневый. Он позволял шотландцам оставаться незаметными среди листьев вереска [10, с. 29].

Еще одним важным источником по истории хайлендерского костюма является описание путешествия Якова V в северную Шотландию. Труд написан сопровождавшим короля французским космографом Николя д'Арфевиль. Перевод этой работы на английский язык был опубликован в *Miscellanea Scotica* в 1710 году [16], а затем переиздан в Эдинбурге в 1819 г. Французский космограф пишет о том, что шотландцы носят закрытые рубахи цвета шафрана. Фасон напоминает ирландскую традицию. Поверх рубашки они носят плащ из грубой кожи до колена, имеющий сходство с одеянием священнослужителей. Николя отмечает, что шотландцы не носят головные уборы и обуви, за редким исключением. В таком случае, обувь представляла собой высокие ботинки до колен [15, с. 115-116]. Исходя из последнего утверждения, мы можем сделать предположение о том, что обувь и головные уборы были атрибутом высших слоев населения.

В 1617 году в Лондоне были опубликованы «Moryson's Itinerary» – заметки известного путешественника Файнса Морисона [17]. В них, несмотря на отсутствие общего описания шотландского костюма, есть упоминание о предмете, похожем на тартан из Лоуленда [10, с. 33].

Однако, заметки Файнса Морисона и документы королевской сокровищницы Джеймса располагают лишь косвенными свидетельствами относительно первого появления тартана в хайлендерском костюме. Первым же источником, который нам точно говорит о присутствии у шотландцев тартана – воспоминания Джона Тэйлора о его поездке в Шотландию. Здесь также присутствуют сведения о других особенностях одежды шотландцев: упоминаются голубой бонет, мантии разных цветов, короткие hose (чулки/гольфы) и др [10, с. 34].

Кроме письменных источников до наших дней дошли и немногочисленные изображения. Самыми ранними являются рисунки из «*Receuil de la diversite des habits*», которые были опубликованы в 1562 году в Париже. На одном из них изображен мужчина в плаще с бахромой и рисунком, в высоких ботинках. На другом – женщина широкой мантии из овечьей шерсти. Помимо этого, *Receuil de la diversite des habits* содержит изображение шотландца в короткой тунике с очень пышными рукавами, поверх пары очень широких брюк. Они были украшены узорами с горизонтальными волнистыми линиями [10, с. 51].

Другим ранним изображением хайлендерского костюма является цветной рисунок из книги Лукаса де Хира. Примечательно, что автор сам иллюстрировал свои работы. Здесь изображен мужчина в тунике с длинными рукавами и плиссированной юбкой, а также в мантии огромной длины. Обут он в плоские туфли или броги (brogues) [10, с. 51-52].

Таким образом, на основании письменных и вещественных источников мы можем сделать промежуточный вывод о том, что хайлендерский костюм вплоть до конца XVI века имел много общего с ирландским нарядом.

В XVII столетии хайлендерский костюм существенно изменяется. Одним из изменений стало исчезновение шафрановой рубашки из гардероба хайлендеров [18, с. 22]. Это было связано, в первую очередь, с возникшей нехваткой сырья и красителей из Ирландии вследствие Елизаветинских завоеваний.

Среди прочих немаловажных изменений стоит отметить замену мантии на вещь, которую мы сегодня называем большим килтом (belted plaid). Впервые данный предмет гардероба упоминается в источниках в начале XVI века. Одним из немногих сохранившихся изображений большого килта XVI-XVII веков является цветной рисунок из альбома за авторством Hieronymus Tielsch. На нем изображен мужчина в большом килте, окаймленном коричневой материей или мехом. Впоследствии он трансформируется в привычный для нас малый килт.

Для защиты от холода, а также для того, чтобы подчеркнуть свой социальный статус шотландцы носили робы. Последнее достигалось за счет цвета (алый, белый*) или изощренности тартана. После принятия Унии 1707 года, тартановый килт, перекинутый через плечи, стал национальным символом. С этого момента килт начал активно распространяться на территории всей Шотландии, а не только в Хайленде [18, с. 27]. Большой килт как предмет гардероба был вовсе не альтернативой штанам, а определенным эквивалентом тяжелого пальто, который надевали при выходе из дома в плохую погоду или во время путешествия.

Более привычный для нас малый килт появляется на территории Шотландии в XVIII веке [18, с. 33]. Его распространение связано с сложностями в процессе облачения в большой килт. Для того, чтобы его надеть, вначале необходимо положить его на какую-либо поверхность (пол, земля). Затем под килт на место талии подкладывался пояс. Далее материал собирался в складки под прямым

углом. Шотландец должен был лечь на большой килт, застегнуть ремень, закрепив переднюю часть, а остальную перебросить через плечо и закрепить ее там булавкой или брошью. Этот способ, однако, нельзя было применить в том случае, если земля была мокрой если одеваться приходилось на улице и земля была мокрой». Тогда шотландцы просто перекидывали весь материал через плечо и затем грубо собирали его вокруг талии. Но даже если большой килт был надет правильно, существовали две основные проблемы. Первая заключалась в том, что большая часть материала находилась выше талии, что могло привести к зазору между коленом и подолом, когда что килтовая часть тянулась вверх. Во-вторых, обе части килта могли сильно смещаться друг от друга. Эта проблема решалась либо за счет споррана, либо созданием складок по всему периметру материала, а не только в передней части. Но, несмотря на это, сохранившиеся иллюстрации демонстрируют наличие зазоров в передней части одеяния, а также чрезмерную степень оголенности ноги. Таким образом, большой килт представлялся удобным для гражданских лиц, но не для военных. Именно этот фактор привел к появлению малого килта. Согласно приказным книгам 1750-х годов шотландским военным было поручено обрезать старый большой килт в малый [18, с. 39]. Надевали они его во всех случаях, кроме официальных мероприятий. К концу XVIII века было уже налажено производство новой формы килта – малого. Верхняя граница модернизированной модели доходила до нижней части ребер, а не до талии.

Сам по себе килт состоит из трех равных частей: центральной плиссированной зоны, образующей заднюю часть, и двух неплиссированных передника, которые должны перекрывать друг друга. Для того, чтобы правильно надеть килт, необходимо взять правый передник обмотать вокруг талии и затем закрепить с левой стороны. Соответственно, левый нужно провести через него сверху и закрепить справа.

В 1822 году произошло значимое для истории шотландского национального костюма событие. Король Георг IV посетил с официальным визитом Эдинбург [18, с. 50]. В ходе этого мероприятия его убедили надеть килт, что привело к внезапной популярности хайлендерского костюма.

В 1820 году 91-й Арглайширский и 72-й батальон получили новую униформу, которая включала в себя хайлендерские меховые боннеты и красные клетчатые штаны (trews) [18, с. 53-54]. Их можно назвать тартановыми брюками.

В 1881 году власти Великобритании провели масштабную реформу по реорганизации армии, которая включала в себя возвращение к двухбатальонной системе. Это событие стало поворотной точкой в процессе превращения хайлендерского костюма в шотландский. Королевские шотландцы, королевские шотландские фузилеры, шотландские королевские пограничники, а также все Камеронцы приняли на вооружение тартановые клетчатые штаны (trews), дублеты хайлендерского стиля, а также голубые боннеты (тэм**) [18, с. 55]. Впоследствии хайлендерский стиль был перенят всеми подразделениями, которые так или иначе были связаны с Шотландией. Однако лоулендеры отказались принять килт, что, несомненно, отличало их по внешнему виду от хайлендерских подразделений, у которых он присутствовал.

Несмотря на то, что большой килт был заменен малым, определенная его часть продолжала использоваться военными и рядовыми шотландцами. Она получила название *feile* или «летающий плед»: небольшой отрез тартана свободно свисал с левого плеча для создания иллюзии большого килта. В годы Наполеоновских войн, офицеры, чьи обязанности требовали ношения штанов, а не килта, приспособили его в так называемый хайлендерский шарф [18, с. 56]. Носили его следующим образом. Часть ткани (тартана) необходимо провести под правую руку по диагонали, затем его перекидывали через левое плечо таким образом, чтобы оба конца лихо свисали спереди и сзади. Если килт во многом сумел сохранить свой оригинальный облик, то боннет претерпел значительные изменения. Из круглого и плоского головного убора он превратился в берет (Kilmarnock Bonnet).

Со второй половины XVIII века берет свою историю знаменитая шапка с перьями страуса (feather bonnet). Первоначально, шотландские солдаты лишь украшали боннет мехом медведя и пером страуса. Со временем эта традиция привела к появлению самостоятельного головного убора. Он представлял собой более высокий боннет из темно-синей ткани, к которой крепились перья страуса. Каркас убора составляли небольшие перья, а более крупные исполняли декоративную функцию. Этот вид боннета использовался в армии вплоть до Первой мировой войны. Сегодня его носят лишь волынщики. В тоже время берет продолжил свое существование в двух вариациях: Kilmarnock Bonnet и Balmoral с помпоном на макушке и двумя черными шелковыми лентами сзади. Помимо этого, с

левой стороны у него находилась кокарда, к которой крепился значок клана. Последний получил название по одноименной резиденции в Шотландии.

Хайлендерский жакет отличался от других подобных изделий заметно укороченной талией. Такой фасон применялся для того, чтобы подчеркнуть килт. Однако Викторианская эпоха внесла в него значительные изменения, превратив жакет в дублет. В 70-х годах XIX века на замену ему приходит frock jacket – облегченная версия туники, у которой подол был плавно обрезан и закруглен, чтобы подчеркнуть килт и спорран [18, с. 63].

Тартан как широко узнаваемый символ шотландского национального костюма имеет несколько версий своего происхождения. Согласно первой, тартан произошел от галльской одежды. А если быть точнее – от полосатых мантий, украшенных маленькими квадратами. Вторая теория указывает на то, что слово «тартан» имеет французские корни и означает легкую шерстяную ткань или тиртен. В шотландском гаэльском языке широко использовалось слово «breacan». Переводы этого слова разнятся, но в своей основе он означает «разноцветный». В упомянутых выше воспоминаниях Джона Тэйлора, автор отмечает, что хайлендеры носят одежду из теплых материалов разных цветов, которую они называют тартан.

На сегодняшний день под тартаном понимают орнамент в клетку из горизонтальных и вертикальных полос. На ткани встречается узор из квадратов, заполненных диагональными полосами. При этом последовательность цветов повторяется как вертикально, так и горизонтально.

Выбор цветов для тартана во многом был продиктован наличием или отсутствием красителей в регионе. В тоже время узор на тартане был уникален (и скорее всего продолжает таковым являться) для различных обществ, кланов и островов, тем самым упрощая процесс идентификации шотландцев. Эта практика впоследствии распространилась и на военные подразделения. В 1745 году полковник Джон Мюррей для того, чтобы выделить свое подразделение от других частей, отдал приказ добавить красную полосу поверх уже знакомого тартана [18, с. 63]. Сейчас он известен как «Murray of Atholl tartan» или тартан клана Мюррей из Атолла.

Женский шотландский костюм был довольно стандартным для своего времени и не особо примечательным по сравнению с мужским. Платья были наполовину укорочены или подколоты для того, чтобы не дать подолу волочиться по грязи.

Сегодня национальный костюм в Шотландии – не просто реликт прошлого. Он продолжает активно использоваться оркестрами волынщиков, танцорами, шотландскими военными подразделениями, а также рядовыми гражданами в ходе различных мероприятий (свадьбы, награждения и др.). Многие мастера продолжают изготавливать превосходные тартаны, которые поражают своим великолепием. Шотландия смогла сохранить свои уникальные культурные и этнические традиции благодаря Хайленду. Население этого региона сумело, благодаря закрытости клановой системы и особым географическим условиям, аккумулировать в себе традиционные черты кельтского народа (язык (гаэльский шотландский), обычаи, менталитет и костюм).

Господство на территории Шотландии ирландской моды на протяжении почти тысячи лет, объясняется близкой культурной и этнической связью Шотландии и Ирландии в этот период. Скотты (гэлы), пикты и ирландцы принадлежат к семейству кельтских народов. Именно близость культур позволила провести стремительный и безболезненный синтез между кельтскими народами Шотландии, впоследствии трансформировав разрозненные племена в единый шотландский народ и государство. Безусловно, упомянутая выше региональная специфика привела к определенным культурным различиям между горными и равнинными шотландцами. Равнинная Шотландия сильнее подвергалась влиянию культурной экспансии со стороны Англии. Эта политика английского правительства впоследствии приведет к тому, что на территории равнины Шотландии исчезнет традиционный язык – гаэльский шотландский. Хайленд, как указано выше, не в последнюю очередь благодаря своим географическим особенностям, сумел сохранить традиционные черты кельтского народа. Тем не менее, он тоже оказался в поле культурного давления Англии. Возобновив кампанию против Ирландии, английские монархи нанесли значительный удар по шотландскому костюму, поскольку все необходимые для него материалы и красители поставлялись именно оттуда. Прекращение поставок вынудило горцев выработать новый способ выражения своей национальной самоидентичности в одежде. Это привело к появлению целого ряда самобытных элементов в костюме, таких как большой килт, тартан, меховой и голубой боннет, спорран и пр.

Попытки английского правительства оказать культурное давление на горных шотландцев, не увенчались успехом. Апогеем конфликта стал Акт от 1745 года. Одним из его пунктов была запрет на ношение килта. Но воплотить свой замысел в жизнь английскому правительству не удалось. Население и даже лорды Шотландии продолжали ходить в национальной одежде, невзирая на все запреты и угрозы. В итоге было принято решение об отмене акта. Английское правительство перешло к совершенно противоположной стратегии. Хайлендерский костюм стал активно распространяться в среде набранных из Лоуленда и по всей Шотландии подразделений, тем самым начав процесс его превращения в Шотландский национальный костюм. Сложность процесса облачения в большой килт привела к его трансформации в малый килт (или в то, что мы сегодня подразумеваем под словом килт). Но, несмотря на это, большой килт не исчез окончательно. Отдельные его элементы были приспособлены шотландскими военными в хайлендерский шарф и «feile». Внешние различия между лоулендскими и хайлендерскими подразделениями продолжали сохраняться. Лоулендеры отказались принять на вооружение килт и продолжили использовать клетчатые штаны (trews). Они также являлись предметом гардероба хайлендеров, по большей части в холодное время года. Клетчатые штаны (trews) встречаются также и в Ирландии, что говорит о принадлежности их к кельтской культуре.

Таким образом шотландский национальный костюм представляет собой уникальную смесь традиционной кельтской (ирландской) одежды с хайлендерским стилем возникшем в XVI-XVII веках. Своим возникновением он во многом обязан английскому правительству, Ирландская кампания конца XVI – начала XVII века сделала невозможным торговлю между Хайлендом и Ирландией, что вынудило искать новые источники сырья и красителей. Попытки английских монархов подавить шотландцев своей культурой завершилась сокрушительным поражением. Это побудило англичан перейти к обратной тактике – популяризации хайлендерского стиля за пределами Хайленда. Совокупность всех этих событий в конечном итоге привела к появлению шотландского национального костюма, который мы сегодня знаем.

Список литературы

1. Апрыщенко, В. Ю. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация / В. Ю. Апрыщенко. – Ростов н/Д : Изд-во Рост, ун-та, 2006. – 320 с.
2. Апрыщенко, В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей / В. Ю. Апрыщенко. – СПб. : Алетейя, 2016. – 720 с
3. Воевода, Е. В. Килт как символ шотландской идентичности / Е. В. Воевода // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – №1 (9). – С. 111-120.
4. Блэк, Д. История Британских островов / Д. Блэк. – СПб. : Евразия, 2008. – 540 с.
5. Мак-Кензи, А. Кельтская Шотландия / А. Мак-Кензи / Пер., научная ред., вступит. ст. С. В. Иванов. – М.: Вече, 2008. – 336 с.
6. Saga о Магнусе Голоногом. – URL: <http://norroen.info/src/konung/heimskringla/magnus-berf/ru.html> (дата обращения 02.09.2020)
7. Федосов, Д. Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. Изд. 2-е, испр. и дополн. / Д. Г. Федосов. – СПб. – М. : ЕВРАЗИЯ – ИД Клио, 2014. – 352 с.
8. Чайка, М. С. Килт как аутентичный символ шотландской культуры / М. С. Чайка // Научный поиск. – 2012. – № 2.4 – С. 50-53.
9. Buchanan, G. Rerum Scoticarum Historia / G. Buchanan – Blackie, Fullarton, 1827. – 708 p.
10. Dunbar, J. T. History of Highland Dress / J. T. Dunbar. – Philadelphia : Dufour Editions, 1964. – 248 p.
11. Grant, N. Scottish Clans & Tartans / N. Grant. – New York: Crescent Books, 1987 – 256 p.
12. Jean de Beaugué Histoire de la guerre d'Écosse pendant les campagnes 1548 et 1549. – URL: https://books.google.com/books/about/Histoire_de_la_guerre_d_Ecosse.html?id=mJpBAAAACAAJ (дата обращения 02.09.2020)
13. Lindsay of Pitscottie The historie and cronicles of Scotland – Edinburgh : Blackwood for the Society, 1899-1911. – Volume I-III – URL: <https://digital.nls.uk/publications-by-scottish-clubs/archive/106458589> (дата обращения 02.09.2020)
14. Major, J. A History of Greater Britain / J. Major. – T. Constable, 1892 – 476 p.

15. McClintock, H. F. Old Irish and Highland Dress, with notes on That of the Isle of Man / H. F. McClintock. – Dundalgan Press, 1943. —188 p.
16. Miscellanea Scotica – Gale ECCO, 2010. – 160 p.
17. Moryson Fynes. Moryson's Itinerary – London, Printed by J. Beale, 1617. – Volume I-III. – URL: https://archive.org/stream/fynesmorysons01moryuoft/fynesmorysons01moryuoft_djvu.txt (дата обращения 02.09.2020)
18. Reid, S. Scottish National Dress and Tartan / S. Reid. – Shire Publications, 2013. – 90 p. – URL: <https://www.pdfdrive.com/scottish-national-dress-and-tartan-e196915391.html> (дата обращения 02.09.2020)

Словарь

Leine (лейна) – характерный предмет ирландского гардероба использовавшийся вплоть до конца XVI века. Он представлял собой длинную туника шафранового-желтого цвета, которая крепилась у колен ремнем.

Шотландка – ткань, вырабатываемая из хлопчатобумажной, шерстяной пряжи, различных химических нитей саржевым переплетением с рисунком в крупную клетку, типичным для тканей национальной шотландской одежды (определение взято из Большой советской энциклопедии)

Большой килт (belted plaid) – предмет одежды, который представлял собой сшитые вместе два куска ткани. Одна его часть собиралась в складки и затем крепилась при помощи ремня. В то время как другая могла быть перекинута через плечо и тем самым использована как плащ или накидка.

Спорран – поясная сумка-кошелек, чаще всего кожаная, на ремне килта или на отдельном узком ремешке или цепочке.

*В оригинале – ermine (горностаевый). Белый горностаевый мех ценится за красоту. При этом он совершенно непрактичен: короткий ворс не греет, быстро теряет цвет, дорого стоит. Для изготовления относительно небольшого изделия нужно много шкурок.

**Там – широкий шерстяной берет с помпоном на макушке. Является традиционным шотландским мужским головным убором.

Статья поступила в редакцию 20.09.2020

Ilyichov, A. V, Sitalo, M. S., Khapaev, V. V. *The History of the Emergence and Development of the Scottish National Costume*

This article is devoted to the history of emergence and development of the Scottish national costume. The following article covers the evolution of the costume from the early Middle Ages up to end of 19th century, and is supported by the accounts of the authors with first-hand experience in the subject matter. The subject of the research is the Scottish national costume. The scope of the research is the process of its genesis and alteration on the territory of Scotland. The authors' goal is to identify the peculiarities and trends in the development of the Scottish national costume. The article is based on the principles of historicism and objectivity of the historical research. General scientific and special research methods are used in the study. The novelty of the research lies in the fact that the topic of the emergence and development of the Scottish national costume has never been touched upon in the national historiography. The authors come to a conclusion that till the 17th century Scottish clothes didn't differ from the Irish, due to the cultural attributes of the ethnic and cultural history of the region. The stopping supplies of dyes and raw material from the territory of Ireland contributed to the emergence of new distinct trends in the development of the national costume. The 17th-18th centuries in Scotland marked the creation of the widely known garments such as kilt, sporran, tam o'shanter, feather bonnet, and tartan.

Keywords: Scotland, costume, Highland, highlanders, clothes, history of the everyday life, Scotts, Picts, Dál Riata, Gaels.

УДК 94(497.1)“1944/1946”

В статье исследованы конфликты из-за отношения к югославской армии в Словении. Их развитию предшествовал обособленный характер освободительной борьбы в Словении и ожидания по созданию словенской национальной армии, оказавшиеся иллюзией. Когда в 1945 г. словенские воинские соединения были включены в состав югославской армии, это вызвало недовольство офицеров словенцев, Югославская армия вынуждена была использовать материальные ресурсы Словении, и это вызвало недовольство гражданских властей. Конфликты приобрели такой масштаб, что потребовали вмешательства высшего партийного руководства и армейского командования. Для других республик Югославии подобными сведениями мы не располагаем.

Ключевые слова: Югославия, Словения, армия, федерация, центробежные процессы.

Ю. В. Шахин, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

КОНФЛИКТЫ, ВЫЗВАННЫЕ ОТНОШЕНИЕМ К ЮГОСЛАВСКОЙ АРМИИ В СЛОВЕНИИ (1944-1946 гг.)

Становление федеративной Югославии сопровождалось в ряде случаев трениями, которые, как уже установлено, особенного размаха достигли в отношениях центральных властей и Словении. Представленное здесь исследование раскрывает конфликты, связанные с отношением к общегославской армии. До 1945 г. она называлась Народно-освободительной армией Югославии, а с марта 1945 г. Югославской армией. Проблема уже поднималась автором в ряде других статей, а здесь предпринята попытка ее систематизированного освещения.

В ходе Второй мировой войны очаг освободительного движения в Словении развивался обособленно от общегославского сопротивления. Между зоной действий словенских партизан и основным регионом, где развертывалось народно-освободительное движение, лежала территория подконтрольная усташам. Словенские отряды никогда не пребывали в прямом подчинении Верховного штаба, а находившиеся в его распоряжении мобильные пролетарские бригады не заходили на территорию Словении вплоть до весны 1945 г. В связи с этим присутствие словенцев в ядре будущей Народно-освободительной армии было незначительным. Лишь некоторые хорватские отряды и определенное количество посланцев Верховного штаба принимали участие в совместных боевых действиях со словенскими отрядами. Таким образом, психологический эффект боевого братства был выражен в отношениях словенских и остальных югославских борцов слабее, а местное население не привыкло видеть в своих защитниках представителей всех народов Югославии.

Для закрепления такого отношения свою роль сыграла также позиция ЦК Коммунистической партии Югославии и в частности Эдварда Карделя, входившего в Политбюро ЦК КПЮ и ближайшее окружение Йосипа Броза-Тито. Кардель и член ЦК Коммунистической партии Словении Борис Кидрич настояли, чтобы словенские отряды действовали только на территории Словении и тем самым не вливались в общие ряды Народно-освободительной армии [5, s. 486; 7, s. 455]. Словенские историки интерпретируют эту договоренность как соглашение о том, что у Словении будет после войны своя отдельная армия [9, p. 141]. В годы войны в словенском движении сопротивления действительно распространилось мнение, что это будет так, тем более, что пропаганда освободительного движения преподносила создание партизанских соединений в Словении как зачаток национальных вооруженных сил [3, s. 171-172; 7, s. 457].

Политика югославского руководства в отношении словенских отрядов начала меняться к концу войны. 1944-1945 гг. характеризуется стремлением Национального комитета освобождения Югославии и Верховного штаба усилить централизацию освободительного движения и в частности его словенской составляющей. Верховный штаб уже в начале октября 1944 г. честно проинформировал, что Главный штаб Словении будет упразднен. В практическую плоскость вопрос был поставлен с января 1945 г., когда началась масштабная реорганизация югославских вооруженных сил. Имеющиеся отряды, бригады, корпуса и дивизии были сведены в несколько армий. К маю 1945 г. их насчитывалось пять. По мере продвижения линии фронта на запад действовавшие в зоне контакта соединения включались в соответствующие армии. В Словении этот курс встретил

известный отпор. Словенское партийно-политическое руководство пыталось отстоять проект национальной армии и несколько раз обращалось по этому поводу в ЦК КПЮ. По сведениям словенских историков осенью 1944 г. там еще допускали создание отдельной словенской армии после реорганизации. Однако к марту 1945 г. ЦК КПЮ уже настаивал, что ее существование будет возможно лишь в перспективе, при благоприятных условиях. Эти условия так и не возникли. 18 мая 1945 г. словенские соединения были включены в состав III и IV армий, а Главный штаб упразднен. Все находящиеся на территории Словении единицы были подчинены федеральным властям [3, s. 171-172; 10, s. 200, 216].

После завершения войны строительство новой государственности и экономической системы сопровождалось курсом на централизацию и такое распределение функций между союзным центром и республиками, к которому в словенском обществе не были готовы на самых разных уровнях. Это касалось и армии. Словенцы столкнулись с созданием единой общегославской армии только после окончания войны, что резко отличало их от большинства других народов Югославии. По сути, эта армия предстала перед ними в уже готовом виде.

В отношениях гражданских властей с единой югославской армией на территории Словении в мае-июле 1945 г. имели место враждебные проявления и трения. Так 2 июля 1945 г. Кидрич на конференции республиканских пропагандистов в Любляне указал на необходимость борьбы с шовинизмом и среди его проявлений отметил неправильное отношение людей на местах к армии. В частности местные активисты раздувают «любую неправильность, которую армия совершит на местах» и защищают не армию от местных масс, а местные массы от армии. В этом их «поддерживают и наши руководящие товарищи на разных местах» [4, s. 40]. На сегодняшний день известно немало таких случаев. Во-первых, сразу после окончания войны Словения должна была снабжать большие воинские контингенты. Из-за нерегулярности поставок части IV и III армии начали прибегать к реквизициям и браконьерству. Как полагает историк Д. Дрновшек, в самом тяжелом положении находились три дивизии III армии, включавшие только воинские единицы и не имевшие гарантированного тылового снабжения, они вынуждены были снабжаться за счет конфискованных припасов [12, s. 30]. В ответ с мест пошли жалобы в МВД и министерство лесного хозяйства Словении. Правительство и МВД запретили реквизиции без разрешения гражданских властей и дали милиции указание усилить охрану имущества. Во-вторых, еще одним источником проблем стало временное расквартирование военнослужащих, особенно в Мариборе и Любляне. Армейское командование самовольно расселяло их в школах, а также в зданиях и квартирах бежавших нацистов и коллаборационистов, которые перешли в ведение комиссии по управлению народным имуществом. Хотя подобные действия в минимальной степени задевали интересы гражданских лиц, из комиссии в прокуратуру пошли жалобы на самовольный захват и порчу народного имущества и даже на причинение вреда культурно-историческим памятникам. А власти Марибора обвинили армию в присвоении некоторых вещей (между прочим, прокуратура оценивала эти случаи как незначительные). Как считает историк Е. Водушек-Старич, напряженность в отношениях военных и гражданских властей достигла пика в конце июня, когда III армия выводилась из Марибора в Боснию. Третья бригада Корпуса народной защиты Югославии поставила кордон на Птуйском мосту и устроила частям III армии досмотр, чтобы предотвратить вывоз присвоенного имущества [10, s. 258-259].

Примеры некоторых жалоб словенских служб на действия армии приводит также Й. Принчич. Функционер Корпуса народной защиты 22 мая 1945 г. извещал правительство Словении, что армия угоняет в сторону Загреба лошадей и коров. В конце 1945 г. уполномоченный ЦК КПС докладывал, что различные единицы югославской армии вывозили на юг продовольствие и урожай [8, s. 124]. Еще одним источником конфликтов было изъятие промышленного оборудования в пользу армии, которое производилось по договоренности со словенскими властями, а также использование заводов для военных нужд самими армейскими подразделениями. Последнее обстоятельство порождало недовольство в рабочей среде [4, s. 84].

Проблемы наблюдались и вне зоны ответственности словенских гражданских властей. Когда в мае 1945 г. Югославская армия вошла в Приморье и в частности в Триест, там были случаи произвольных реквизиций и грабежей со стороны частей IV армии и представителей ОЗНЫ. Прокурор IV армии извещал Белград, что в преступлениях были уличены единицы, укомплектованные сербами, хорватами и словенцами, и что виновные были отданы под суд [10,

s. 222].

Как бы то ни было, отношения гражданских властей с армией превратились в значительную проблему, которую пришлось рассматривать высшему партийному руководству республики. 5 июня Политбюро ЦК КПС совместно с командующими и комиссарами I, III и IV армий разбирало ситуацию. Политбюро указало на преувеличения в подобных отчетах и жалобах о действиях армии, но в то же время констатировало, что «грабежи были» и предложило «самокритично признать, что местность (teren) дает подарки армии». Судя по протоколу заседания, конфликты отмечены в отношениях с IV и III армией. Также Политбюро выявило интересную закономерность: «отношения между народом и армией хорошие», но «плохие между руководствами» [12, s. 29, 30]. В развитии конфликтов были виновны обе стороны. Так, офицеры Югославской армии слабо представляли, с кем имеют дело, поэтому им нужно было специально объяснить, какую роль играли словенцы в освободительной борьбе. А со стороны словенских руководителей имело место непонимание югославских общегосударственных задач. Очевидно, это были последствия изоляции словенского очага партизанского движения. Чтобы оздоровить ситуацию Политбюро решило направить на места специальный циркуляр и развернуть пропагандистскую кампанию по взаимному сближению.

Любопытно, что Водушек-Старич полагает, что Политбюро ЦК КПС было неправо, усматривая в конфликтах населения и армии политическую основу. На ее взгляд, все дело заключалось в нехватке продовольствия как для армии, так и для гражданских лиц [10, s. 405]. Значительную часть изложенных конфликтов действительно можно объяснить таким образом, но, к сожалению, не все, в частности болезненную реакцию гражданских властей.

Конфликты происходили не только по линии армия-гражданские. Они наблюдались и внутри армии, после включения туда словенских частей. Включение происходило при максимальном сохранении словенских офицерских кадров на территории республики и их привычной организационной структуры. Так военно-территориальные органы Главного штаба Словении не были распущены, их просто переподчинили IV армии, границы территориальных полномочий которой включали словенские земли и хорватскую Истрию. В штабе и отделениях IV армии все офицеры, кроме двух, были словенцами. В командовании пяти военных областей, на которые делилась зона ответственности IV армии, была похожая ситуация. В эти военные учреждения и единицы были привлечены почти все штабные офицеры и часть офицеров из переформированных словенских оперативных единиц. Несмотря на это процесс адаптации словенских офицеров к новым условиям был болезненным. Д. Гуштин среди причин отмечает языковые и ментальные проблемы, сам факт роспуска словенских воинских частей и оценки, неизвестно от кого в Югославской армии исходившие, что словенские офицеры способны только к тыловой службе. Вскоре начался перевод армии на штаты мирного времени, потому существенно сократилось количество доступных офицерских должностей в военно-территориальной службе, и к августу среди офицеров-словенцев возник значительный всплеск недовольства, потребовавший вмешательства Политбюро ЦК КПС и Главного политуправления Югославской армии [3, s. 182-183]. В августе 1945 г. Политбюро ЦК КПС собиралось на конференции словенских офицеров в Югославской армии «остро критиковать сектантско-шовинистические ошибки наших» [12, s. 38]. В чем именно состояли ошибки офицеров-словенцев, мы точных сведений не имеем, но для их разбора были приглашены Бошко Шилегович – политкомиссар IV армии и Светозар Вукманович-Темпо – начальник Главного политуправления Югославской армии.

В протоколе Политбюро, из которого мы знаем об этой конференции, имеется путаница с датами. По смыслу текста конференция должна состояться после заседания Политбюро, и речь о ней ведется в будущем времени, однако по датам, содержащимся в протоколе, дело выглядит так, будто она уже состоялась. Конференция запланирована на 16 августа, а заседание Политбюро датируется 19 августа. Вероятно, во второй из этих дат допущена описка.

Этот вывод следует из сопоставления с другим источником. Речь идет о материалах совещания шефов молодежных отделений и молодежных инструкторов дивизий, посвященного политработе в армии. Текст документа даты не содержит, в Архиве Югославии он датирован 16-17 августа 1948 г., но содержание источника указывает на 1945 г. Во-первых, в нем отсутствует даже намек на ключевую для августа 1948 г. проблему отношений с СССР, нет никаких отсылок к решениям прошедшего 21-27 июля V съезда КПЮ. Во-вторых, упомянут ряд вопросов, актуальных именно для 1945 г., например, возможность демобилизации, помощь раненым, проблемы возвращения земли

сербским колонистам в Македонии, затянувшееся на полгода восстановление моста через Саву, ответственность за бойню домобранов в Винковцах и т. п. В-третьих, сказано, что война уже закончилась, а законодательная деятельность Антифашистского веча народного освобождения Югославии упомянута в настоящем времени. Это ключевой момент для датировки. Строго говоря, Вече в 1945 г. занималось законодательной деятельностью только один раз – 7-10 августа, после чего было преобразовано во Временную народную скупщину, которая состояла в основном из тех же депутатов Веча, заседала до 26 августа и прекратила деятельность в ноябре 1945 г. По инерции эта скупщина вполне могла быть названа АВНОЮ. Таким образом, совещание было проведено между маем и ноябрем 1945 г., с преимущественной вероятностью в августе. День и месяц датировки по архивной описи не противоречит нашему выводу, и совещание, вероятно, прошло 16-17 августа 1945 г. Было ли это то же самое совещание, которое упоминается в протоколах Политбюро ЦК КПС, с полной уверенностью судить пока нельзя. Но независимо от количества реально проведенных в середине августа 1945 г. мероприятий материалы совещания 16-17 августа дают примерное представление о требованиях офицеров словенцев.

Среди проблем, поднимаемых в армии, на совещании упомянуты требования, «чтобы в македонских подразделениях были македонские командиры и т.д., чтобы в словенских подразделениях осуществлялось командование на словенском». «Т.д.» может намекать на аналогичные требования и для частей укомплектованных словенцами. Этим требованиям безоговорочно противопоставлены единый язык командования и расстановка кадров исключительно по принципу личных способностей [1, л. 120-121]. Любопытно, что словенские историки не знают о существовании этого документа и датируют первые призывы ввести словенский язык в армии только второй половиной 1960-х гг. [2, s. 163-165].

На словенские проблемы к концу 1945 г. обратило внимание высшее руководство страны. 4 декабря 1945 г. Политбюро ЦК КПЮ провело совместное заседание с Политбюро ЦК КПС. Характеризуя ситуацию в Словении, докладчик отметил: «Существует некий антагонизм к армии», - и чтобы опровергнуть словенские заблуждения добавил: «Армия народная». Протокол заседания не содержит упоминания, кто автор этих слов, однако есть веские основания считать, что их произнес Тито [12, s. 100]. Записей о подобных же проблемах в других республиках в протоколах Политбюро ЦК КПЮ нет.

В марте 1946 г. вновь коснулся отношения к армии Б. Кидрич, причем в публичном выступлении. В начале 1946 г. из-за задержек с поставками леса армия сама начала заготавливать его в словенских горах [8, s. 126]. Вероятно это и заставило Кидрича вновь говорить о проблеме. Он отметил плохое отношение словенских парторганизаций к армии, а также конфликты в отношениях населения и армии, органов власти и армии. По его словам, они были вызваны неправильной реакцией на действия армейских подразделений, однако никаких примеров, позволяющих понять суть дела, Кидрич не привел. Конфликты потребовали вмешательства ЦК, который издал специальные директивы, после чего у парторганизаций отношение к армии улучшилось. Похоже, Кидрич имел в виду заседание Политбюро ЦК КПС от 5 июня 1945 г. Тем не менее, он продолжал говорить о проблемах в настоящем времени: «В особенности случается, что наши активисты раздувают отдельные выпады со стороны [армейских] подразделений, выпады, которые неизбежны и которые нельзя устранить, если хочешь иметь армию». А поскольку Словения – западный форпост Югославии, нужно терпеть, даже если армия причиняет какие-то неприятности [4, s. 184].

На данный момент о конфликтах с армией мы знаем нечто слегка похожее на словенский случай только в Хорватии. Весной 1945 г. наблюдались трения между хорватским Политбюро и Югославской армией из-за порчи имущества и нарушения неприкосновенности жилища. В них даже вмешивался первый секретарь Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии Владимир Бакарич [6, s. 141-144]. Однако на уровне Политбюро ЦК КПЮ вопрос отношения к армии в Хорватии не ставился. Видимо, острота конфликта была намного ниже, чем в Словении. Все эти словесные конфликты с армией – прямой результат иллюзии об отдельных словенских вооруженных силах, созданной руководителями КПЮ в годы Народно-освободительной войны.

Важно обратить внимание, кто участвовал в конфликтах с вооруженными силами Югославии. Это были преимущественно гражданские власти Словении и представители правоохранительных органов. Внутри самой армии это были офицеры словенцы. У нас в распоряжении нет сведений, где бы стороной конфликта выступали гражданские лица не облеченные властью или рядовые

военнослужащие.

В свою очередь действия Югославской армии, вызывавшие недовольство, могли осуществляться людьми самой разной этнической принадлежности, включая тех же словенцев. Значительная часть этих действий носила временный и вынужденный характер, особенно в вопросах снабжения и расквартировки. Однако даже эти смягчающие обстоятельства понимания не находили. В целом конфликты объясняются завышенными требованиями к Югославской армии со стороны словенских гражданских властей и офицеров.

Список литературы

1. Архив Југославије. – Ф.508: ЦК СКОЈ. – Фасцикла II а-3/1: Savetovanje šefova omladinskih odseka i omladinskih instruktora divizija 16-17 VIII 1948. – 124 л.
2. Gabrič, A. Slovenština in Jugoslovanska ljudska armada // Prispevki za novejšo zgodovino. – 2014. – №2. – S.155-177.
3. Guštin, D. „Komanda Slovenije“ – slovenski načrt vojaške uprave slovenskega ozemlja leta 1945 // Mikužev zbornik. – Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1999. – S.169-185.
4. Kidrič, B. Sabrana dela. – Beograd: Komunist, 1985. – Knj.4. – 569 s.
5. Mihaljević, J. Kolektivna biografija jugoslavenskog komunističkog rukovodstva: Jože Pirjevec, Tito i drugovi, Zagreb: Mozaik Knjiga, 2012, 711 str. // Radovi zavoda za hrvatsku povijest filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. – 2012. – Knj.44. – S.484-489.
6. Mujadžević, D. Bakarić. Politička biografija. – Slavonski Brod – Zagreb: Hrvatski institut za povijest, Podružnica za povijest Slavonije, Srijema i Baranje, 2011. – – 383 s.
7. Pirjevec, J. Tito i tovariši. – 2 izd. – Ljubljana: Cankarjeva založba, 2015. – 840 s.
8. Prinčič, J. Denarno-blagovni odnosi Slovenije z drugimi jugoslavanskimi republikami (1945-1950) // Prispevki za novejšo zgodovino. – 2012. – № 1. – S.109-128.
9. Repe B. Slovenians and the Federal Yugoslavia // Balkan Forum. An international journal of politics, economics and culture. – 1995. – Vol.3. – № 1. – P.139-154.
10. Vodušek-Starič, J. Prevzem oblasti 1944-1946. – Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992. – 456 s.
11. Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948). – Beograd: Arhiv Jugoslavije, Službeni list SRJ, 1995. – XVI, 874 s.
12. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945-1954. - Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, 2000. – 386 s.

Статья поступила в редакцию 12.09.2020

Shakhin, Y. V. Conflicts Caused by Attitude Towards Yugoslav Army in Slovenia (1944-1946)

The article examines the conflicts over the attitude towards the Yugoslav army in Slovenia. Their development was preceded by the isolated character of the liberation struggle in Slovenia and expectations for the creation of a Slovenian national army, which turned out to be an illusion. When Slovenian military units were incorporated into the Yugoslav army in 1945, this act caused discontent among Slovenian officers. The Yugoslav army was forced to use the material resources of Slovenia, and it caused discontent among the civil authorities. The conflicts have reached such a scale that they required the intervention of the top party leadership and the army command. There is no such information for other republics of Yugoslavia.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, army, federal state, centrifugal processes.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

* * *

УДК 327-057.54:81'42

На примере высказываний генерального директора Директората по вопросам национальной безопасности и обороны Офиса президента Украины Ивана Апаршина, проанализированных с помощью авторской методики контент-анализа, определяются субъекты политической картины мира эксперта-политолога, способы выражения ее базовых концептов, их характеристик и ключевых особенностей. Полученные результаты можно применять для создания политического портрета эксперта, для обобщения политической картины мира экспертного сообщества, для сравнительного анализа политических картин мира.

Ключевые слова: политическая картина мира, контент-анализ, эксперт-политолог, Российская Федерация, Украина.

Д. И. Борозенец, магистр филологии

ГУК «Республиканский дом народного творчества и кино»

E-mail: borozenets.dasha@gmail.com

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ЭКСПЕРТА-ПОЛИТОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И. М. АПАРШИНА)

Политическая картина мира, по определению И. В. Самаркиной, является «подвижной системой образов и представлений о власти и политике, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности, отражающей политический мир. Политическая картина мира является результатом интериоризации политического мира как части жизненного мира в индивидуальном и коллективном сознании» [8, 118–119]. По этой причине политическая картина мира (как частное проявление языковой картины мира и когнитивной структуры сознания вообще) обладает большой долей субъективности. Все элементы, составляющие политическую картину мира актора, характеризуются по разным параметрам: семантике, оценочности, аффективности, суггестивности и т.д., изменение характеристики элемента по одному из параметров может привести к «переключению», выведению явления за рамки данной картины мира с последующим его переносом в другую.

Политическая картина мира может характеризовать конкретного индивида, группу лиц или целый институт – степень ее распространенности зависит исключительно от способности разных элементов и их совокупностей влиять на массовое сознание, формировать его. Широко распространенными элементами политической картины мира являются, в первую очередь, элементы «пустые» – набор ролей (субъекты и объекты политики, враги и союзники), список их характеристики (дружелюбие, агрессивность) и функций (помощь, нападение). Наиболее жизнеспособные элементы, уже заполнившие пустоты, или их характеристики могут постепенно переходить в политические картины мира других акторов (так, под влиянием общественности индивид может начать воспринимать тот или иной субъект политики как дружественный или враждебный; уже имеющиеся субъекты могут дробиться на составные части, те или иные элементы способны выходить или возвращаться в картину мира).

Первичным средством выражения политической картины мира является язык, посредством которого наиболее важные элементы получают воплощение, после чего входят в обиход и начинают развиваться. Основу политической картины мира, выраженной языком, составляют термины и приближенная к ним лексика (например, *национальность, аристократия, государство*).

Особенностью такой лексики является ее нейтральность (отсутствие эмоциональной окраски и оценочности), однако в рамках конкретной политической картины мира даже нейтральная лексика может получить дополнительные – положительные, отрицательные или какие-либо другие – характеристики.

На первый взгляд политическая картина мира может показаться прозрачной структурой, которую легко «считывать», общаясь с носителем, но на самом деле каждый элемент может иметь ряд смыслов, которые обнаруживаются только в определенном – подчас широком, включающем ряд текстов, – контексте. Так, каждый политический текст либо вносит новые элементы, еще требующие осмысления и дополнительного анализа, либо дополняет, подчеркивает уже имеющиеся.

Политическая картина мира как явление характерна для всего человечества, но у разных акторов политическая картина мира не одинакова: чья-то включает лишь базовые компоненты (например, *государство, друзья и враги государства*), а чья-то более разветвлена, учитывает не только текущую политическую ситуацию, но и разные взгляды на нее, разные характеристики базовых элементов и т.д. В первую очередь более разветвленная политическая картина мира, естественно, обнаруживается у людей, для которых политика – это непосредственная область деятельности: профессиональные политики, политические журналисты и блогеры, политконсультанты, эксперты-политологи и т.д. Особо стоит отметить, что именно эта категория носителей политической картины мира прямо или косвенно формирует политическую картину мира обывателей. Развитая, широкомасштабная, панорамная картина мира отличается более разветвленными связями, бóльшим набором эмоциональных и оценочных характеристик.

Изучение и понимание этих связей и характеристик элементов необходимы для понимания роли носителя данной картины мира. С целью изучения и анализа политической картины мира индивида, группы лиц или института применяются дискурс- и контент-анализ.

Отличие дискурс-анализа от контент-анализа в первую очередь заключается в меньшем охвате последнего: дискурс-анализ опирается на ситуативные и невербальные составляющие и «предполагает, что невозможно отделить дискурс от его широкого контекста, и располагает различными инструментами анализа текстов как выражения дискурсов, в которые они интегрированы» [12], в то время как контент-анализ сосредоточен исключительно на текстах и их языковой составляющей.

В данном исследовании будет продемонстрирована усовершенствованная авторская методика контент-анализа, ориентированная на определение основных элементов политической картины мира эксперта-политолога и средства их выражения, несущие суггестивную функцию.

Теоретической базой данного исследования являются работы Л. А. Волынкиной [4], А. В. Еленского [5], И. В. Ухвановой-Шмыговой [11], М. А. Хрусталева [13] и других теоретиков-политологов, посвященные политической экспертизе и экспертному дискурсу. Принимая во внимание работы предшественников, автор преследует цель выявить специфику применения усовершенствованной методики контент-анализа политического текста для определения базовых политических концептов, существующих в политической картине мира эксперта-политолога.

Исследование касалось текстов Ивана Михайловича Апаршина – помощника руководителя Главного офиса президента Украины Андрея Ермака, генерального директора Директората по вопросам национальной безопасности и обороны Офиса президента. Занимаясь политической экспертизой и будучи лицом, приближенным к президенту Украины Владимиру Зеленскому, Иван Апаршин представляет особый интерес как человек с политической картиной мира, непосредственно влияющей на формирование политической картины мира президента и политической и военной элиты украинского государства. Анализируя картину мира И. М. Апаршина, закономерным образом можно увидеть элементы и характеристики, присутствующие в политической картине мира многих других украинских политиков, приближенных к президенту.

Выбранные для анализа тексты являются преимущественно стенограммами видеороликов разного жанра (политические передачи, интервью, круглый стол). Особенностью данной формы текстов являются максимальная прозрачность, высокая степень импровизации, практически полное отсутствие подготовки: данные тексты одноразово воспроизводятся автором вслух, поэтому лишены последующей обработки и стилистической выверенности. Если иные виды политических текстов являются «рафинированными» (редакторы или сам автор по стилистическим либо каким-то иным, по большей части экстралингвистическим причинам прибегает к последующей редакции), то

стенограммы заметно «правдивее», в них можно обнаружить настоящее мнение автора, а не то, что он осознанно желает предъявить обществу. Находясь в ситуации, когда важна скорость ответа и нет возможности тщательно обдумать его, чтобы сгладить все возможные углы, политический эксперт вынужден говорить то, что находится «на поверхности», тем самым демонстрируя свое мнение широкой общественности.

Авторская методика контент-анализа состоит из ряда этапов, каждый из которых направлен на раскрытие структуры политической картины мира и включенности в нее ее носителя. В данном исследовании особое внимание уделяется первому – лексическому – этапу, который анализирует количественные и качественные показатели лексем текста, их взаимосвязь и взаимовлияние. В рамках лексического этапа контент-анализа в качестве самостоятельной единицы можно выделить анализ политических концептов – единств элемента и совокупности его характеристик.

Особый интерес в политической картине мира Ивана Михайловича Апаршина с точки зрения лексики представляет сама структура. Посредством лексического анализа выявлено, что Иван Апаршин рассматривает два масштабных политических субъекта: Российскую Федерацию и Украину (причем последней уделяется меньше внимания). Данные концепты реализуются не только с помощью топонимов «Российская Федерация» (34 упоминания) / «Россия» (3 упоминания), «Украина» (23 упоминания), но и посредством упоминания отдельных элементов каждого концепта (метафоризация – «Москва», «Советский Союз», «Фрунзенская набережная»; «Киев»), описательных конструкций («это» (с пренебрежением) – Россия) и даже местоимений, смысл которых определяется исключительно в контексте (часто И. М. Апаршин отождествляет себя с Украиной, поэтому многочисленные местоимения первого лица также дополняют данный концепт).

Каждый из описываемых субъектов обладает определенным набором качеств и характеристик (агрессивность и провокационность наследницы Советского Союза России; неспособность Украины противостоять агрессивным действиям, ожидание помощи со стороны). Качества и характеристики, которыми обладают вышеуказанные субъекты, составляют единое информационное подпространство в рамках целой политической картины мира – концепт. Каждый концепт обладает высокой долей субъективности и суггестивности. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Российская Федерация, по мнению И. М. Апаршина, является государством-агрессором, противостоящим Украине. Эта мысль является образующей для ряда предложений всех анализируемых текстов: «...щоб настільки підняти рівень здатності країни протистояти широкомасштабній агресії Російської Федерації», «І ви хочете мені сказати, що ваш відсоток забезпечує обороноздатність країни, коли перед нами ото недалеко» [2], «На сьогоднішній день Російська Федерація вот таким чином бачить своє угруповання військ, яке вона може застосувати проти, ну, перш за все, України» [3], «Приблизно сьогодні на території, яка знаходиться напроти нас в Російській Федерації, приблизно утворене таке ж угруповання військ, як було в Радянському Союзі в групі радянських військ в Німеччині. Це дуже потужне угруповання, воно ж не для парадів готується» [6], «Ми переконалися в тому, що не можемо діяти проти такого можливого агресора, як країна, яка вам відома, стандартними отакими методами», «Я і сьогодні стверджую, що <...> в найближчій перспективі, а можливо, і в середньостроковій перспективі збройний конфлікт з Російською Федерацією є ймовірним» [7], «Якщо, не дай Боже, розпочнеться щось більш рішуче з боку Російської Федерації...», «...можливість відсічі агресії з боку Російської Федерації» [9], «Там же фактично Російська Федерація відновила угруповання військ, яке дислокувалося на території радянських військ у Німеччині», «Протягом п'яти років змінилася ситуація, що ймовірність крупномасштабної війни на сьогодні стає реальністю» [10].

Мысль об агрессивности России подчеркивается не только явным нарочито ожесточенным описанием ее действий (создание военных группировок «не только для парадов»), но и некоторыми косвенными характеристиками. Так, к примеру, эксперт редко называет Российскую Федерацию Россией, предпочитая более официальное и, следовательно, более отстраненное наименование. Еще одним показателем негативного отношения эксперта к данному субъекту политики является обилие уничижительных конструкций; особенно заметно это на фоне тех языковых средств, которые автор использует, говоря об Украине («Ми маємо рухатись далі. Ну не можемо ми самі, сам на сам з Російською Федерацією, залишитися в цій проблемі», «...ми зробимо так, щоб ці можливості, хоча б і обмежені, використали у такий спосіб, щоб в них навіть думки тут не було до нас сюди приходити», «Прийде час, коли у мене не буде вибору» [2]).

«Агрессивности» Российской Федерации эксперт противопоставляет нарочитую неспособность Украины самостоятельно справиться со своими проблемами – таким образом, выстраивается модель «агрессор – жертва». Эти роли лишний раз подчеркиваются с помощью «международных партнеров», «мощных стран», которые помогут Украине отразить агрессию недружелюбного государства: «Перед тем як буде сформована якась загальна позиція, і далі ці перемови в присутності тих країн, як я сказав <...> Я вірю лише тоді, коли в цьому форматі [переговори с Путиным в присутствии представителей союзных Украине государств – прим. наше] будуть залучені потужні країни, з якими він просто гратися не зможе» [2], «Єдине, що на сьогоднішній день стримує Російську Федерацію, – це допомога наших міжнародних партнерів...» [10].

Украина показана как государство, которое не может самостоятельно бороться, но способно обороняться: «Ми з вами обговорюємо питання, чи спроможна Україна протистояти російській агресії. Можливо» [1], «Якщо на початок війни 2014 року ми не мали там такого угруповання військ, яке сьогодні знаходиться там, на сьогоднішній день ми його маємо» [3].

Прием контраста, используемый Иваном Михайловичем Апаршиным, является мощным суггестивным средством. Поглощая информацию такого толка, обыватели постепенно начинают разделять мнение И. М. Апаршина, в котором четко прослеживается разделение Украины (своего, безобидного, страдающего) и Российской Федерации (чуждого, агрессивного, холодного).

Количественные показатели, выявленные при контент-анализе текстов, представляют не меньший интерес, чем показатели качественные. Так, концепт «Российская Федерация» реализуется чаще и посредством большего количества элементов, чем концепт «Украина».

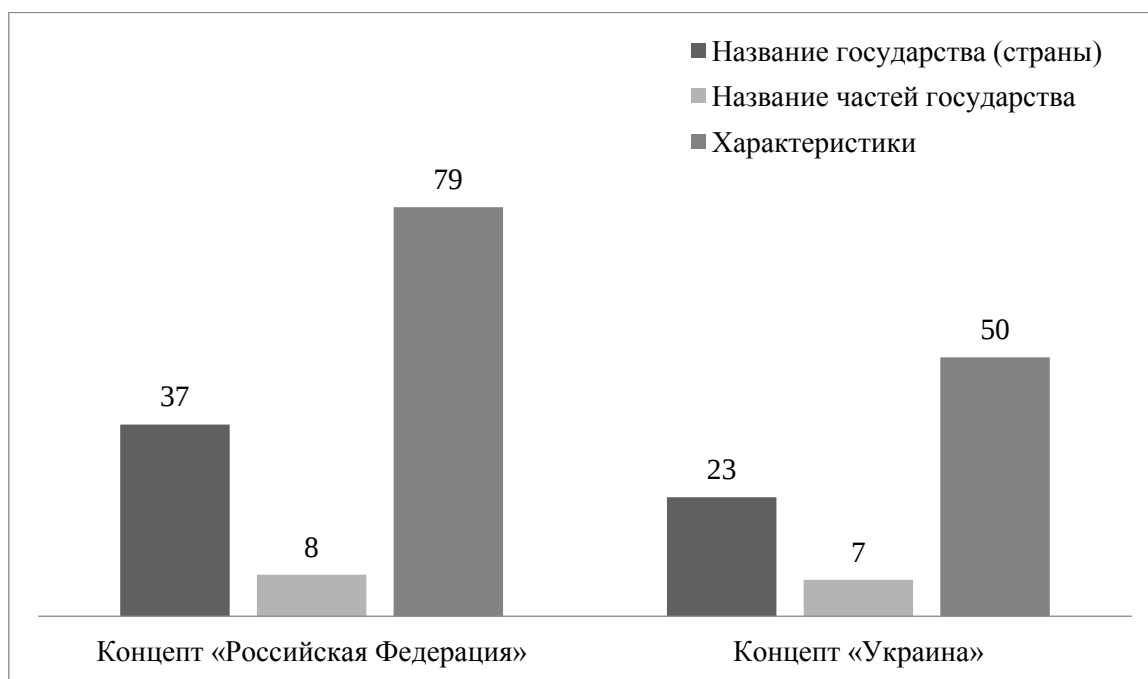

Рис. 1. Реализация концептов «Российская Федерация» и «Украинка» в текстах И. М. Апаршина

Рассуждениями о положении Украины и Российской Федерации эксперт пытается влиять на общественное мнение и корректировать его в зависимости от потребностей. Количественные показатели (преобладание в текстах упоминаний о Российской Федерации) также подчеркивают попытки влиять на общественное мнение – манипуляция сводится к прямо пропорциональной зависимости общественного мнения от количества упоминаний того или иного факта.

Именно по этой причине описание одних и тех же явлений с помощью схожих, а подчас и абсолютно идентичных конструкций можно найти в разных текстах. Таких элементов, переходящих из текста в текст, несколько:

1) «Агрессивность» России, ее подготовка к военным действиям: «...там, під Москвою, стоїть колішня Перша танкова дрезденська армія. Вже стоїть. А ближче сюди, до нас, – Восьма армія. А ще там правіше – Двадцята армія. А там – Сорок дев'ять, а там – Сорок восьма, а там – Шоста, в Калінінграді. І одинадцятий корпус там» [2], «...утворене таке ж угруповання військ, як було в Радянському Союзі в групі радянських військ в Німеччині. Це дуже потужне угруповання, воно ж не для парадів готується...» [6], «Станом на сьогоднішній день Перша танкова дрезденська армія стоїть під Москвою, вона відновлена. Восьма загальновійськова армія стоїть, вона відновлена. Двадцята армія стоїть, вона відновлена. Тим паче, що це вже не просто угруповання військ – це угруповання військ, які спрямовані на широкомасштабні дії» [10].

2) Мысль о невозможности переговоров в определенных условиях: «Але, не дай Боже, хтось запропонує новому президенту в тому числі сісти за стіл з цими так званими республіками: ДНР і ЛНР», «Сам на сам – це безперспективно. Ну, я б не радив президенту України зустрічатися у такому форматі» [2], «Ну я ж розумію, що поїхати сьогодні в Москву і домовлятися напряму з президентом Путіним – це абсолютно програтна ситуація. З ним не можна говорити взагалі напряму, тому що ми маємо все ж таки говорити з ним разом з нашими партнерами» [3].

3) Неспособность Украины самостоятельно обороняться, необходимость принятия помощи соседних государств: «Якщо, не дай Боже, все ж таки колись у когось там здуру тут щось відбудеться і Російська Федерація, не дай Боже, прийме рішення щодо широкомасштабної агресії Російської Федерації. Це не значить, що українська армія буде спроможна виграти цю війну» [1], «Хто б мені що сьогодні не доводив, ми не зможемо ні в найближчій перспективі, ні в середньостроковій перспективі знайти ресурси для того, щоб настільки підняти рівень здатності країни протистояти широкомасштабній агресії Російській Федерації», «Ну не можемо ми самі, сам на сам с Російською Федерацією залишитися в цій проблемі», «Чому ж сьогодні пан Турчинов, вже будучи секретарем Ради безпеки і обороні, каже, що збройні сили України і взагалі система оборони країни в 2014 році була неготова для прийняття рішень або протидії російській агресії?..» [2], «Ну я ж розумію, що поїхати сьогодні в Москву і домовлятися напряму з президентом Путіним – це абсолютно програтна ситуація. З ним не можна говорити взагалі напряму, тому що ми маємо все ж таки говорити з ним разом з нашими партнерами» [3], «Ми переконалися в тому, що ми не можемо діяти проти такого можливого агресора, як країна, яка вам відома, стандартними отакими методами» [7], «Чи забезпечить держава, Україна, вирішення питань щодо мобілізаційних ресурсів, щодо матеріальних ресурсів, щодо швидкого прийняття рішень, щодо виділення ресурсів з мобілізаційного резерву – ось в цьому я не переконаний...» [9], «Єдине, що на сьогоднішній день стримує Російську Федерацію, – це допомога наших міжнародних партнерів...» [10].

Иван Апаршин является достаточно интересным объектом для исследования. Политическая картина мира этого эксперта-политолога включает в себя ряд концептов, основополагающими среди которых являются «Российская Федерация» и «Украина», находящиеся в контрарных отношениях. Частотность реализации каждого из концептов, а также соотношение количественных показателей свидетельствуют о необходимости формирования экспертом определенного (негативного) общественного мнения относительно концепта «Российская Федерация». Семантический анализ текстов авторства Ивана Апаршина позволяет утверждать, что каждый из концептов реализуется разными лексическими средствами, что можно выявить исключительно в контексте.

Таким образом, контент-анализ, как было доказано автором на примере текстов Ивана Апаршина, является достаточно удобным инструментом для описания политической картины мира актора, ее основополагающих категорий и концептов. Анализируя разные субъекты и объекты, их соотношение, частные количественные показатели, можно определить уровень осведомленности эксперта и степень его потенциального влияния на других людей посредством данных текстов. Каждый из этапов контент-анализа играет большую роль и позволяет выявить один из аспектов политической картины мира, в то же время – в зависимости от цели и задач исследования – методику контент-анализа можно видоизменять, добавляя новые этапы.

Список литературы

1. 07082019. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2810&v=nZzEOT6z6yg (дата обращения: 21.07.2020)

2. Апаршин – про Зеленюго головнокомандувача, відрубані руки та шапкозакидництво на війні / DROZDOV. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CBgQSHO9mTM&list=WL&index=2> (дата обращения: 19.07.2020)
3. Военный советник Владимира Зеленского о том, как вернуть Крым и Донбасс. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-Wf2kBDICBU&list=WL&index=5&t=0s> (дата обращения: 20.07.2020)
4. Волынкина, Л. А. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений / Л. А. Волынкина // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2010. – № 4 (10). – С. 88–91.
5. Еленский, А. В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности / А. В. Еленский // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 57–69.
6. Иван Апаршин в ефірі "7 каналу". – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Vl7zdtf5QjM> (дата обращения: 18.07.2020)
7. Наступление России на Азовское побережье: как не пропустить момент / Апостроф, 7 мая 2019 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J6WijmqCcYI&list=WL&index=6&t=14s> (дата обращения: 20.07.2020)
8. Самаркина, И. В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации / И. В. Самаркина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 3 (23). – С. 117–127.
9. Советник Зеленского о новой военной стратегии Украины. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oEpL6Mfe19c&list=WL&index=6&t=486s> (дата обращения: 19.07.2020)
10. У полі азарту, випуск №32. Иван Апаршин. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SDmi9WE8Zk8&list=WL&index=3&t=0s> (дата обращения: 18.07.2020)
11. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова // Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика. – 2009. – Выпуск 6. – С. 216.
12. Филлипс, Н. Что такое дискурс-анализ? / Н. Филлипс, С. Харди, пер. Е. Кожемякина // Современный дискурс анализ : сайт. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml> (дата обращения: 27.07.2020)
13. Хрусталеv, М. А. Методология прикладного политического анализа / М. А. Хрусталеv. – М. : МГИМО-ПРОСПЕКТ, 2010. – 158 с.

Статья поступила в редакцию 25.09.2020

Borozenets, D. I. Content-Analysis of Political Texts as a Method for Finding Basic Concepts of Political Expert's Picture of the World (on Example of I. M. Aparshin)

For the first time the applying the improved authors' method of content analysis to identify the political picture of the world and its elements is demonstrated. It's made on example of the statements by I. M. Aparshin. Applying this method in political studies will contribute to the creation of discursive portrait of political expert, generalization of the political pictures of the world and their comparative analysis.

Keywords: political picture of the world, content analysis, political expert, Russian Federation, Ukraine.

УДК 329:32.019.51(439)

В статье исследуется феномен политического популизма в странах Европейского Союза. Отмечается, что в современной Венгрии популизм отличается рядом особенностей, коррелирующих с уникальностью политической истории и политической культуры страны. Подчеркивается, что сегодня правопопулистская партия «Фидес», являясь правящей, принимает активное участие в формировании политической повестки. Авторы приходят к выводу, что несмотря на то, что правый популизм коррелирует с демократическим развитием государства, тем не менее данное явление выступает угрозой стабильности венгерского общества и государства.

Ключевые слова: политический популизм, правый популизм, демократический транзит, политическая элита, электоральный успех, «Фидес», стабильность, Европейский Союз, Венгрия.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

А. И. Губанов, студент

Севастопольский государственный университет

E-mail: alecgubanov@gmail.com

Е. Р. Шавалюк, студентка

Севастопольский государственный университет

E-mail: lena.shavalyuk@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (НА ПРИМЕРЕ ВЕНГРИИ)

Современный мир характеризуется усилением вариативности, ростом конфликтного взаимодействия и нестабильности, что несомненно проецируется на развитии как общества, так и государства. Информационный «взрыв», экономические колебания, экологический вызов, миграционный кризис и многое другое зачастую выступают детерминантами развития процессов [3], развернувшихся на европейском континенте.

Трансформационным подвижкам подвергаются и политические настроения в Европе. Так, в первой половине XX века они флуктуируют в диапазоне: от ультраправого фашизма до ультралевого коммунизма. Вторая половина того же столетия во многих странах западной демократии характеризуется всплеском популизма, о чем свидетельствуют электоральные успехи политических партий и политиков такого рода направленности. А именно, приход во власть харизматичного С. Берлускони в Италии, Й. Хайдера в Австрии и т. д. не просто породили активную дискуссию в научных кругах, а и обусловили стремление выявить и объяснить причины, порождающие данное явление. Так как в первую очередь актуализация феномена популизма стала сигналом, свидетельствующим о наличии кризисных явлений различных моделей государственности в Европе, успешно функционировавших на протяжении 70-80-х гг. XX в., а так же показала, что сложившаяся система постепенно утрачивает способность к решению проблем, затрагивающих интересы широких слоев населения.

Несмотря на то, что в 90-е годы XX века Европа вновь смогла объединиться в рамках либерально-демократического движения, в последние годы либерально-демократические ценности в европейских странах в силу разного рода причин чаще подвергаются «пересмотру», а партии данной идеологической направленности получают меньшую поддержку, теряя голоса на выборах. Их мандаты все чаще перераспределяются между политическими партиями иного политического спектра, а больший вес набирают партии-приверженцы националистической направленности и евроскептицизма. В настоящее время популистские партии постепенно укрепляют свои позиции, стремясь попасть в органы власти разных уровней. Не является исключением и своеобразный «штурм» органов власти общеевропейского уровня. Об этом свидетельствуют результаты выборов в Европарламент 2019 года: прорыва популистов не произошло (набрали менее прогнозируемого количества мандатов), тем не менее налицо рост числа депутатов.

Однако, не смотря на отсутствие лидирующих позиций в борьбе за высшие государственные должности (Франция, Нидерланды и др.), популисты косвенно оказывают влияние на политику государства. Будь то миграционная, экономическая политика, политика охраны национальных границ

и внешних границ ЕС и т.д. – решения, принимаемые по всем этим направлениям во многом связаны с давлением популистов. Современные политические настроения в странах Европейского Союза, конечно с учетом становой специфики, характеризуются достаточно высоким уровнем поддержки партий такой направленности.

Тематика исследования анализируется в работах ряда зарубежных и отечественных ученых. Изучение популизма стало сегодня модным и анализу данного феномена посвящается существенное количество научных трудов. Так, специфика популизма осмысливается в работах К. Дейвикса [5], К. Мюдде [12,13], Я.-В. Мюллера [7], П. Таггарта [15], Н. Урбинати [10, 16] и др. Р. Н. Лункин [6] уделяет особое внимание вопросам реакции христианских церквей на рост правого популизма. Особенности правого политического популизма, в том числе в Венгрии анализируются в трудах таких ученых как А. Борозки, А. Н. Медушевский, П. В. Осколков [8], С. В. Погорельская, Л. Н. Шишелина [11] и др.

Целесообразность разработки данной темы обусловлена необходимостью анализа феномена политического популизма в целях превенции дестабилизации общества и государства, минимизации угроз демократии.

Цель статьи - выявление специфики и проблемных эффектов правого политического популизма на примере такой страны Европейского Союза как Венгрия.

Современный этап развития Европейского Союза, все чаще поднимая вопрос о единстве интеграционного объединения, обнажает проблемы европейской интеграции. Еще одним испытанием на прочность данного проекта можно считать деятельность «популистских и антиевропейских партий» [14, р. 31], в силу того, что данные партии входят в тройку наиболее влиятельных практически в трети стран ЕС, а в преимущественном большинстве стран интеграционного проекта – присутствует хотя бы одна достаточно успешная [12, р. 52].

Следует отметить необходимость терминологического разграничения понятий таких как: «праворадикальное популистское движение», «ультраправое», «радикально правое», «правозэкстремистское», «правые популисты» и т.п. В силу того, что радикализм и экстремизм, находясь вне системного поля политики, предлагают решать вопросы более кардинально, ломая сложившиеся либерально-демократические устои. Между тем, популизм выступает элементом политической системы, стремясь прийти к власти легально, не используя физическое давление и стремясь объединить достаточно разнородные интересы, он действует в рамках сложившейся политической системы. Так, профессор Колумбийского университета (США) Надя Урбинати считает, что феномен популизма это одна из форм искажения демократии [10, с. 248] - ее «аутоиммунная болезнь» [16].

Представления о популизме разнообразны и развиваются в различных ракурсах: как идеология, дискурс, стиль либо стратегия, что сказывается на отсутствии единой интерпретации понятия. Так, профессор политических наук Принстонского университета Ян-Ван Мюллер акцентирует внимание на популизме как на «особом моралистическом воображении политики», предполагающем противопоставление, с одной стороны, «морально чистого и внутренне одного народа», а с другой – «морально деградировавшей элите» [7, с. 37-38]. Нидерландский политолог К. Мюдде рассматривает популизм «как идеологию», фундирующуюся на разделении общества на два антагонистических лагеря – «истинный народ» и «коррумпированная элита» [13, р. 543].

Следовательно, стремясь получить максимум политических дивидендов, популисты отождествляют себя с «простыми людьми» из «народа», жестко противопоставляя себя - властной элите, т. е. популизм предполагает обращение к широким массам и обещает им скорое и легкое решение острых социальных проблем, а использование соответствующей риторики в качестве оружия борьбы с конкурентами рассчитано на расширение пула избирателей. Линчуя и яростно атакуя истеблишмент, популисты стремятся получить доступ к «ключевым позициям внутри правящей элиты, которая не хочет их в себя пускать» [5]. Еще одной особенностью правого популизма является объединение вокруг идей этноцентризма и национализма, увязка их с проблемами безопасности, национальной идентичности и иммиграции [4, с. 99]. Популисты заявляют о себе как о силе, способной добиться «справедливого мира» без опоры на «привычки» демократии, апеллируя к «яркому политическому лидеру», осуществляющему политику «сильной руки». То есть популизм, акцентируя внимание на сильном харизматическом лидерстве, «выражает трудно контролируемую неприязнь к посредничеству и институционализации» [15, р. 100]. По мнению Н. Урбинати, сегодня формируется новая форма обезображенного представительства, полностью контролируемого и «захваченного» лидерами. Последние выступают воплощением «истинного, праведного образа» в глазах восторженного лояльного народа (подданных), который не питает

страсти к свободным средствам массовой информации, независимым судам и другим «посредническим» институтам, сдерживающим власть.

Особо следует акцентировать внимание на одном из основных критериев правового популизма, которым выступает успешность партии (то есть политический популизм имеет смысл в контексте партийной политики) [10, с. 249], так как, не будучи встроенным в парламентскую систему, правый популизм перестает существовать [8, с. 24]. Н. Урбинати предлагает теорию популистской демократии: трансформация от политического движения к удержанию власти, ключевые элементы – лидер, олицетворяющий народ, враждебность к плюрализму, отрицание посреднических институтов – все это объединяется в новую и необъяснимую форму правления [16].

На фоне разного рода проблем: «вторжение мигрантов», «евроскептицизма» и т.п., популизм становится стратегией политической борьбы и связан, прежде всего, с вопросом выживаемости политических партий в современных условиях, а приход к власти правых популистов в ряде стран Европейского Союза, является запоздалым следствием демографических, социальных и экономических подвижек.

Традиционно повестка дня популистских политических партий зачастую сводилась к «актуализации» вопросов, замалчиваемых истеблишментом: защита национальной и культурной идентичности коренного населения и т. п. Тем не менее в начале 2000-х годов существовал некий предохранитель – относительное экономическое процветание, то есть «государство всеобщего благосостояния». Данная модель отличалась высоким уровнем занятости населения, надежной системой социальной защиты (преодоление социального неравенства, нужды и бедности), удовлетворением социальных потребностей, справедливого распределения богатства и обеспечением социальной стабильности в целом. Однако, уже к середине 2000-х гг. европейская социальная модель, столкнувшись с новыми вызовами, обусловившими ее постепенную эрозию, начинает давать сбой. Происходит сжатие сферы занятости (получает широкое распространение временная и частичная занятость), что коррелирует с ростом безработицы, на фоне экономического кризиса у населения стремительно снижаются доходы, увеличивается разрыв между богатыми и бедными, а, следовательно, возрастает уровень экономического неравенства. Происходит постепенное размывание и сокращение численности среднего класса, начинают проявляться контуры оформления нового социального класса – прекариата [9].

Данные процессы обуславливает появление кризисных проявлений политических систем и приводят к конфликту внутриэлитных отношений. То есть действующей политической и экономической системе в Европе становится затруднительно удовлетворять запросы большей части населения, привыкшего к относительно стабильному достатку и жизни в обществе потребления. Данная ситуация провоцирует у европейцев рост неуверенности в завтрашнем дне, а также страха за день сегодняшний. Поэтому население стран ЕС, стремясь к социальным гарантиям, минимизации разного рода угроз (мигранты и т.п.) и безопасности, стало все чаще выбирать политическую силу, способную «гарантировать» ему статус-кво благ, а популисты, в свою очередь, уловив интересующую население тематику, активно стали ее использовать.

Европейский союз принято делить на несколько субрегионов, где правопопулистские партии успешны в силу исторических, экономических и политических особенностей. Так, в странах Южной Европы буквально недавно правопопулистские партии практически не играли никакой роли, а в странах Центральной и Восточной Европы правопопулистские партии, их риторика находятся на пике популярности довольно продолжительное время.

Особым своеобразием обладают политические процессы в Венгрии, так как либеральная демократия здесь начала реализовываться не так давно и связана с трансформацией политического и идеологического пространства страны. С конца 90-х годов XX века страна активно стремилась избавиться от всего советского и поскорее «вернуться в Европу», к традиционным христианским ценностям. Однако ценностный диссонанс Западной Европы и модернизирующейся Восточной Европы, озабоченной поиском «своего места» в регионе, а также экономический и социальный кризис середины 2000-х обусловили усиление правоконсервативного тренда в развитии Венгрии.

Оформление новой политической системы Венгрии происходило на фоне активной дискуссии по национальному вопросу, совмещенного с проблемой последствий послевоенного территориального урегулирования. Так, ключевое место в предвыборной повестке партий, принимавших участие в парламентской избирательной кампании 1990-го года занял вопрос защиты прав национальных меньшинств, национального единения 15 млн. венгров, проживающих в Карпатском бассейне, созданию национальных венгерских автономий в соседних странах [11, с. 13].

Выборы в парламент Венгрии 1998 года открывают дорогу партии «Фидес», а Виктор Орбан становится премьер-министром государства (1998-2002 гг.) – самым молодым премьер-министром в

XX веке в стране (35 лет). Следует отметить, что партия «Фидес» постепенно трансформировалась из либеральной политической организации (члена Либерального Интернационала) в правоконсервативную партию. Как замечает Я.-В. Мюллер, иногда обычные консервативные или христианско-демократические партии превращаются в популистские, стирая грань между «истеблишментом» и «антиистеблишментом». Так, партия «Фидес» не всегда была популистской и не вела кампанию 2010 года на популистской платформе, только после своего избрания Орбан превратился в убежденного противника либерализма и ЕС [7, с. 11].

Первоначально у политиков «Фидес» просматривался умеренный национализм, что не вызывало отторжения среди избирателей партии. Однако, со временем Виктор Орбан полностью перехватывает повестку ультраправых сил и вводит ее в политический мейнстрим. Следует акцентировать внимание, что в 2010 году, по словам В. Orbana, «венгры произвели революцию у избирательных урн», тем не менее не смотря на преимущественно протестное голосование, «революция» была осуществлена конституционными методами.

Орбан все чаще стал выступать в роли «спасителя» нации, который способен минимизировать негативные эффекты перехода к демократической системе: поможет выйти из коррупционной ловушки, поспособствует возрождению экономики, создаст условия для достойного уровня жизни. Под флером обещаний подобного рода партия «Фидес» начинает масштабную реформу политических институтов: принимается новая конституция Венгерской республики, в которой получает закрепление христианский характер государства; переформируется конституционный суд, утрачивая ряд полномочий; сокращается число мест в парламенте и т.п.

Получает актуализацию риторика, традиционно присутствующая в повестке венгерских националистов, ориентированная на особую политику в отношении этнических венгров, проживающих в соседних странах («трианонская травма»). В 2010 году в венгерский закон о гражданстве вносятся поправки по которым представители венгерских меньшинств смогут претендовать на гражданство Венгрии, а вместе с ним получают и право голоса.

В 2018 году, партия «Фидес» вновь одержала победу на парламентских выборах, получив около 50% поддержки избирателей в коалиции с Христианской народно-демократической партией, занимает 133 из 199 мест в Национальном собрании Венгрии. Виктор Орбан в третий раз подряд становится премьер-министром. Громкую победу одержала партия «Фидес» и на выборах в Европарламент (2019 г.), заручившись поддержкой 52,3 % избирателей.

Неправильным будет утверждение, что поддержка Виктора Orbana и партии «Фидес» держится лишь на манипуляциях с законодательством и средств массовой информации. В целях налаживания коммуникации с электоратом В. Орбаном создается институт «национальных консультаций»: подобие референдумов по ключевым вопросам. Премьер-министр активно вовлечен в политическую работу: проводит консультации с кандидатами от партии, общается с избирателями и т. п.

Тем не менее коррупционные скандалы несколько пошатнули позиции «Фидес», но летом 2015 года пошел наплыв мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки и правым популистам удалось перевести повестку в плоскость борьбы с мигрантами. Ключевыми виктимными группами, выполняющими роль «другого» в Венгрии можно считать мусульман, цыган, евреев (в порядке ранжирования), хотя самое крупное национальное меньшинство — цыгане, а мусульман незначительное количество. Точную численность мусульман в Венгрии определить затруднительно, числовой диапазон варьируется от 26 до 62 тыс. чел., а население страны составляет — 9 млн.685 тыс. чел. Этнических венгров среди мусульман немного — около 10%. Однако наблюдается незначительный рост за счет новообращенных, в основном женщин, вышедших замуж за мусульман-иностранцев [1, с. 69].

В 2015 году в период наплыва «беженцев» в Европе, жители Венгрии стали свидетелями перемещения порядка 400 тыс. иммигрантов. По инициативе Будапешта на границе с Сербией в срочном порядке было сооружено заграждение из колючей проволоки длиной 175 км и высотой в 4 м. Затем была перекрыта граница с Хорватией. Результатом «марша» беженцев через Венгрию стало повсеместное распространение антиисламских настроений [1, с. 70]. И хотя Венгрия, как часть стран Европы, переживает демографический кризис. Тем не менее восполнять нехватку населения людьми иной культуры и вероисповедания, лидеры венгерского государства не хотят, так как, по их мнению, сплоченность венгерской нации зависит от принадлежности к христианству. Так, правый популизм в Венгрии демонстрирует оборонительный характер — цели «защиты» народа, страны от «других». В 2018 году парламент Венгрии поддержал пакет законов, предусматривающих наказания в виде больших штрафов и даже тюремное заключение за помощь беженцам и нелегальным иммигрантам [2]. Ключевым лозунгом венгерских популистов становится - «Венгрия-Венграм».

Кризис европейской идентичности на фоне антииммигрантских и антиисламских настроений актуализировали позицию христианских церквей [6]. Связано это с тем, что популизм приватизировал часть христианской повестки, особенно «защиту идентичности», так как церковные институты в этом вопросе исторически отводят себе главную роль. Церкви используют популистскую волну как шанс для своего укрепления в демократическом обществе. Однако, в Венгрии позиции церквей неоднозначны. Существуют иерархи, которые напрямую встают на позиции крайне правых популистов. Так, поддержку Виктору Орбану оказывают связанные с католической и реформатской церковью различные движения. Другие выражают церковный протест против популизма, что проявляется в критике, например, ультраправой партии «Йоббик» за ее риторику. Все эти действия не вносят единства в общество.

Следует отметить оппозиционную партию, присутствующую в венгерском парламенте - «Йоббик» («За лучшую Венгрию»), являясь радикальной и националистической, однако не менее популистской. На выборах 2018 года эта партия заняла 26 мест в Национальном собрании, что ставит ее в рейтинг сразу за коалицией «Фидес»-ХДНП. Риторика партии «Йоббик» сугубо националистической направленности. Основной электорат - это радикально настроенная молодежь. «Йоббик» активно использует арсенал как традиционной мобилизации избирателей, так и новые медиа для ведения агитации и т. п. Данная партия выступает против глобализма, европейской интеграции и является антисемитской. Основная цель - защита венгерских ценностей и интересов. Активно используя популистскую повестку, основанную на противопоставлении «Мы - добро, а они - зло», регулярно проводит митинги в центре Будапешта под лозунгами борьбы с коррупцией, обвиняя правительство страны, зачастую называя его «политической и цыганской мафией», разжигают антицыганские, антисемитские и антииммиграционные настроения.

Таким образом, в странах Европейского союза наблюдается рост популизма, который обладает повышенной степенью живучести и способен комбинироваться с любыми идеологическими конструктами, хотя подобного рода партии не принадлежат к традиционным партийным семьям.

Своеобразно разворачиваются события в Венгрии, в которой рост правого популизма связан со сложностями интеграции страны в ЕС, адаптацией к новым требованиям и нормам, с наступательной политикой Запада в восточном направлении. Следует акцентировать внимание на исторической специфике страны: правые настроения всегда присутствовали в венгерской политике [11, с. 12]. А желание венгров сегодня сохранить свой суверенитет и национальную идентичность только придают дополнительный импульс популизму. Формирование сильного национального «государства развития» опирается на эксклюзивную этнонационалистическую идеологию, повестку антиэлитистского, антиевропейского и антииммигрантского характера.

Венгрия является страной с относительно стабильной демократией. Как политическая система переходного типа характеризовалась длительный период оптимистическим демократическим нарративом. Тем не менее длительный период нахождения в рамках стран социалистического лагеря, исторические особенности обусловили своеобразие политической культуры, которая «предлагает» человеку определенные программы политического участия. То есть тип политической культуры накладывает отпечаток на процессы, разворачивающиеся в политической системе. Партиципаторная политическая культура налагает определенные ограничения на электоральную привлекательность популизма, в то время как парохильный и подданический типы политической культуры, способствуют широкому распространению данного феномена. Следует отметить, что партиципаторные столпы демократической политической культуры в Венгрии слабы, поэтому путь от патерналистского гражданского общества к партиципаторному долг и тернист, то есть политическая культура выступает одним из базовых оснований правого популизма.

Особенностью политической культуры современной Венгерской республики является дрейф в сторону антилиберализма, то есть при формальном сохранении механизмов либеральной демократии (выборы, судопроизводство, свобода прессы, верховенство права и т. п.), политическая система реорганизуется таким образом, что правительство во многих аспектах обретает авторитарную власть. Так, играя на разного рода страхах, например, перед мигрантами и т.п., эксплуатируя народное доверие, указывая себя в качестве защитников, лидеры популистов стремятся избавляться от сдержек и противовесов власти. Венгерским популистам не чуждо использование манипулятивного инструментария, которое эксплуатирует человеческие инстинкты, особенно самосохранения и продолжения рода т.п.

Правые популисты в Венгрии становятся все более весомой политической силой в стране, играя ключевую роль в политике государства, занимают существенную долю мест в органах государственной власти различных уровней. Правопопулистские политические силы Венгрии - партии «Фидес» и «Йоббик», конкурируя за симпатии электората и обладая особенностями, не

просто соревнуются в одной праворадикальной нише, между ними есть большое противостояние на уровне лидеров – Виктора Орбана и Габора Воны.

Постоянная «игра на грани», прагматизм, мобилизация «своего» избирателя и умение вписать риторику в изменяющиеся обстоятельства выступают препятствием единению венгерского общества и ощущению безопасности, подрывают стабильность государства.

Список литературы

1. Бибикова, О. П. Отношение к исламу в Венгрии / О. П. Бибикова // Россия и мусульманский мир. - 2018. - № 3 (309). - С. 68-72.
2. Венгрия приняла закон о миграции. За помощь нелегалам могут посадить в тюрьму. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-44548894> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Гарас, Л. Н. Современные трансформационные процессы в европейском союзе: кризисные аспекты / Л. Н. Гарас, А. А. Каримов // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 56-61.
4. Гарас, Л. Н. Миграционные процессы в регионе Средиземноморья: итальянский контекст / Л. Н. Гарас, И. А. Чихарев // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 5. – С. 90-109.
5. Дейвикс, К. Популизм / К. Дейвикс. – URL: <http://gefeter.ru/archive/6800> (дата обращения: 26.11.2020).
6. Лункин, Р. Н. Религия и Европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях / Р. Н. Лункин // Современная Европа. – 2018. – № 1. – С.102-113.
7. Мюллер, Я.-В. Что такое популизм? / Я.-В. Мюллер / пер.с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац.исслед.ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2018. – 144 с.
8. Осколков, П. В. Правый популизм в современном Европейском Союзе [монография] / П. В. Осколков. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – 164 с.
9. Стендинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стендинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. - 328с.
10. Урбинати, Н. Искаженная демократия: мнение, истина и народ [Текст] / Н. Урбинати / пер. с англ. Д. Кралечкин; Научный редактор перевода В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.
11. Шишелина, Л. Н. Правый радикализм в венгерской политике / Л. Н. Шишелина // Правый радикализм в Восточной Европе: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Европы и Америки. Сектор Вост. Европы; Отв. ред. Шаншиева Л. Н. – М., 2018. – С. 11-21.
12. Mudde, C. Populism: a very short introduction / C. Mudde, K. Rovira Kaltwasser. – Oxford: Oxford University Press, 2017. - 136 p.
13. Mudde, C. Populist Zeitgeist / C. Mudde // Government and Opposition. – 2004. – № 39 (4). 541-563 p.
14. Raines, Th. The future of Europe: comparing public and elite attitudes / Th. Raines, M. Goodwin, D. Cutts. – London: Chatham House, 2017. – 47p.
15. Taggart, P. Populism / P. Taggart. – London: Open University Press, 2000. – 128 p.
16. Urbinati, N. Me The People: How Populism Transforms Democracy. – Cambridge, MA: Harvard University Press 2019. – 272 p.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020

Garas, L. N., Gubanov, A. I., Shavalyuk, E. R. Features of Political Populism in the European Union (on the Example of Hungary)

The article examines the phenomenon of political populism in the countries of the European Union. It is noted that in modern Hungary, populism has a number of features that correlate with the uniqueness of the country's political history and political culture. It is emphasized that today the right-wing populist «Fides» party, being the ruling one, takes an active part in shaping the political agenda. The authors conclude that despite the fact that right-wing populism correlates with the democratic development of the state, this phenomenon is a threat to the stability of Hungarian society and the state.

Keywords: political populism, right-wing populism, democratic transit, political elite, electoral success, «Fides», stability, European Union, Hungary.

УДК (262.5-92)[327+339]

Современная геополитическая ситуация показывает необходимость детального анализа региональных аспектов мировой политики. При рассмотрении Черноморского региона учитывается влияние на имеющийся баланс сил как региональных, так и нерегиональных акторов. Поскольку Черное море находится на периферии Евро-Атлантического субрегиона, в вопросы обеспечения безопасности, которые затрагивают и экономическую сферу, на его пространстве оказываются вовлеченными такие структуры, как НАТО, ОБСЕ и ЕС.

Ключевые слова: Черноморский регион, безопасность, сотрудничество, баланс сил.

Н. М. Морозова, доцент, к. полит. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

м.н.с. ПРИФ ФНИСЦ РАН, зам.директора

E-mail: 4379037@gmail.com

Е. С. Яковлева, бакалавр

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

E-mail: elenayakovleva99@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО БАЛАНСА СИЛ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

При рассмотрении баланса сил на пространстве Черноморского региона необходимо учитывать не только ведущих региональных акторов, таких как Российская Федерация и Турецкая Республика, но и нерегиональных игроков. Поскольку Черное море находится на периферии Евро-Атлантического субрегиона, в вопросы обеспечения безопасности на его пространстве оказываются вовлеченными такие структуры, как Организация Североатлантического договора, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Европейский Союз.

Концептуальное оформление роли Черноморского региона в современных международных отношениях проходило постепенно, в течение многих лет. Уникальное географическое положение Черноморского региона и его возрастающая роль в транзите энергоресурсов усиливают геополитическую значимость региона, одновременно увеличивая его уязвимость в сфере обеспечения безопасности, что находит отражение в доктринах причерноморских государств. Региональные акторы на нормативно-правовом уровне выступают за политико-дипломатическое урегулирование конфликтов в Черноморском регионе.

Правительство **Болгарии** считает Причерноморье в целом благоприятной средой, позволяющей Республике проводить стабильную оборонную политику в интересах национальной безопасности и учитывая обязательство государства перед НАТО и ЕС [6].

В Концепции Национальной безопасности **Грузии** сказано, что страна выступает за интеграцию всех причерноморских государств в Европейский союз и Североатлантический Альянс, что согласно документу, поможет значительно укрепить безопасность Причерноморья как юго-восточной границы Европы [4].

В Стратегии национальной обороны **Румынии** прописана поддержка принципа коллективной безопасности, однако приоритеты в этой сфере скорректированы в сторону евроатлантических интересов, исходя из первичности обеспечения безопасности для страны через членство в НАТО и ЕС [2].

Турция подчеркивает свою ведущую роль в основании Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), приверженность укреплению мер доверия и строительству безопасности в Причерноморье, поддержку деятельности «Blackseafor», стремлении превратить Чёрное море в регион стабильности и процветания [7].

Подходы **Российской Федерации** к взаимодействию с партнерами в Черноморском регионе выстраиваются с учетом целей и принципов Устава ОЧЭС, а также с учетом необходимости

укрепления механизма сотрудничества пяти прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений. Российские концептуальные цели и задачи нацелены на предотвращение глобальных угроз при наращивании, увеличении российского влияния в Черноморском регионе в рамках международного права [5].

В Военной доктрине **Украины** (редакция 2015 г.) вопросы безопасности в Причерноморье в основном затрагиваются в контексте противостояния действиям России в регионе [3]. Украина в последние годы стремится к более тесному сотрудничеству с США, НАТО и ЕС в Черноморском регионе, который упомянут в числе наиболее важных в оперативно-стратегическом отношении рубежей. Все тренировочные мероприятия проводятся без участия России, однако при участии таких внешних игроков, как США, государств-членов Европейского Союза и НАТО.

Однако на сегодняшний день наблюдается нехватка не только правового, но и фактического взаимопонимания государств Причерноморья в сфере безопасности. Совместные учения всех государств региона не проводились с 2014 г. Инициатива «BLACKSEAFOR» фактически прекратила свое существование после того, как Украина отказалась принимать участие в мероприятиях группы. Таким образом, с 2014 г. тесная кооперация стран Причерноморья по вопросам безопасности в регионе приостановилась, а сотрудничество между ними продолжается в иных форматах.

Наряду с этим, с практической, военно-политической стороны в последнее десятилетие регион испытывает усиленное внимание со стороны НАТО, что существенно влияет на баланс сил и угроз. В результате стали все чаще возникать прецеденты совместных учений региональных государств и государств-членов НАТО без участия России. Подтверждают тенденцию к сближению усилий Североатлантического Альянса и государств Причерноморья в сфере поддержания безопасности в регионе официальные документы последних. В них чаще всего речь идет о необходимости сближения с НАТО и ЕС (в случае, например, Болгарии и Румынии) и противостояния России (в случае Украины).

Страны Причерноморья и их партнеры нередко используют Черное море как уникальную площадку для развертывания вооружений. Для США, к примеру, важным компонентом реализации интересов в регионе является военно-техническое сотрудничество с региональными акторами. Для решения обозначенных проблем они пытаются активизировать деятельность соответствующих структур НАТО.

С тех пор как фактически прекратила свое существование организация «Blackseafor», существенно сократилась и кооперация между региональными акторами. В результате стали все чаще возникать прецеденты совместных военных учений региональных государств и государств – членов НАТО без участия России.

Для США, к примеру, важным компонентом реализации интересов в регионе является военно-техническое сотрудничество с региональными акторами. Для решения обозначенных проблем они пытаются активизировать деятельность соответствующих структур НАТО. При этом Вашингтон практически реализует планы по расширению НАТО за счет черноморских стран. Так, после принятия Болгарии и Румынии в НАТО в 2004 году начался новый этап участия США в региональном взаимодействии.

Так, в июле 2018 г., в акватории Черного моря состоялись совместные украинско-американские военно-морские учения «Sea Breeze 2018». Годом ранее, в рамках «Sea Breeze 2017», в подобных маневрах приняло участие более 3 тысяч военнослужащих из 16 стран, из них 800 – американцы. Также были задействованы 31 военно-морское судно и 29 воздушных судов. Помимо Украины и США странами-участницами юбилейных военных учений также стали Бельгия, Болгария, Великобритания, Греция, Грузия, Италия, Канада, Литва, Норвегия, Польша, Румыния, Турция, Франция и Швеция. Многосторонние военно-морские учения «Sea Breeze», организаторами которых являются Украина и США, проводятся на Украине с 1997 года на основании Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве по вопросам обороны и военных отношений между двумя государствами. В рамках маневров по стандартам НАТО были проведены совместные действия многонациональных сил в ходе морских операций по обеспечению безопасности в Черном море.

Присутствие групп в Черном море является частью общего повышенного внимания к Черноморскому региону, увеличив присутствие постоянных морских групп НАТО в Черном море с примерно 80 дней в 2017 году до 120 дней в 2018 году. По мнению члена Совета Федерации РФ,

учения «Sea Breeze 2018» ухудшили военно-политическую ситуацию в регионе, а также создали негативный фон для предстоящего тогда саммита Владимира Путина и Дональда Трампа в Хельсинки.

Наряду с этим, в 2018 г. совместные учения «Spring Storm 18» под контролем румынского Военно-Морского флота провели Болгария, Грузия, Украина, Франция и США, в общей сложности в маневрах было задействовано около 1700 военнослужащих. Отмечалось, что вооруженные силы РФ проводили тщательный мониторинг своих пограничных территорий в период проведения данных учений.

Также стоит отметить, что Турция считается крупнейшим игроком в Черном море, с конца 2000-х гг. баланс сил неизменно менялся в пользу России. Для сохранения своего статуса Турции требуется не только поддержка государств НАТО, но и мобильность для перевода части флота с восточных и южных рубежей из Мраморного и Средиземного морей.

При всем желании государств НАТО нарастить свой потенциал в Причерноморье, Россия и Турция находят точки соприкосновения в региональных вопросах. К примеру, многое зависит от действия принципов Конвенции Монтрё 1936 года. Так, для кораблей нечерноморских стран действует особый режим, который не позволяет проводить в Черное море авианосцы, а также военные корабли водоизмещением более 30 тыс. т и на срок более 21-х суток. Вследствие этого постоянное присутствие США в акватории не представляется возможным. Попытки НАТО продвинуть свои позиции через черноморские государства – Болгарию и Румынию – не столь результативны, а уступки со стороны Турции автоматически нарушали бы принципы Конвенции и, соответственно, порождало бы необходимость пересмотра статуса проливов. Подобное развитие событий могло бы привести к дополнительным рискам и увеличению вероятности возникновения конфликта в Черноморском регионе. Осознание рисков эскалации приводит к тому, что Турция и Россия, страны с самым большим флотом в Черном море, стараются поддерживать соответствующий уровень сотрудничества.

Исходя из совокупности вышеперечисленных факторов, можно сделать вывод, что на протяжении последних двух десятилетий баланс сил в Черноморском регионе колебался, так как его формирование происходило не только за счет действий региональных игроков, но под влиянием присутствия нерегиональных акторов. Несмотря на кооперацию во многих сферах, Турция и Россия находятся на разных полюсах баланса сил в регионе. И, несмотря на то, что Турция, являющаяся членом Североатлантического Альянса, считается крупнейшим игроком в Черном море, с конца 2000-х гг. баланс сил неизменно менялся в пользу России. Однако США, в условиях действия конвенции Монтрё и, соответственно, невозможности постоянного военного присутствия у южных границ РФ, тем не менее активно участвуют в региональном взаимодействии. Так, с присоединением к военному блоку НАТО Болгарии и Румынии в 2004 году, событиями 2008 года в Грузии и 2014 – на Украине, нерегиональные члены НАТО, и в первую очередь США, наращивали свои потенциалы, проводя «регулярный мониторинг» акватории Черного моря и разноплановые военно-морские учения как «демонстрацию силы». Данные действия склоняли баланс сил в Черноморском регионе не в пользу Российской Федерации.

Учитывая данные аспекты, стоит отметить, что особую роль в существующем балансе сил играет экономический фактор. Межгосударственная кооперация в экономической сфере способствует повышению значимости энергетической безопасности регионов. Любое малейшее колебание баланса экономических мощностей влечет изменения в балансе сил геополитическом.

Энергетическая дипломатия сегодня, как и национальная энергетическая безопасность, т. е. защита государства и его экономики от угроз гарантированным бесперебойным поставкам энергоресурсов, является неотъемлемой частью национальной безопасности. Следовательно, нельзя недооценивать роль энергетического фактора в современной мировой политике, так как поставки энергоресурсов на национальные рынки – внешнеполитический приоритет для многих государственных акторов, наряду с поддержанием военно-политического потенциала.

Причерноморье в данном случае выступает в качестве уникальной транзитной зоны с доступом ко многим потенциальным рынкам, а уровень политико-экономического взаимодействия между государствами повышается при заключении новых контрактов на поставки энергетического сырья. Так нефть и газ превращаются в индикатор уровня политико-экономического взаимодействия между

государствами и в серьезный внешнеполитический инструмент [8, с.84-86]. При этом Россия играет чрезвычайно важную роль на международных топливно-энергетических рынках, что предопределено как запасами ресурсов на территории РФ, так и ее долей в их мировом экспорте, что определенным образом обуславливает ее геополитическое влияние.

Для Вашингтона Черноморский регион является объектом глобального стратегического значения, связывающим Евроатлантический субрегион с проблемным Ближним Востоком, содержащим 65% мировых запасов нефти. Интересам США отвечает стремление контролировать глобальные энергоресурсы, а также возможность испортить отношения России с Европой. Российско-украинские «газовые споры» стимулировали строительство любых дополнительных маршрутов транспортировки энергоносителей в Европу [10].

Тесная кооперация РФ с Турецкой Республикой (на примере газопровода «Турецкий поток») вносит существенный вклад в энергобезопасность не только Турции, но и многих стран Южной Европы, в особенности Балканского региона, обеспечивая их энергонезависимость от США. Это в свою очередь ослабляет присутствие американского капитала на рынках региона и геополитическое давление со стороны США, значительно повышая тем самым глобальную энергетическую устойчивость и сохраняя сложившийся баланс сил.

При этом есть вероятность, что новое Турецкое газовое месторождение, обнаруженное в августе 2020 года в Черном море, может поколебать сложившийся баланс. Заявления президента Турецкой Республики Эрдогана указывают на движение в сторону энергонезависимости и отказа от экспортного газа, в том числе и российского. Однако при оценке предполагаемых объемов месторождения, можно предположить, что топливо из него скорее будет использовано турецким руководством как средство геополитического лавирования между Россией и Западом, что стало характерной чертой внешнеполитического курса Турции последних лет.

Кроме экономических факторов, следует выделить также и геополитические аспекты, так как Черноморский регион выступает активным элементом и в нормативно-правовых актах нерегиональных акторов, в основном в контексте действий Российской Федерации, «угрожающих национальной безопасности» некоторых государств, а также в контексте интенсификации международной кооперации и евроинтеграции, распространения демократических ценностей и прав человека, усиления присутствия НАТО с целью обеспечения региональной и глобальной безопасности. Поэтому стоит подчеркнуть, что Черноморский регион представляет собой неотъемлемую часть архитектуры безопасности Евроатлантического субрегиона, а Россия по всем основополагающим параметрам – историческим, социокультурным, экономическим, цивилизационным – является одним из ключевых субъектов данного пространства безопасности. Однако современная система международных отношений отражает существенно снизившуюся эффективность работы международных институтов и изменившийся подход некоторых государств к незыблемости международного права. По этой причине возникает острая необходимость в более широком взаимодействии, однако фактическое отсутствие конструктивного диалога между Россией и НАТО, а также разность структурных особенностей суверенного государства и военного блока уменьшают вероятность быстрого и действенного урегулирования возникающих противоречий.

Периферия Евроатлантического субрегиона способна провоцировать серьезные обострения и кризисы, а также порождать общие для Евросоюза и всего мира угрозы вроде радикального исламизма. И если Россия и НАТО вмешивались, вмешиваются или будут вмешиваться в будущем в конфликты на данном пространстве, то большинство государств ЕС сторонятся перспективы быть вовлеченными в подобные инциденты. Причем РФ, США и НАТО нередко оказываются заложниками происходящих там событий.

Таким образом, возникает вопрос об истинности намерений некоторых акторов международных отношений поддерживать мир и соблюдать нормы международного права. Вместе с этим, постоянно появляются новые факторы, порождающие неопределенность — кризисные и слабоуправляемые государства, радикальные движения, угрозы гибридной войны, превращение киберсреды в пространство уязвимости и конкуренции [9]. А Российская Федерация, прежде всего, заинтересована в защите своих южных рубежей. Однако и расширение НАТО на Восток, и регулярность проведения военных учений на линии соприкосновения с Россией – в Балтийском и Черноморском регионах – привели к наращиванию военного потенциала у границ РФ и, соответственно, повышению

конфликтогенности. Это в свою очередь коррелирует с традиционными и новыми угрозами безопасности, в том числе и энергетической, возникающими на пространстве рассматриваемого региона. В целом активизация НАТО у южных российских границ является прямой угрозой для национальной безопасности РФ, что в совокупности с нестабильными внешнеполитическими курсами некоторых региональных держав рискует нарушить баланс сил в Черноморском регионе.

Список литературы

1. Архитектура евроатлантической безопасности / Под общ. ред. проф. Юргенса И. Ю., акад. Дынкина А. А., чл.-корр. Барановского В. Г. – М.: Экон-Информ, 2009. – 124 с.
2. Военная стратегия Румынии. – URL: https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/Defence-Procurement-Gateway/ro_milstrategy.pdf (дата обращения: 01.04.2020)
3. Военная доктрина Украины. – URL: <http://www.mil.gov.ua/diyalnist/reformi-ta-planuvannya-u-sferi-oboroni/voenna-doktrina.html> (дата обращения: 01.04.2020)
4. Концепция национальной безопасности Грузии. – URL: <https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf> (дата обращения: 01.04.2020)
5. Основы государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 г. от 2017 г. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/42117/page/2> (дата обращения: 02.04.2020)
6. Стратегия национальной безопасности Республики Болгария 2011 г. – URL: https://www.me.government.bg/files/useruploads/files/national_strategy1.pdf (дата обращения: 01.04.2020)
7. Turkish Ministry of National Defence (MND), Defence White Paper 2000 (MND: Ankara, Aug. 2000).
8. Смирнов, А. М. Сравнительный анализ энергетической дипломатии РФ и ЕС / А. М. Смирнов // Сравнительная политика. – 2014. – № 2(15). – 164 с. – URL: <https://mgimo.ru/upload/docs2/6Alexander-Smirnov.pdf> (дата обращения: 12.12.2019)
9. Тимофеев, И. Н. Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы. – Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», август 2017. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/formula-evroatlanticheskoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 06.10.2019)
10. Черненко, Е. Ф. Энергетическая дипломатия в орбите энергетической безопасности // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. – 2010. – № 3. – С.17-41.

Статья поступила в редакцию 27.08.2020

Morozova, N. M., Yakovleva E. S. Features of the Current Balance of Power in the Black Sea Region: Military-Political and Economic Potential

The current geopolitical situation shows the need for a detailed analysis of the regional aspects of world politics. When considering the Black Sea region, the impact on the existing balance of power of both regional and non-regional actors is taken into account. Since the Black Sea is located on the periphery of the Euro-Atlantic subregion, such structures as NATO, OSCE and the EU are involved in security issues, which also affect the economic sphere.

Key words: Black Sea region, security, cooperation, balance of power.

УДК [061.2:364.29](100)

В статье исследуются негосударственные (общественные) организации, правозащитные НПО и их международные объединения. Раскрываются основные задачи и приоритетные направления деятельности данных организаций. Анализируются особенности их функционирования в современных условиях. Изучается изменение функций неправительственных организаций в современной системе международного сотрудничества при констатации решающей роли западной либеральной политической традиции в развитии правозащитного движения.

Ключевые слова: негосударственные (общественные) организации, правозащитное движение, международные отношения, кризис правозащитной деятельности.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одной из ведущих тенденций развития международных отношений современности является рост числа международных неправительственных организаций с заметным увеличением их влияния как на политику отдельных стран, так и на международной арене в целом. По данным экспертов в 2000 г. в мире насчитывалось свыше 37 тысяч неправительственных организаций (31 тысяча – в 1990 г.). Из них 12 тысяч занимались правозащитной деятельностью; постоянных членов международных НПО насчитывалось 255 тыс., что послужило основанием для признания их в качестве важного элемента формирующегося глобального гражданского общества [5, с. 25-26].

Термин «неправительственные организации» был введен в оборот в 1945 г. Уставом ООН. Он акцентирован на их главном предназначении – отражать и защищать интересы общественности и противопоставлять их позиции публичной власти. Начиная с появления в 1863 г. в Женеве Международного Комитета Красного Креста, а в России в 1976 г. Московской Хельсинской группы – деятельность правозащитных неправительственных организаций (НПО) отражала тенденции демократизации мира и стремительную эволюцию международного сотрудничества в области прав человека. Правозащитная деятельность превратилась в сущностный признак современной цивилизации.

Главной задачей действующих в мире сотен международных правозащитных НПО является защита конституционных прав граждан и контроль за деятельностью государств в этой сфере, а также организация работы в области охраны прав и свобод человека. Международные правозащитные НПО осуществляют мониторинг за работой государственных властей в сфере прав человека, а также занимаются сбором, анализом и оценкой состояния соблюдения прав человека и нарушений в этой области.

К иным задачам, которые ставят перед собой неправительственные организации, относятся расследования конкретных фактов нарушения прав человека, нередко – в исправительных учреждениях; правовое просвещение, в том числе пропаганда правозащитных идей через публичные мероприятия и издательскую деятельность; помощь лицам, чьи права нарушены; анализ положения с правами человека, прежде всего, с гражданскими правами и свободами, в тех государствах, где они функционируют, с привлечением к сотрудничеству высокопрофессиональных ученых-правоведов и адвокатов; участие в судебных процессах в качестве общественных защитников. Особенностью задач правозащитной деятельности является продвижение и защита универсальных общечеловеческих ценностей и правовых стандартов в условиях различных мировоззренческих и религиозных систем.

НПО определяют наиболее уязвимые группы прав человека в конкретной стране, информируют об этом соответствующие структуры государства и вынуждают их вырабатывать рекомендации по исправлению нарушений. Неправительственные организации прибегают к угрозам обнародования определенных фактов нарушений прав человека для достижения целей изменения политики конкретной страны. В случае, если государственные структуры уступают, действия НПО могут ограничиваться распространением информации о нарушениях на национальном уровне.

Правозащитные организации могут организовывать пикеты и митинги; проводить консультирование населения по юридическим вопросам и по отдельным видам жалоб на нарушения; участвовать в законотворчестве на разных уровнях. Нередко НПО выдвигают требования к органам государственной власти об отмене дискриминационных законодательных актов, ущемляющих права национальных меньшинств, например, в сфере образования.

Формой реагирования неправительственных организаций на прецеденты нарушений прав человека могут являться различные пропагандистские кампании, чаще всего направленные на изменение политики в области гражданских прав: направление писем правительственным чиновниками и организация брифингов для должностных лиц; проведение демонстраций поддержки или уличных протестов с освещением этих акций СМИ, а также размещением информации в сети Интернет; представление докладов о реальном положении прав человека в конкретной стране контрольному органу ООН.

Традиционными направлениями содействия объективному рассмотрению ситуации с соблюдением прав человека в отдельных странах выступает выпуск информационно-аналитических обзоров, посвященных проблемам соблюдения прав человека с определенной периодичностью на основании результатов мониторинга; их представление в различных межгосударственных и международных структурах (Совет ООН по правам человека, ПАСЕ и др.). Относительно новыми формами деятельности правозащитных организаций является создание тематических интернет-ресурсов на нескольких языках, соответствующих страниц в социальных сетях.

Правозащитные НПО декларируют ряд приоритетных направлений своей деятельности, к которым, например, относятся: подготовка экспертных групп; проведение квалифицированного анализа действующего законодательства конкретного государства на соответствие международным стандартам в области прав человека; составление рекомендаций органам государственной власти по совершенствованию системы защиты прав граждан. Их деятельность связана с системой гражданского контроля, функционирование которой направлена на прекращение нарушений прав человека со стороны государственных органов и институтов. НПО взаимодействуют с национальными системами и отдельными механизмами государственного контроля за соблюдением прав человека, прежде всего, национальными институтами (например, институтом уполномоченного по правам человека); оказывают помощь государственным органам в защите и реализации интересов каждого человека.

Направленность деятельности неправительственных организаций в демократических странах – оказание помощи конкретным гражданам или группам граждан из слоев населения, которые в силу разных причин не имеют возможности пользоваться механизмами национальной системы защиты прав человека (например, беженцам). Правозащитные организации активно контактируют с государственными служащими с целью выработки рекомендаций по совершенствованию системы защиты прав граждан; добиваются на межгосударственном уровне от правительств неукоснительного соблюдения прав человека, прежде всего, прав национальных меньшинств, в соответствии с обязательствами, которые страны принимают на себя при ратификации международных документов. Неправительственные правозащитные организации выступают в качестве механизма противовеса государственной власти в сфере защиты прав человека и исторически ориентиром их деятельности являются западные стандарты прав личности, которые рассматриваются как важнейший фактор общественного развития.

Критерии отнесения международных организаций к неправительственным были установлены резолюцией Экономического и социального совета ООН от 23 мая 1968 г. и касались их основания не на межправительственном соглашении, а также дополнены положениями проекта международного договора о международных неправительственных организациях Союза международных ассоциаций, переданного СМА на рассмотрение ЮНЕСКО, и включающего такие черты неправительственных организаций как добровольность участия; равенство членов; общность целей, представляющих одинаковый интерес для всех участников; открытый характер членства; отсутствие целей извлечения прибыли [3, с. 23].

Характеризует международные правозащитные НПО их организационная и финансовая независимость от государств, на территории которых они действуют, определенность и четкая направленность программы функционирования. Еще одной характерной чертой правозащитных организаций является некоммерческая ориентированность их деятельности и неполитизированность. Важным признаком подобных негосударственных организаций выступает добровольность.

Правозащитные организации могут включать небольшое количество участников, объединившихся с целью решения региональной проблемы или принятия мер по отдельному случаю нарушения прав человека, а могут достигать гигантских размеров и насчитывать тысячи активистов в различных частях планеты.

Международные неправительственные организации формируют правозащитные сети, которые связывают местные правозащитные организации в различных регионах государства и выполняют функции ресурсного центра. Известнейшими правозащитными организациями, действующими на международной арене, являются «Международная Амнистия», «Human Rights Watch», «Human Rights First», «InterRights», «Международная федерация за права человека» и другие.

Соблюдение прав человека, зафиксированных в международно-правовых актах, в условиях современной системы международных отношений стало неотъемлемым элементом любого соглашения, как и защита процессуальных прав человека и участие НПО на разных уровнях системы контроля за соблюдением прав человека: на международной, национальной, гражданской. НПО сотрудничают с представителями системы международных организаций, включающих органы ООН, ОБСЕ, Совета Европы и др.

В то же время, необходимо отметить, что в последние годы представители НПО стали констатировать нарастание кризисных явлений в международном правозащитном движении. В своей речи Верховный комиссар ООН по правам человека, экс-председатель Совета безопасности ООН, наследный принц Хашимитского королевства Ирак, принц Иордании Зейда Ра-ада аль-Хусейна, в Лунде (Швеция) 27 ноября 2017 г. объявил о провале мирового правозащитного сообщества [2].

Причинами углубления кризиса правозащитной деятельности в мире являются общая недофинансированность программ ООН на фоне пандемии Covid-19 и нынешний бюджетный кризис, который представляет главную угрозу правозащитной деятельности ООН в целом, а также распространение практики использования странами Запада правозащитной проблематики в условиях реальной деградации ситуации в правозащитной сфере.

Правозащитные организации устанавливают в качестве основной цели своей деятельности защиту политических и гражданских прав, однако важнейшим критерием для определения изменения роли неправительственных правозащитных организаций в современном мире является проблема управления ими и координации их деятельности: функционирование многих из неправительственных организаций координируется частными лицами при добровольной поддержке иных активистов.

Неправительственные организации, которые в конце XX ст. воспринимались, прежде всего, как одно из основных, универсальных средств защиты прав человека, в современных условиях чаще стали использоваться в качестве одного из видов «изящного оружия». Они располагают широким кругом выработанных за десятилетия правозащитной деятельности форм и методов деятельности, из которых выбирается комбинация наиболее подходящих в зависимости от целей конкретной кампании, характера объектов воздействия и наличных ресурсов, что делает их крайне эффективными, а широкая поддержка кампании правозащитников со стороны общественности дает больше гарантий достижения их конечной цели. Характерной особенностью правозащитного сообщества в последние годы является четко просматриваемая поляризация по политическому признаку при внешней аполитичности, свидетельством этому является одностороннее и необъективное освещение ситуации с нарушениями прав человека на отдельных территориях, как и игнорирование соблюдения прав отдельных категорий населения.

Бесспорна важность правозащитной деятельности в чрезвычайных обстоятельствах, в складывающихся в мире условиях ограничения прав на свободу выражения мнений, свободу объединений и мирных собраний. При этом в условиях перестройки мирового порядка реализуется сценарий, согласно которому под более чем актуальным лозунгом защиты прав человека проводятся акции, направленные на ослабление или даже уничтожение суверенных государств, попавших в список «неудобных», не соответствующих представлениям о демократии в англосаксонском варианте, по сценарию так называемых «гуманитарных интервенций».

Элементы правозащитной деятельности используются для решения национальных проблем и геополитических задач в условиях информационных войн, ставших еще одним признаком современной системы международных отношений. Например, правозащитная проблематика активно реализуется для продвижения интересов путем убеждения в массовости нарушений прав человека в конкретной стране. Образ отдельных стран за рубежом формируется заинтересованными субъектами, при этом реальность намеренно искажается и часто не отражает действительной ситуации.

Эти процессы исторически взаимообусловлены: на современную систему ненасильственного влияния оказал решающее воздействие такой фактор мировой политики, возникший после Второй мировой войны, как развитие темы прав человека и возникновение системы неправительственных организаций (международных и внутригосударственных). В условиях глобализации прав человека по западному варианту стала наблюдаться трансформация роли и основного направления действия по использованию НПО – если ранее их основной целью было достижение конкретного результата, прежде всего, восстановление гражданских прав, изменение в законодательстве, имплементация рекомендаций и т.п. (в зависимости от специфики самого механизма и от намерений субъекта, который его использовал), то в настоящее время все чаще конкретные правозащитные акции направлены на ослабление правительства конкретного государства и целенаправленное деструктивное воздействие в информационном пространстве с целью подрыва политической и социальной систем другого государства, дестабилизации общества.

Примером использования НПО как одного из инструментов решения внешнеполитических задач с опорой на часть гражданского общества и информационно-коммуникационные технологии являются кампании, которые проводились в рамках наблюдения за выборами президента Республики Беларусь в 2020 г. Оценка избирательного процесса с точки зрения белорусского законодательства и международных стандартов свободных и демократических выборов, информирование белорусской общественности и международного сообщества о ходе избирательной кампании и итогах наблюдения проводилась правозащитным центром «Вясна» и РПОО «Белорусский Хельсинкский комитет» в рамках кампании «Правозащитники за свободные выборы»; правозащитной организацией «Human Constanta»; правозащитной организацией «Белорусская ассоциация журналистов»; РОО «Правовая инициатива»; Центром правовой трансформации (Lawtrend); Ассамблеей неправительственных демократических организаций Беларуси; инициативной группой «Идентичность и право», Белорусским домом прав человека имени Бориса Звозкова и др. События вокруг президентских выборов в Беларуси и эскалация избирательной кампании вызвали применение полного спектра реакции белорусских правозащитных организаций и обеспечивающих их деятельность зарубежных представителей правозащитного движения: подписание обращений к Верховному комиссару и спецдокладчикам ООН; онлайн тренинги для документаторов международных комитетов и иных субъектов; многочисленные аналитические отчеты по промежуточным результатам наблюдения за президентскими выборами; создание специальных платформ для сообщений о нарушениях на выборах и проч.

Нарушение избирательного законодательства правозащитники констатировали, например, в ежегодном Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию – в связи с тем, что оно «широко тиражировалось в СМИ, что служило агитацией за главу государства как одного из кандидатов»; принятых по инициативе действующего главы государства и кандидата в Президенты А. Лукашенко мерах социальной защиты в виде повышения пенсий, переноса на более ранний срок их выплаты – они были признаны нарушением прав человека, «подкупом избирателей и проявлением использования административного ресурса». К нарушениям отнесены также активное использование Telegram-каналов для продвижения негативного образа альтернативных кандидатов и их программ [1]. И, предсказуемо, рефреном в отчетах и иных документах правозащитников использовалась идея о недопустимости применения насилия с целью обеспечения политической стабильности, в том числе в чрезвычайных ситуациях, противоречащая концепции государственной монополии на легитимное насилие (см., например, [4]).

Как результат – при всей неоднозначности избирательных процессов в Беларуси и последующих протестных акций – в освещении выборов в отдельных странах показательна ситуация, при которой нарушения избирательных прав граждан в одном случае интересуют все западное сообщество и широко освещаются СМИ, в другом – они интересны и освещаются только сторонниками проигравшего кандидата. И эта тенденция вписывается логическим продолжением такой характерной черты современного международно-политического дискурса как рост интереса к использованию невоенных инструментов для продвижения своей позиции на международной арене, а также применение инструментов «мягкой силы» в точках бифуркации, прежде всего, признаваемых таковыми избирательных кампаниях.

Правозащитная проблематика как один из инструментов решения внешнеполитических задач с опорой на часть гражданского общества и информационно-коммуникационные технологии используется с целью оказания давления на суверенные государства, дестабилизации внутренней обстановки и манипулирования общественным мнением, и становится инструментом механизма

невоенного и неэкономического воздействия западных держав на отдельные государства, создания в них внутренних условий, позволяющих обеспечить желательное для субъекта воздействия поведение в международных отношениях. НПО в условиях информационных войн превращаются в эффективное средство давления на принимающие решения элитные группы и отдельных политиков, а также на экспертное сообщество, лидеров общественного мнения и население страны в целом. Как демонстрирует практика, этот инструмент может применяться как элемент стратегии, рассчитанной на длительный период времени, а также спонтанно, в конкретных возникающих ситуациях. Использование правозащитных организаций для расшатывания неудобных политических режимов приводит к нивелированию их значения для универсальности системы защиты прав человека. Необъективность направленности деятельности отдельных НПО ведет к ассоциации правозащитного движения исключительно с ценностями западного мира и к эрозии концепта правозащитной деятельности в целом.

Список литературы

1. Аналитический отчет по результатам наблюдения за предвыборной агитацией РПОО «Белорусский Хельсинкский комитет» и ПЦ «Весна» в рамках кампании «Правозащитники за свободные выборы» / Правозащитный центр «Вясна»: 08.08.2020: сайт. – URL: <https://elections2020.spring96.org/ru/news/98865> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Все мы равны в наших правах и достоинстве. 10 декабря 2017 года в Париже стартовала годовая кампания, посвященная наступающему в 2018 году семидесятилетию Всеобщей Декларации Прав Человека // Сообщество российских правозащитных организаций: сайт. - 01 января 2018. – URL: <https://hrdco.org/whatis/vse-my-ravny-v-nashih-pravah-i-dostoinstve/> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Морозов, Г. И. Актуальные проблемы деятельности международных организаций / Институт мировой экономики и международных отношений (Академия наук СССР), Научный совет по исследованию проблем мира и разоружения (Академия наук СССР). – М.: Международные отношения, 1982. – 351 с.
4. Правозащитники ООН призвали освободить белорусскую активистку Марию Колесникову. Новости ООН: 25.09.2020: сайт. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386692> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Anheir, H. Global Civil Society / H. Anheir., M. Classias., M., Caldor. – London, 2001. – 230 p.

Статья поступила в редакцию 2.11.2020

Skrebets, E. V. Transformation of the Human Rights Organizations Role in Modern System of International Relations

The article examines non-governmental (public) organizations, human rights NGOs and their international associations. The author reveals the main tasks and priority areas of activity of these organizations and analyzes the features of their functioning in modern conditions. The article provides an overview of changes in the functions of non-governmental organizations in modern system of international cooperation while stating the decisive role of Western liberal political tradition in the development of the human rights movement.

Keywords: non-governmental (public) organizations, human rights movement, international relations, human rights activities crisis

УДК 323.2:[331.108.27:354]

Рассматривается частный случай противостояния либералов и «силовиков» во властной элите Российской Федерации. Отмечается, что инициатива Минфина о сокращении штатов в министерстве обороны и министерстве внутренних дел есть в большей степени политическое явление, чем финансово-экономическое. Подчеркивается, что акция либерал-финансистов объективно направлена на дестабилизацию государства и общества. Дается прогноз развития политической ситуации, если бы сценарий Минфина был осуществлен. Делаются выводы о необходимости укрепления российской государственности путем корректировки политического курса и экономической линии.

Ключевые слова: государственность, Россия, политический курс, экономическая линия, государственные интересы, «бухгалтерское сознание».

А. А. Чемшит, профессор, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: chemshit952@gmail.com

«БУХГАЛТЕРСКОЕ» СОЗНАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

В политической жизни современной России протекает немало сложных процессов, происходит значительное число событий, имеющих прямое отношение к стабильности государства и благополучию граждан. Динамика общественных отношений настолько подвижна, что в научно-исследовательских кругах не успевают осмыслить тот или иной феномен, как на повестке встает очередной вопрос, более значимый, и ранее обозначенная проблема остается без подобающего рассмотрения. В этой связи автору настоящей статьи не хотелось бы упустить из виду одну из таких проблем, которая, возможно, останется для многих неприметною, но в действительности является архиважной. Речь идет о рекомендации в октябре 2020 г. Министерства финансов Совету безопасности РФ «оптимизировать» финансирование Вооруженных Сил, полиции, Росгвардии и других силовых структур [1].

В соответствии с авторской методикой исследования политических явлений и процессов обозначим основные вопросы избранной темы исследования [4, с. 13-14]. Эти вопросы следующие: Что из себя по факту представляют рекомендации Минфина? Каково объяснение природы и сути этих рекомендаций? Чего следует ожидать от реализации данных предложений? Что надлежит сделать, чтобы прогнозируемые политические процессы, обусловленные проектом Минфина, осуществились или, напротив, не осуществились?

В России с 2018 г. реализуется десятилетняя государственная программа вооружения стоимостью 20 триллионов рублей. Около 19 триллионов из них запланировано для закупок, ремонта и разработки вооружений плюс 1 триллион на строительство инфраструктуры. По словам Ю. Борисова (вице-премьера, курирующего ОПК), ежегодный объем гособоронзаказа составляет, примерно, 1,5 триллионов рублей [3].

Минфин предлагает оптимизировать военные расходы путем снижения на 5 % ассигнования на госпрограмму вооружений в бюджете на ближайшие три года с целью извлечения из этого экономии в 225 млрд. рублей. Предлагается также сократить финансирование государственной программы «Обеспечение обороноспособности страны». Как следует из расчетов экспертов, за три года высвободится около 323 млрд. рублей. Далее, рекомендуется сокращение госпрограммы «Развитие оборонно-промышленного комплекса»: в 2021 году на 850 млн. рублей и по 840 млн. в 2022-2023 гг.

Кроме того, предложения Минфина, направленные в Совет безопасности, включают в себя: сокращение численности личного состава действующих военнослужащих на 10%; перевод некоторых категорий военнослужащих (кадровиков, юристов, финансистов, тыловиков, медиков, преподавателей) на гражданскую службу; увеличение срока службы для достижения права на пенсию по выслуге лет с 20 до 25 лет, при этом учеба в военном заведении в расчет не принимается; увеличение срока носки вещевого имущества военнослужащими; установление максимального размера денежного довольствия для исчисления военных пенсий в размере не выше 80% вместо 73,68%; устранение из законодательства положения о ежегодной индексации военных пенсий на 2% сверх инфляции и некоторые другие. Кроме того, программа оптимизации Минфина распространяет также меры и на МВД, Росгвардию, ФСИН, ФССП [1].

Что могла бы означать эта инициатива финансового министерства с точки зрения политолога? Однозначно, это не чисто бухгалтерская идея, она вмещает в себя больше политики, чем экономии денег. Аргументы финансового блока правительства об «оптимизации» расходов не выдерживают серьезной критики. Во-первых, Минфину можно было бы существенно сократить расходы на поддержку банковской системы. Известно, что Министерство финансов щедро поддерживает банки под тем предлогом, что они, в свою очередь, дают кредиты под ведение бизнеса, строительство жилья, покупки автомобилей, и т.п. Не имея ничего против кредитования населения, поинтересуемся, почему значительная часть банковских средств оказывается за рубежом? Известно также, что Минфин категорический противник налога на богатство, уверяя, что введение такого налога повредит бизнесу. Недавнее решение об установлении 15% налога для лиц с доходами выше 5 млн. рублей в год, по нашему мнению, есть лишь имитация налога на сверхдоходы. Открытым остается вопрос: в чем уникальность российской экономической действительности, если во всех ведущих экономиках мира налог на богатство колеблется от 40% до 60% [2]?

Во-вторых, Минфин может и «в собственных стенах» найти предмет для оптимизации расходов.

Отсюда следует, что рассматриваемый вопрос есть не столько денежный, сколько политический. Инициативу Минфина следует расценивать как политический ход либерального крыла правительства против «силовики». По сути, предложения либералов, которые убеждены, что они несут пользу государству и обществу, направлены против несущих конструкции государства. Руководимые своим «бухгалтерским» мышлением, они, фактически, проводят антигосударственную политику.

Такой вывод напрашивается в силу следующих соображений. Первое. «Бухгалтерский» подход к политике не может выражать общенациональный интерес. «Учетно-аудитное» мировоззрение не принимает в расчет отечественные традиции, национальные ценности и святыни. Финансовый блок правительства в его либеральном оформлении является космополитным. Ему чужды такие понятия, как патриотизм, нравственность, воинский подвиг, офицерский долг. Ценностями либералов являются самовыражение, самолюбование, безбрежная свобода, сытая и зрелищная жизнь. Настоящие предложения Минфина не являются оптимизацией силового блока, они суть попытка ослабления его как конкурентной силы и, одновременно, причинение вреда государственности как таковой. Второе. Нанесение финансового ущерба силовым структурам имеет целью вызвать у них антигосударственные настроения. Поскольку решение вопроса, инициированного Минфином, находится в компетенции Президента, то эту инициативу следует толковать как провокацию Верховной власти. Если Президент пусть и не поддержит Минфин, но будет вынужден какое-то время держать паузу, то уже этим либералы частично своего добьются, поскольку силовики могут расценить эту паузу как колебание или нерешительность, а значит – отсутствие твердой поддержки своих структур. Третье. Пытаясь отнять у военных то, что им было дано ранее, «либералы-бухгалтеры» будут оправдывать это потребностями здравоохранения, образования, социальными обязательствами. Тем самым, они будут сталкивать интересы военных людей с интересами гражданских. Но опыт перестройки у нас уже есть: отнять у одних – не значит отдать другим. Либералы умеют обещать, но не умеют держать слово.

И, наконец, четвертое. Не исключено, что инициатива Минфина есть лишь небольшая часть большого и далеко идущего замысла по завоеванию президентской должности в 1924 г.

На сегодня в России сложилась неустойчивая система власти, в которой эклектически соединены либеральное и консервативное начала. Политический курс у нас – умеренно правый, т.е. консервативный, экономическая линия – жестко правая, т.е. либеральная. Такое сочетание не обещает долгосрочной стабильности. В будущем следует ожидать либо полевения экономической линии в сочетании с правым политическим курсом (социал-консерватизм), либо полевения политического курса при сохранении правой экономической линии (либеральная демократия). В любом случае фигура президента играет решающее значение, поскольку именно президент определяет основы внутренней и внешней политики Российского государства. Отсюда вытекает, что либералы из тактических соображений пытаются настроить силовиков против исполнительной власти, размыть единство патриотического большинства в обществе, расшатать и дестабилизировать политическую систему.

Сегодня нет каких-либо конкретных решений по поводу минфиновской инициативы. Первая реакция президента весьма сдержанна. Это дает возможность предположить, что никаких решений пока не готовится. Озабоченность вызывает оговорка «пока». Реформа пенсионной системы также произошла после продолжительного периода неопределенности, но в дальнейшем в достаточно короткий срок. Т.е. остается повод и основание для научного прогнозирования того, как будет

выглядеть политическая реальность в будущем, если обозначенное или подобное предложение будет имплементировано.

Прежде всего, с высокой долей вероятности следует ожидать возврата к политическому курсу 90-х годов. Экономико-центрическое мышление властной элиты уже сыграло злую шутку в России в те времена. Б. Ельцин, Т. Гайдар, А. Чубайс, А. Кох и другие реформаторы провели либеральный эксперимент, погрузив страну в глубочайший экономический кризис. Если это произойдет повторно, Россия будет вынуждена целиком войти в мировое финансово-экономическое пространство на условиях сильных мира сего, т.е. США и Европейского союза.

Параллельно с этим пойдет процесс десоверенизации страны. Огромное территориальное пространство может быть разделено на геоэкономические зоны под протекторатом крупнейших мировых игроков. Это неизбежно потребует уничтожения Армии и разрушения всех силовых структур. В какой форме это произойдет, на данный момент сказать сложно, но то, что сильная армия в либеральной России – вассалитете мирового либерального сообщества – будет излишней, есть аксиома. Возврат в 90-е годы означал бы не только утрату территорий, но и распад страны, смуту, хаос, беззаконие и бандитизм. «Бухгалтерскому» сознанию безразлично, будет ли Россия Великой империей или её вообще не будет.

Для того, чтобы предполагаемое развитие событий не состоялось, необходимо принятие определенных мер на упреждение. Нельзя ждать, пока ситуация выйдет из-под контроля. Нужна оперативная адекватная реакция на попытку либеральной интервенции Минфина на суверенное пространство МО и МВД. Публичный выпад либеральных кругов против охранителей государственности заслуживает проведения специального расследования. Обществу должен быть послан недвусмысленный сигнал, что стабильность в государстве есть величайшая ценность, а силовые структуры есть важнейшая опора стабильности в понимании Верховной власти.

Попытка проверить на прочность опоры стабильности дает основание для корректировки политического курса вправо. Это неизбежно благоприятно скажется на повышении безопасности государства от запредельного либерализма, позволит предотвратить открытые публичные проявления неуважения к национальным традициям и святыням, глумление над государственными символами. Благополучие государства также побуждает к корректировке экономической модели в сторону полевения экономической линии, предполагающее преодоление нищеты и снижение децильного коэффициента.

Список литературы

1. Грачев, И. Минобороны ответило Минфину про сокращения в армии / И. Грачев // Комсомольская правда. 2020. – 21 октября 2020. - С.1.
2. Налоги в разных странах мира: таблица 2019-2020 // Visasam.ru : сайт. – URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/nalogi-v-mire.html> (дата обращения 22.10.2020).
3. Сейчас не то время: Кудрин встревожен снижением оборонных расходов // Vesti.ru : сайт. – URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2472495> (дата обращения 22.10.2020).
4. Чемшит, А. А. Основы политологии / А.А. Чемшит. – Севастополь : Изд-во СевНТУ, 1996. – 256 с.

Статья поступила в редакцию 25.10.2020

Chemshit, A. A. “Accounting” Consciousness and State Interests

A particular case of confrontation between liberals and “siloviks” in the leadership elite of the Russian Federation is considered. It is noted that the initiative of the Ministry of Finance to cut staff in the Ministry of Defense and the Ministry of Internal Affairs is more a political phenomenon than a financial and economic one. It is emphasized that the action of the liberal-financiers is objectively aimed at destabilizing the state and society. The author gives a forecast of the political situation development if the scenario of the Ministry of Finance is implemented. Conclusions about the need to strengthen Russian statehood by adjusting the political course and economic line are made.

Keywords: statehood, Russia, political course, economic line, state interests, «accounting consciousness».

УДК 008:316.722-054.72(=161.1)

Рассматривается сущность национально-культурного феномена русскости как особой единицы универсального кода и кванта исторической «памяти культуры» в семантическом пространстве духовных ценностей эмигрантов Русского Зарубежья; выявляются смысловые формы русскости в концептосфере мирозерцания и миропонимания участников событий «Русского исхода», эвакуированных из Севастополя офицеров, гардемарин и кадетов Морского Корпуса в Африке (эмигрантов в тунисском порту Бизерты); определяется значимость аксиосферы универсума русского человека в сохранении национальной и культурно-психологической идентичности.

Ключевые слова: универсум, русскость, историческая память, национально-культурное пространство, «Русский исход», Русское Зарубежье, Гражданская война, эмиграция.

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: Korol_Irina9@mail.ru

Я. В. Матвеева, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: matveyeva.yanina@mail.ru

УНИВЕРСУМ ИСТОРИЧЕСКОЙ РУССКОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ «УЗНИКОВ» БИЗЕРТЫ

Тема Гражданской войны 1917 – 1922 годов и событий «Русского исхода» – Исхода эскадры Императорского Черноморского флота из Крыма и Севастополя, эвакуации Врангелевской армии осенью 1920 г., в общественно-политическом сознании эмигрантов Запада в XX ст. представлена широким спектром мнений – от правых монархических – П. М. Бермондт-Авалов, И. Л. Солоневич, Н. Н. Головин до левых – анархических – П. А. Аршинов, В. М. Волин-Эйхенбаум, республиканско – демократических – П. Н. Милоков, социалистических – В. М. Чернов, Г. Н. Раковский, Н. В. Воронович, Е. И. Сталинский и др. [3, с. 23]. В воспоминаниях и трудах философов, публицистов и писателей Русского Зарубежья этого времени – И. А. Ильина, И. А. Бунина, И. А. Андреева, И. С. Шмелева и др. выражаются явные симпатии «белым», оцениваются их заслуги и ведется полемика об упущенных возможностях в поворотных моментах отечественной истории. Дискуссии о судьбе и будущем обустройстве России в случае победы «белых» в Гражданской войне и об альтернативных вариантах их противостояния с «красными» - большевиками – национальными революционерами, об исторической роли интеллигенции в культурно-исторических процессах государства, о месте России в мировой цивилизации, по-прежнему актуальны в научной исторической среде как апологетов Русского Белого движения, так и их оппонентов.

Авторы статьи не ставят задач оценки событий Гражданской войны 1917 – 1922 годов с позиций современной истории, поскольку этот анализ востребует профессионального исследователя с грамотно выбранным теоретико-методологическим ключом к группировке всего корпуса историографических источников – фактического документального отечественного и эмигрантского материала, глубокого анализа инвариантности знаний по данной проблеме с рациональной установкой на достижение объективной истины.

Интерес авторов связан с осмыслением исторически духовного трансцендентального пространства аксиосферы культуры русского человека, который в ситуации национального «рассеяния» после революций 1917 г. и Гражданской войны в России, стремился сохранить и воссоздать за рубежом свою привычную среду обитания – русскость своего Духа, составной частью которого стали: язык, образование, интеллектуальное общение, религия – христианские православные и народные традиции, книжное дело, искусство.

В центре нашего внимания – выявление специфики репрезентации русскости у эмигрантов Бизерты, покинувших Россию в годы Гражданской войны, но не потерявших своих «корней», сердцем и умом духовно привязанных к русской земле. Источниками для анализа и исследования проблемы являются тексты документальной мемуарно-исторической литературы – воспоминания очевидцев и участников событий «Русского исхода». Основой для анализа русскости является жизнь русской общины в Африке, судьба отдельных ее героев, описанных в документальных повестях Владимира фон Берга «Последние гардемарины» и Николая Кнорринга «Сфаят», в воспоминаниях П. А. Варнек «Поход в Бизерту», Н. Аленниковой «Что было потом, после Бизерты». Все эти раритетные книги сохранил в Париже знаток и ценитель русской зарубежной книги А. В. Савин. Все они вошли в современное переиздание книги «Узники Бизерты», опубликованное в России в 1998 г. на средства Российского отделения Ордена Святого Константина Великого [12].

Воспоминания очевидцев событий, в которых по мнению писателя И. С. Шмелева, «аристократы ли по рождению, крестьяне, казаки, горожане – истинные сыны России, аристократы духом, Ее душа» сохранили память о жизни в своем Отечестве стали основой для выявления смысловых форм русскости в концептосфере мирозерцания и миропонимания русского человека за границами своей исторической Родины [11, с. 193]. «Измерить» пространство русского универсума, разгадать мотивы деятельности и проникнуть в жизненные миры эмигрантов зарубежной Руси сложно, но возможно, комбинируя научное знание из различных областей психологии, культурологии – морфологии (семиотики), анатомии (моделей осевых форм культуры), когнитивной лингвистики и истории.

Цель статьи: уяснить сущность национально-культурного феномена русскости как единицы исторической «памяти культуры» в семантическом пространстве ценностей духовного мира эмигрантов «зарубежной Руси»; на основе мемуаров и документальных воспоминаний участников Русского исхода – эмигрантов тунисского порта Бизерты выявить смысловые формы русскости в концептосфере мирозерцания и миропонимания русского человека и определить их роль в сохранении национальной идентичности русского человека.

В годы Гражданской войны 1917 – 1922 годов основным ядром Русской Белой эмиграции были русские воины – участники Белого движения от генералов до рядовых солдат. Вместе с войсками эвакуировались гражданские лица, большей частью представители научной и религиозной элиты – колоссальная масса представителей высшей аристократической культуры России, русской интеллигенции – ученые, включая академиков и профессоров, писатели, художники, поэты, архиереи и тысячи священников. Большинство из них – это лица, осознанно покинувшие Россию или незаконно изгнанные со своей Родины и депортированные в Западную Европу. Все они пополнили ряды русских эмигрантов. Значительная часть из них покидали страну целыми семьями.

Со 2 по 10 ноября 1920 г. из портов Севастополя, Керчи, Феодосии и Ялты на 126 кораблях Черноморского Императорского флота России были эвакуированы части Белой армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля. В общей сложности Крым покинули около 150 тысяч русских по духу людей. Их человеческой трагедией было то, что уходили они с последнего клочка русской земли, навсегда потерянной ими Россией.

1 декабря 1920 г. Франция согласилась принять часть Русской эскадры в тунисском порту Бизерта (протекторат Французской республики), что на севере Африки. В феврале 1921 г. 33 корабля Черноморского Императорского флота под русским военным флагом Святого Андрея вошли в Тунис, где нашли свое пристанище «более 5000 человек, из них – 700 офицеров, около 2000 человек команды и около 250 жен и детей...» [12, с. 7]. «Кроме экипажей кораблей и семей моряков, в Бизерту прибыли беженцы, связанные с флотом своей службой и работой. Прибыл и весь личный состав Севастопольского морского кадетского корпуса, воспитанники Владивостокского морского училища и служившие в частях Добровольческой армии Юга России кадеты и гардемарины Петроградского морского корпуса» [4, с. 65].

С этого момента для всех прибывших в Африку началось долгое, мрачное и безнадежное «сидение» в изгнании. Четыре года русские эмигранты жили в походных условиях. На эскадренном броненосце «Георгий Победоносец» поселили семьи молодых морских офицеров, открыли школу, церковь и лечебницу. Гардемарины учились в корабельной школе, молились в корабельной церкви, и каждый день поднимали на русских кораблях Андреевский флаг. В пригороде Бизерты – горах, скрытых от глаз с долины и с моря, в старой крепости и бастионе разместили русских беженцев. В помещениях форта Жебель-Кебир расположился эвакуированный из Севастополя Морской кадетский корпус, а в казармах военного лагеря Сфаят разместили руководство, офицеров и педагогический персонал учебного заведения.

20 октября 1924 г., после признания Францией советского правительства, Русская эскадра была расформирована и для всех офицеров и матросов в последний раз прозвучала команда начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала Николая Машукова: «Флаг и гюйс спустить!». Последними его словами при спуске флага стала фраза: «Мы унесли с собой русский дух» [12, с. 7]. Это метафизическое и нравственное выражение единого целого духовно – природного начала русского человека, его русскости, благородства и национальной силы стало стержнем поиска жизненных смыслов существования русских эмигрантов за рубежом на целые десятилетия.

Многогранность и многоаспектность национального концепта «русскость» в современном научном знании по-прежнему представляет обширный исследовательский интерес. Вопрос анализа универсума исторической русскости – это в значительной степени вопрос национального бытия и культурно-психологической идентичности эмигрантов за рубежом, уникальной исторической памяти русского человека, стремящегося сохранить в своем семантическом пространстве Вселенную русского духа. Это особый универсальный код этноса, который способен генерировать и хранить позитивные программы деятельности, поведения, общения человека/группы и на уровне ментальных структур надсознания народа и транслировать его из поколения в поколение.

Социально-философская традиция исследования специфики русскости тесно связана с проблемой анализа национального характера русского народа и его менталитета как социопсихологического, культурного и духовного феномена. В XIX в. целая плеяда отечественных мыслителей: Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, П. А. Сорокин, В. В. Розанов, Н. А. Бердяева, С. Л. Франк, Л. Н. Гумилев, И. А. Ильин и др. рассматривали вопросы самобытности русского народа, обращали внимание на противоречия и парадоксы в психологии и поведении русского человека, пытались выявить его ментальные характеристики в виде эмоциональных, культурных, интеллектуальных особенностей человеческого мировоззрения.

В современном гуманитарном знании феномен русскости осмысливается шире, в различных аспектах ментальности, семиотическом и символическом дискурсах, в контексте художественной культуры и культуры повседневности. Автор монографии «Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования» Р. А. Додонов подчеркивает, что «этническое выступает в качестве функционального «лифта», поднимающего биологические общности до уровня общностей социальных. Если под биологическим началом понимать существование (existence), а под социальным – сущность (essence) человеческого общества, то можно сказать, что этнический феномен представляет из себя единство сущности и существования. Этническая ментальность по форме является механизмом наследственного закрепления и передачи социально значимой информации, а по содержанию – порождением человеческого окружения, среды, как естественной, так и социальной» [6, с. 172].

В основе национального (этнического) менталитета лежат базовые ценностные ориентации, выражающиеся в дихотомии: коллективизм / индивидуализм, духовное / материальное, которые играют исключительно важную роль в процессе формирования и структурирования системы взаимосвязанных образов мира и на генетическом, социальном, генносоциальном уровнях влияют на развитие психического склада нации, выполняют функцию обеспечения его стабильности.

Отечественные исследователи, сторонники этнокультурного подхода русскости В. Межуев, И. Мазаренко, В. Пилипович и др. оценивают феномен через призму анализа национальной культурной идентичности и национального самосознания русского человека. В основание культурной идентичности кладется определенный набор идей и ценностей, включающих в себя нормы и формы поведения, которые в русском человеке осознанно и бессознательно связаны со всеми данностями русского образа жизни и традициями. Они изменяются под давлением среды и творческих личностей в русле заданной культуры.

Вопрос русскости близок к вопросу самоидентификации, но это не только вопрос формальной национальной принадлежности. Русскость даже в своей русскости выходит за рамки собственно этнической характеристики. «Записаться» в русские может кто угодно, но «воплощать в себе дух русской культуры, как и любой другой национальной культуры, способны только те, кто сформировались в ней, напитались ею, не потеряли с возрастом причастности к ней, а напротив, расширяли постижение народной, религиозной и светской культуры своего народа, то есть не противопоставляли возрастание образованности преемству в родной культуре» [9, с. 136]. «Русскость – это качество души и сердца» русского человека, которая «пробуждается» в сложные переломные периоды истории Руси, когда речь идет о сохранении ее целостности и существования» [9, с. 138]. Во времена великих потрясений русский народ вспоминает даже то, чего не знал. В этих воспоминаниях

есть незримая точкой отсчета – это культура и Бог. После осмысления этой точки отсчета возникает подлинная вера, любовь, гордость за принадлежность к истории великой страны и великой судьбы.

С позиций когнитивной лингвистики русскость рассматривается не просто как понятие, а как концепт – «оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное, жестко неструктурированное смысловое образование описательного, образного и ценностно-ориентированного характера» [1, с. 17]. Концепт «русскость» определяется Н. Ф. Алефиренко как «единица универсального кода, т.е. индивидуальный предметный образ, в основе которого лежит чувственный опыт [2, с. 137]. Следовательно, выстраивать рубрикации «чистых» (точных) или «нечистых» критериев русскости невозможно, так как концепт лишь частично проявляет себя в рациональных формах, а воплощает в себе чувственный дух русской культуры, символичный код универсума русского народа, который выступает доминантой его концептосферы как сгусток мирозерцания и миропонимания – это своеобразное сакральное самоощущение русских или их иномироность (иной мир).

Русскую душевность, отзывчивость, поэтичность, мелодичность можно только прочувствовать через мир творчества русской классики – поэтов и писателей, композиторов и художников Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, И. Шмелева, М. Шолохова, В. Шукшина, С. Рахманинова, Г. Свиридова и многих других, в которых «русскость культуры – это выплеск народной души, ее потаенных и вместе с тем самых определяющих субстанциональных особенностей» [9, с. 137]. Русскость культуры – это сопричастность с ней, сопричастность с традициями православной веры, русской классики и народной культурой.

Именно через концепт «русскость» как описательный смысловой образ возможно прочувствовать трагизм и величие представителей русского народа на излете существования Российской империи в 20-ые годы XX в., попытаться «измерить» пространство русского универсума как объективной реальности во времени и пространстве. В национально-культурном измерении пространства русского универсума культурологи традиционно выделяют три взаимопересекающиеся «координатные оси»: когнитивную, ценностную и регулятивную, которым соответствуют три типа смыслов, содержащихся в социально-культурной концептосфере и проявляющихся в поведении людей – это знания, ценности и регулятивы. Когнитивная ось знаний традиционно складывается на основе как множества случайных и разнородных сведений, наблюдений и мыслей человека о мире, так и последовательных, логически обоснованных, построенных на основе опыта и разума. Итогом ее формирования является житейское / обыденное, мистическое / иррациональное и рациональное знание.

Ценностная ось трудноописуема, поскольку ценность человеческой жизнедеятельности воплощает в себе многообразные потребности человека, его интересы и переживания. При существовании различных подходов к ее описанию, чаще всего ценностная парадигма включает систему духовных / идеальных и материальных/вещных ценностей. К вечным высшим духовным ценностям относятся свобода, истина, красота, справедливость, добро, польза; к традиционным семейным ценностям – верность, преданность, любовь к детям и своим близким, и к инновационным ценностям – эффективная коммуникация, бережливость, толерантность и др.

Смысл регулятивной парадигмы состоит в программировании человеческого поведения на информационные блоки, содержащие предписания – «надо», запреты «нельзя», разрешения и рекомендации «можно». Все они содержатся в языке, морали, праве, политике, обычаях, ритуалах и традициях, правилах и инструкциях, которые демонстрируются родителями, поддерживаются общественными институтами и реализуются личностью, находящейся в поле зрения культурного пространства конкретного социума. Общеизвестно, что доминантой русской регулятивной парадигмы является панморалистическая повседневная установка, базирующаяся на трех исходных понятиях: стыд (определяет отношение к природному, материальному началу), жалость (отношение к другим людям) и благоговение (отношение к высшему, божественному началу).

Все три взаимопересекающиеся парадигмы – когнитивную, ценностную и регулятивную можно рассматривать как основы для анализа фундаментальных смысловых форм культурных феноменов русскости, через призму которых открываются грани непостижимой Вселенной русского духа и бытия эмигрантов Бизерты.

Одна из фундаментальных граней русского универсума связана с традиционными мировоззренческими ценностями и установками. Общеизвестно, что в русском сознании живую и особо напряженную работу ума всегда вызывали иррационально-мистические способы познания мира или вопросы конкретного христианства, в личном и историческом его проявлении. Религиозный компонент русской ментальности связан с православием. «Православие – это онтологическая основа

нашей национальной составляющей» - подчеркивал А. Ф. Лосев в своем труде «О реформе Закона Божия в гимназии» [10, с. 114]. Следовательно, православие – это, некая метафизическая, трансцендентная субстанция русскости. Сохранить и укрепить православную веру для русского человека возможно только в «лоне матери» – святой Церкви. На самом большом корабле русской эскадры в Бизерте линкоре «Георгий Победоносец» была своя корабельная православная церковь. Сюда ходили молиться пока на судне шла служба по обычному распорядку.

После выхода эскадры на берег и обустройстве Морского Корпуса в крепости Джебель-Кебир настоятель Церкви Святого Павла Исповедника протоирей отец Георгий Спасский в самом дальнем пещерном каземате поставил свою Русскую православную церковь. Храм строился общими усилиями. «Иконостас был взят с эскадры. Плащаница, венцы, хоругви, иконы делались местными художниками. Ризы и церковные облачения шили дамы... В особом киоте стояла местная икона Богородицы «Радость странным», которая являлась религиозным символом утешения странников. Перед ней всегда горела лампадка» [8, с. 156]. Над алтарем был нарисован голубь. «В этой Церкви, бедной и скромной, уютно-ласковой совершал все службы и требы церковные для Морского корпуса и семей духовник, лектор, оратор и писатель отец Георгий» [5, с.93]. Его праздничные проповеди с духовным музыкальным репертуаром вызывали нечто радостное и очищающее, успокаивали нервы, отвлекали от будничной прозы, навевали воспоминание детства. «Когда в корабельной церкви, у всенощной запели: «Рождество твое. Христе Боже наш!», то у всех замигали ресницы и захватило дух. Нашу страну вспомнили, детство, славельщиков... Северный ледяной праздник, когда огни горят на елках, среди огромных сугробов...» [8, с. 156]. «О, этот маленький пещерный храм! Как он дорог нам! Сюда несем мы свои скорби, сюда идем со своими надеждами» [5, с. 98].

Эта ностальгия по ушедшим дням, по родной земле, по православным храмам, церковным службам хранится в памяти эмигрантов и воспроизводится в воспоминаниях Н. Кнорринга: «Я люблю молиться. Люблю чувствовать Бога в церкви, в привычном с детства полумраке куполов, мерцании свечей, невыразимой красоте церковного богослужения, люблю ее внешнюю сторону, украшенную: ведь церковь – храм, театр, подмостки, амвон – концертная эстрада, где разыгрывается мистерия, литургия...» [8, с. 157]. В русском уголке Африки церковь стала составной частью жизни Морского Корпуса, а церковная жизнь вошла существенным элементом в африканский быт. «Церковь вносила какую-то умиротворяющую регулярность в годовой служебный обиход, объединяла, давала много сладких минут своим утешением и красотой» [12, с. 156].

В традиционной парадигме социально-духовных ценностей и идеалов русского человека внутренним ценностным стержнем бытия выступает еще одна общая и доминирующая трансцендентная идея – идея соборности. Понятие собор чисто русское и лучше всего может осознаваться именно русскими людьми. В учениях о соборности А. С. Хомякова, мыслителей XX века Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Л. П. Карсавина соборность определяется как связь личности со сверхличностной (трансцендентной) сферой. «Единство во множестве» возможно в рамках религиозной общины, в которой основой духовного единства является любовь. Целостность личности обретается только в нравственно свободном единении людей. «Собственную кровь человек воспринимает как часть общей крови, собственные ценности как неотъемлемую составную часть ценностей, представленных в духе общности» [14, с. 191]. Это некое братство духовного единства, родство русских душ на основе веры в церковной жизни проявляется не только в религиозной, а в целом во всей духовной и бытовой сферах.

Православная церковь в Бизерте объединила в себе разных людей, единых на основе соборности со всеми, кто находился рядом не по принципу расстояния и иерархии или положения в обществе: статуса, ранга, должности и т. д., а по принципу убеждений и христианской веры. Общая вера принятия идеи высшего Блага сплотила русских по духу людей на уровне понятия братства и тяготения к общинности. В минуты стояния в церкви человек отвлекался от будничной прозы...мы едины в чувствах, испытываем нечто радостное и очищающее, успокаиваются нервы, мы едины во всеобщей идеи признания высшего Блага (Бога) – добра, правды и сострадания. Наличие этой «энергии солидарности» или любви, обеспечивающей «единство многих», дает возможность прочувствовать человеку свое единство и родство с русским народом в соборе национального менталитета.

Духовная соборность русских по духу часто строится независимо от сакральных установок и канонов, а на общих высших интересах и идеях общности, свободе убеждений, любви и братстве. Такой высшей мечтой – целью – идеей, объединяющей русских эмигрантов Бизерты в Африке стали мечты о Родине. «Любовь к Родине заставляет производить в себе могучую работу: угнетать досадные последствия бедности и уметь глубоко почувствовать самое важное и вечное – Идею» [5, с.

101]. Покинув Отчизну, каждый мечтал о возвращении на родную землю. В воспоминаниях В. Берга подчеркивается, что эта надежда как зерно нетленной Веры в высшую идею – справедливость; в то, что их мечта обязательно воплотится в действительности укоренилась в психической сфере каждого русского эмигранта и закаляла их колеблющийся дух.

У многих кадетов Морского Корпуса в Джебель-Кебире были родные в Бизерте или Сфаяте. Связанные семейными узами они часто приводили с собой мальчиков-кадетов, большинство из которых были как бы сиротами – их родные были в России, откуда иногда приходили скорбные и грустные письма. «Само-собой возникло сближение некоторых кадет с семейными парами Сфаята. Такие «интимные» гости носили название «сыновей» и многие из них стали родными для большинства офицерских семей. Одно время дамами были организованы чаи, специально для кадет... они тщательно обставлялись – пеклись пирожки, сладости, красиво убиралась столы...» [8, с. 178]. Мягкое влияние женщин-матерей и сестер смягчало и облагораживало грубого по природе мужчину-воина, регулировало запреты и корректировало разрешения, воспитывало традиционные представления о добре и зле, правде и лжи, социальной справедливости, о нравственности и безнравственности.

В чужом, не всегда благосклонном арабском и мусульманском культурном окружении эмигранты искали возможность погружаться в ушедший, но «живой мир» русской культуры. Сохранить национальное самобытное «культурное гнездо» русскости исчезнувшей старой России – это была особая миссия, осознанное высокое предназначение «узников» Бизерты. Культурная жизнь в походных условиях развивалась главным образом за счет внутренних ресурсов – потребностей и интересов офицеров и их жен, гардемарин и кадетов. В далекой и чужой стране, в мрачном рве заброшенного каменного старинного форта, среди многозвездного мрака надвигающейся ночи, среди живых растений и цветов, на созданных театральных подмостках они играли русские пьесы под русскую музыку, с русскими артистами-любителями и для русской публики. Русский театр в Африке с тонким музыкальным сопровождением в наиболее выразительных местах, тихая и трогательная «нежная музыка рояля и скрипки, хор морского корпуса...» впечатляли даже тех, кто привык к Московским и Петроградским театрам.

«Актеры» играли пьесы разных авторов. Ставили спектакли на религиозную тему, но особенно любили театральные интерпретации произведений А. П. Чехова. Одна из пьес с библейским сюжетом по ветхозаветной книге Руфь – это история дома Давида, из которого впоследствии произошел Мессия, Спаситель Израиля. «Это история женщины Руфи, принявшей добровольно тернии изгнания ради высшей самоотверженной любви. В символических образах автор пьесы «Руфь» стремился оживить в душах русских людей, заброшенных в чужую страну, падающую веру в большую Родину» [5, с.100].

Излюбленным развлечением публики XIX в. в России был бал. Бал являлся элементом дворянского быта, сферой непринужденного общения, светского отдыха, где границы служебной иерархии ослаблялись. Во дворе крепости Кебир, «убранный флагами и дивными цветами в голубых и белых аксельбантах гостеприимно и радушно принимал гостей танцевальный зал. Основным элементом бала как общественно-эстетического действия были танцы. «Вальсы сменялись мазуркой, плясали краковяк, кадрили, миньон, полонез, шаконь и даже польку. Весело, искренне, непринужденно, как всегда у моряков...» [5, с.102]. Музыкально-пластические образы танца всегда эмоциональны, заразительны и увлекательны. Нарядные пары прекрасных дам, гардемарин, кадет и офицеров плавно неслись по цементному полу крепостного барака. Солидные дамы, адмиралы, штаб-офицеры, профессора корпуса изредка выходили «вспомнить молодость».

Все, что невозможно передать словом и танцем гардемарин и кадеты Морского корпуса выражали в музыкальном творчестве. Русские народные песни пели в гостиной после бала. Лаконичная формула: «Песня – душа народа», прямо и непосредственно выражала значение народной песни у эмигрантов Бизерты. Песня раскрывала такие глубины, такие тайники русского характера, которые невыразимы, непостижимы в иных жизненных ситуациях. У каждой морской роты в Сфаяте была своя любимая песня: «Бородино», «Моряк», «Фуражка милая» и др. Эти мелодии национальной души позволяли многократно возвращаться в мир детства и отрочества, радоваться и печалиться, ощущать себя одним, единым целым с группой поющих. Матросская песня сплавляла кадет и делала их ближе друг к другу.

Все эти культурные коды русскости как символы, знаки и своды правил имеют «свой глубокий и непреходящий смысл – религиозный, патриотический и государственный» [7, с. 117]. Эта триада, по мнению И. А. Ильина, и определяет всю полноту русского духа, которая проявляется и раскрывается в молитве, в музыке, в стихах, в совестливом поведении и в иных формах, не всегда подвластных

рациональной рассудочности. Главной заслугой Белого движения многие русские аристократы за рубежом считали спасение русской офицерской и дворянской чести. Потеряв все, кроме чести «они дрались за империю» и в этом тоже неизменная черта русскости – никогда не сдаваться. Они «сразу встали на защиту Родины и беззаветно отдавали все, что у них было – здоровье, имущество, Жизнь» [7, с.118].

Таким образом, историческая русскость в своей субстанциональной основе связана с культурно-исторической памятью русского народа, претендующей на статус национальной, которая воспроизводится из поколения в поколение через формы коммуникации, историю, культуру, православные христианские и народные традиции. Национальная память немыслима вне русской культуры, российского пространства и исторического времени. Сопричастность с русской культурой способны прочувствовать только те, кто сформировался в ее «лоне», кто напитался её идеями и ценностями и не потерял с возрастом привязанности к русской земле. Русская память «живет не в наших душах, не в слабых, ограниченных, мало разумеющих сознаниях отдельных людей, а в подсознательных глубинах великой сверхличной народной души», в глубинной памяти народа, независимо от места его пребывания, даже на чужбине [13, с. 224].

По словам поэтессы и критика Зинаиды Гиппиус, русская эмиграция, по сути, представляла собой Россию в миниатюре. Вне государства, вне своей исторической Родины, эмигранты – «узники» Бизерты смогли объединиться во имя великой идеи сохранения России, ее многовекового духовного наследия. В течение пяти лет они жили надеждой вернуться на Родину, готовили себя для дальнейшего служения России, умом и сердцем, не порывая с ней духовных связей. Задача сохранения отечественной культуры длительное время казалась им более важной, чем все лишения и невзгоды на чужбине.

Выделенные нами смысловые формы исторической русскости в концептосфере мирозерцания и миропонимания эмигрантов Бизерты подтверждают, что «Русскость, по мнению польского писателя С. Лема, – это особое мировоззрение справедливого жизнестроя», через призму которого русский человек глубже постигает народную, религиозную и светскую культуру своего народа. Эмигранты Бизерты «свили» свое «культурное гнездо» русскости, в котором черпали силы не только для физического выживания, а для сохранения своей жизнеспособности и полноценного духовного развития – осознания своей самостождественности, своей души и своего национального Духа, которым на протяжении столетий крепла Россия. В дальнейшем многие из них, став гражданами других стран, смогли сохранить свой культурный код русскости, сплотиться в различные рода организации/объединения и включиться в общественную жизнь Русского Зарубежья.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Богатырева, Л. В. Русская эмиграция о Гражданской войне 1917-1922 годов / Л. В. Богатырева, П. Н. Базанов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – СПб.: Изд.: Русская христианская гуманитарная академия, 2018. – Т.19. – № 1. – С. 23-31.
4. Бойко, В. Севастопольский морской кадетский корпус. Севастопольское высшее военноморское инженерное училище. Историческая ретроспектива: от начала XX века до начала XXI / В. Бойко. – Севастополь. – 2011. – 430 с.
5. Берг, В. Последние гардемаринны / в кн. Узники Бизерты: Док. повести о жизни русских моряков в Африке в 1920-25 гг. / Сост. и предисл. С. Власов. – М. : Рос. отд-ние Ордена св. Константина Великого, 1998. - С. 21-125.
6. Додонов, Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р. А. Додонов. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. –191 с.
7. Ильин, И. А. Девизы Белого движения // Собрание сочинений. Русский колокол: Журнал волевой идеи. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 855 с.
8. Кнорринг, Н. Сфаят / в кн. Узники Бизерты: Док. повести о жизни русских моряков в Африке в 1920-25 гг. / Сост. и предисл. С. Власов. – М. : Рос. отд-ние Ордена св. Константина Великого, 1998. – С.126-214.
9. Корольков, А. А. Русскость культуры, русскость философии / А. А. Корольков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – Т.11. Выпуск 3. – С. 136-141.

10. Лосев, А. Ф. О реформе Закона Божия в гимназии / А. Ф. Лосев / Высший синтез. Неизвестный Лосев. – М.: 2005. – С.114.
11. Шмелев, И. С. Душа России. Сб. ст. от 1924-1950 гг. / И. С. Шмелев. – СПб.: Библиополис, 1998. – 238 с.
12. Узники Бизерты. Док. повести о жизни рус. моряков в Африке в 1920-25 гг. / Сост. и предисл. С. Власов. – М.: Рос. отд-ние Ордена св. Константина Великого, 1998. – 271 с.
13. Франк, С. Л. Мертвые молчат / С. Л. Франк / Непрочитанное. – М.: Моск. школа. полит. иссл., 2001. – 592 с.
14. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 320 с.

Статья поступила в редакцию 5.09.2020

Galyas, I. A., Matveeva, Ya. V. *The Universe of Historical Russianness in the Cultural Space of the Bizerte «Prisoners»*

The article examines the essence of the national-cultural phenomenon of Russianness, as a special unit of the universal code, and quantum of the historical memory of culture in the semantic space of the spiritual values of the Russian Diaspora emigrants. The authors reveal the semantic forms of Russianness in the conceptual sphere of the world outlook of the participants of the "Russian Exodus" and midshipmen and cadets of the Marine Corps in Africa (Russian emigrants in Bizerte).

Keywords: universe, Russianness, historical memory, national-cultural space, spiritual values, «Russian exodus», Russian Abroad, Civil war, emigration.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 19
2020

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 01.12.2020. Формат 60×84/8. Заказ № 46/20.
Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 5,88. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

